

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РСФСР
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Выпуск II

Ответственный редактор
К. А. ТИМОФЕЕВ

795988

ВОСГОБД КИЯ
область Б. С. о. лека
им. И. В. Бабушкина

НОВОСИБИРСК 1973

81.0

УДК 410

Актуальные проблемы лексикологии
и словообразования. Выпуск II. От-
ветственный редактор К.А.Тимофеев.
НГУ, Новосибирск, 1973, стр. I-162.

В предлагаемом сборнике научных трудов на материалах русского, английского, селькупского, эвенкийского, японского языков рассматриваются вопросы семантической соотносительности производных и производящих слов, синонимии, многозначности, эквивалентности слов, перехода полнозначных слов в служебные и другие, изучаются образные и фразеологические средства этих языков.

Ряд статей посвящен некоторым общим проблемам языка.

К.А. Тимофеев

ЗАМЕТКИ ОБ УСТРОЙСТВЕ ЯЗЫКА

(о месте словообразования в структуре языка)

1. Вопросу об устройстве языка, его структуре, системным связям между элементами языка в современном языкознании уделяется очень много внимания, но тем не менее вопрос этот не может считаться вполне решенным. В принципе системный характер отношений между элементами языка, системность языка в целом, наличие в языке подсистем или "ярусов" не вызывают ни у кого сомнений. Сложнее обстоит дело с выделением в структуре языка конкретных подсистем, с установлением связей между ними.

В данной статье высказываются некоторые общие соображения по поводу устройства языка и в целом и, в частности, о месте словообразования в структуре языка. Эти соображения сделаны на материале русского языка и имеют непосредственное отношение прежде всего к этому языку.

2. Следует различать понятия системы и структуры, которые нередко смешиваются. Структура – это расположение, устройство, система – характер отношений между частями целого, его компонентами. Структура языка системна по своему строению.

3. Изучение структуры языка может осуществляться с разных сторон, исследователь может руководствоваться разными позициями в зависимости от того, какие свойства объекта считаются исходными. Но, следуя тому или иному подходу, лингвист не должен их смешивать.

4. Нам кажется, что при изучении устройства языка следует четко различать "материальный" и функциональный подходы. При материальном подходе язык рассматривается как системное устройство, состоящее из ярусно расположенных материальных единиц. К материальным единицам языка относятся фонемы, морфемы, слова, сло-

восочетания, предложения (простые и сложные). Эти единицы считаются материальными потому, что они воспринимаются органами чувств человека (слухом или зрением), это слышимые или читаемые элементы языка. Между ними отношения вхождения: фонемы входят в морфемы, морфемы - в слова, слова - в словосочетания, словосочетания - в предложения. Каждая из единиц имеет свои отличительные признаки, которые носят материальный характер. Фонемы обладают наборами дифференциальных признаков (артикуляционных и акустических), слова как звуковые комплексы отделяются паузами, имеют свое ударение, предложения характеризуются особой интонацией и т.д.

Материальные признаки элементов играют в языке очень важную роль. Они позволяют отделять друг от друга, выделять, разграничивать материальные ¹⁾ единицы языка. Активность различительных свойств этих признаков особенно наглядна при изучении незнамого или малознамого языка, в котором можно научиться различать отдельные звуки, морфемы, слова, предложения. Но вместе с тем способность материальных элементов языка разных типов отграничиваться друг от друга не самостоятельна. Она является следствием функциональных различий этих элементов.

5. Каждый элемент языка функционирует в системе языка. Их функции в конечном счете определяются основным назначением языка - служить средством общения и орудием мышления. Данные функции бывают однозначными и неоднозначными. Напр., у фонем функция однозначная - разграничивать звуковые оболочки морфем и слов. У морфем же функциональная природа более сложная. Морфемы в языке используются в двух назначениях: они выражают лексические и грамматические значения слов. В очень большом количестве слов русского языка лексическое значение определяется значениями морфем, составляющих слово.

Основным средством выражения грамматических значений в русском языке служат морфемы. В первую очередь для этой цели используются аффиксальные морфемы, но иногда изменения в звуковом облике корня (чередование) могут сопутствовать выражению грамматических значений (ср. подбросить - подбрасывать). Но возможности морфем не удовлетворяют существующей в русском языке потребности в выражении грамматических значений. Как известно, эти значения могут передаваться и другими способами: служебными словами, порядком слов, ударением и т.д.

1) Материальность единиц языка и в том, что они произносятся или пишутся, т.е. требуют для своего воспроизведения определенных мускульных усилий.

6. Материальная и функциональная стороны языка тесно связаны между собой, составляют одно неделимое целое в общем устройстве языка. Говоря об устройстве языка, следует различать: а) материальную структуру языка, б) функциональную структуру языка. Об устройстве первой коротко было сказано выше. Что же касается функциональной структуры языка, то она иначе может быть названа семантической структурой языка или же его семантикой.¹⁾ Семантика языка в свою очередь складывается из лексической семантики и грамматической семантики.

7. Лексическая семантика – это система значений слов и составляющих их морфем. Материальная единица языка – слово – выступает как носитель определенного смысла, смысловая значимость – функция фонетического слова. Существует различие между лексическими функциями слов и морфем. Функция слова – выражение целостного лексического значения, функция морфем – выражать элементы смысла, составляющие в совокупности значение целого слова.

8. Грамматическая семантика – это система грамматических значений языка, подразделяющаяся на два основных раздела: значения грамматических форм слова и значения синтаксических форм. Значения первого рода сопутствуют лексическим значениям слов и конкретизируют их (ср. значения лица, времени, числа, наклонения, выражаемые личными формами глагола, и отсутствие этих значений у инфинитива, который вполне обоснованно называется неопределенной формой глагола). Синтаксические значения – это значения синтаксических форм. Синтаксическими значениями обладают словосочетания, предложения, конструктивные части предложения.

9. Семантика (лексическая и грамматическая) является функцией материальных элементов языка. Морфемы, слова, словосочетания, предложения непосредственно связаны с определенными видами значений, роль фонем несколько иная: они выступают в качестве различителей материальных элементов высших уровней и с семантической стороны языка связаны лишь косвенным образом.

Между системой материальных элементов и функциональной системой языка – отношения соответствия (симметрии) и несоответствия (асимметрии). Подобные отношения наблюдаются, напр., в соотношении синтаксических материальных единиц и синтаксических значений:

1) Здесь термин семантика используется в его широком значении. Таким образом, функцией материальных элементов языка является семантика.

функцией синтаксических материальных единиц являются синтаксические значения, со своей стороны, синтаксические значения материально выражаются синтаксическими единицами. Но между системой грамматических значений слова и материальными средствами их выражения нет прямого соответствия. Здесь отношения асимметрии. Так, с помощью морфем выражаются грамматические значения, но грамматические значения могут быть выражены и другими средствами языка. Асимметричны и отношения между словами и лексическими значениями. Отдельные полнозначные слова выражают лексические значения, но лексические значения могут быть выражены не только отдельными словами, но и их устойчивыми сочетаниями.

Таким образом, система материальных элементов и функциональная система языка не могут быть наложены одна на другую.

10. Система материальных элементов – это система иерархического типа, состоящая из звуковых (или графических) по их материальной природе единиц различной степени протяженности (фонемы – морфемы – слова – словосочетания – предложения). Дифференцирующие признаки разграничивают как единицы одного уровня, так и единицы разных уровней. Функциональная система языка также имеет свою структуру. Ее компонентами являются лексические значения слов, грамматические значения слов, синтаксические значения словосочетаний, предложений и их частей.

К изучению структуры языка можно идти двумя путями: от материальных элементов к их функциям и, наоборот, от функций к их носителям – материальным элементам. Второй подход противоположен первому по своей направленности. Изучение структуры языка идет от его функциональной системы (семантики в широком понимании этого термина) к материальным средствам.

Оба пути дают возможность взглянуть на устройство языка с разных сторон и приводят к разным результатам. Так, занимаясь морфемами, можно исследовать использование их в лексике и грамматике. Двигаясь противоположным путем, от функций к средствам, лингвист предметом наблюдения имеет все многообразие материальных средств выражения грамматических значений, включающих не только морфемы, но и другие средства языка.

11. Возникает вопрос: где же находится грамматика в общем устройстве языка? Грамматики нет ни в системе материальных элементов, ни в его функциональной системе. В системе материальных элементов находим материальные средства – морфемы, одна из функций которых

выражать грамматические значения; в функциональной же системе имеются грамматические значения. Система материальных элементов и функциональная системы языка – это две стороны одного и того же объекта – языка. Между ними органическое единство и вместе с тем сложное взаимодействие. Грамматика как раз одна из точек соприкосновения той и другой сторон общего устройства языка, результат их взаимодействия. Грамматику языка можно определить как единство грамматических значений и материальных средств их выражения.

12. Что же такое словообразование? Прежде, чем ответить на этот вопрос, необходимо уточнить: под словообразованием имеются в виду только те явления, которые свойственны синхронному состоянию языка. Так же как и грамматика, словообразование не находится ни в системе материальных средств языка, ни в его функциональной системе. В системе материальных элементов существуют морфемы, функционирование которых, как уже указывалось, носит двуплановый характер. В функциональной системе языка имеется область лексической семантики, куда входят лексические значения целых слов и их компонентов – морфем. Словообразование – это функционирование морфем в интересах лексики, т.е. использование морфем для выражения лексических значений слов и различий между ними. Подобно грамматике, словообразование – это одна из точек соприкосновения функциональной и материальной систем языка.

Словообразовательные явления языка отличаются регулярностью. В русском языке существуют обобщенные типы построения слов, обладающие определенными значениями, которые называются словообразовательными. Словообразовательные значения – это часть лексической семантики языка, они являются компонентами лексических значений отдельных слов.

13. Сказанное выше может быть изображено в виде следующей упрощенной схемы:

Общая структура языка

Система материальных элементов

- а) фонемы
- б) морфемы
- в) слова
- г) словосочетания
- д) предложения

- Лексика
- Словообразование
- Грамматика

Система функциональных средств (семантика)

- I. Лексическая семантика
 - а) словообразовательная семантика,
 - б) значения отдельных слов
- II. Грамматическая семантика

(морфология,
синтаксис)

- а) грамматические значения слов,
- б) грамматические значения словосочетаний и предложений

Как известно, ряд лингвистических наук посвящен изучению структуры языка. Содержание этих наук зависит от направления исследовательского подхода. Так, система морфем русского языка при направлении от материальных элементов к их функциям оказывается предметом особой науки – морфемике, изучающей функционирование морфем в языке. Если идти в обратном направлении, от функций к их материальному выражению, то лишь одна из функций морфем может оказаться в сфере внимания лингвиста: использование морфем для выражения лексических или же грамматических значений. В первом случае это предмет словообразования, во втором – грамматики.

М.Н.Яценецкая

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАГОЛОВ НА -ЕТЬ И МОТИВИРУЮЩИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Вопросы формально-семантических отношений между мотивирующими и мотивированными словами привлекают все большее внимание языковедов. Выявление морфонологических и семантических характеристик групп слов, находящихся в отношениях непосредственной мотивации, прямым образом способствует раскрытию того механизма, который определяет структурно-семантическую (в том числе и словообразовательную) систему современной лексики. В ряде работ устанавливаются условия мотивационной соотносительности слов¹⁾ и подробно, с учетом единичных отклонений от правил, выявляются все случаи фонетической и морфологической несовместимости словообразовательного суффикса и мотивирующей основы. Вопросы же семантической совместимости указанных элементов рассматриваются, как правило, в плане общего соответствия сопоставляемых единиц. Чтобы семантическая характеристика была конкретной и достаточно тонкой, необходимо сопоставление мотивированного и мотивирующего слова на уровне их лексико-семантических вариантов.²⁾ Это позволит выделить "семантические свойства, не имеющие формального выражения в слове, но обнаруживающиеся в сфере словообразования".³⁾

В данной статье рассматриваются семантические отношения между отымёнными глаголами на -ЕТЬ и мотивирующими их прилагательными с целью выяснения мотивирующей семантики, ее специфики и значимости для общего значения структурно-семантического (словообразовательного) типа.⁴⁾ Анализ этих отношений проводится путем последовательного сопоставления лексико-семантических вариантов мотивирующего и мотивированного слов.⁵⁾

Данные лингвистической литературы и непосредственные наблюдения над конкретным материалом позволяют нам сделать предварительное заключение относительно семантики отымённых глаголов на -ЕТЬ. Абсолютное большинство глаголов на -ЕТЬ обладает значением с т а н о в л е н и я п р и з н а к а (напр., БУРЕТЬ - 'становиться бурным', БОГАТЕТЬ - 'становиться более богатым', ВЕСЕЛЕТЬ - 'становиться веселым или более веселым'⁶⁾). Лишь единичные глаголы (РОБЕТЬ, БОЛЕТЬ, ПЕСТРЕТЬ и некоторые другие) лишены этого значения. Вторым, характерным для ряда глаголов на -ЕТЬ, является значение в я в л е н и я п р и з н а к а, наблюдаемое обычно у глаголов, соотносимых с прилагательными со значением внешнего признака,⁷⁾ чаще всего цвета, напр., БЕЛЕТЬ (ВДАЛИ), АЛЕТЬ (о флагах) и т.п. И наконец, некоторые глаголы обладают значением т р е т ь е г о в и д а - п р о я в л е н и я п р и з н а к а, напр., ЗЕЛЕНЕТЬ (ВЕЧНО), КОСНЕТЬ (В НЕВЕЖЕСТВЕ), БОЛЕТЬ ('быть больным'), РОБЕТЬ ('проявлять робость') и др. Семантические отношения между глаголами на -ЕТЬ и мотивирующими их прилагательными могут быть представлены соответственно тремя схемами: "признак - становление признака", "признак - выявление признака", "признак - проявление признака". Первая и вторая схемы отражают регулярные семантические отношения, третья реализуется в единичных случаях.

Следует отметить также, что ряд значений глаголов на -ЕТЬ, несмотря на отнесение последних к неидиоматическому словообразовательному типу,⁸⁾ не может быть объяснен прямой соотносительностью глагола с прилагательным. Эти значения объединяются в два вида (I и 2).

1. Значение носит переносный характер, мотивируется прямым значением самого глагола и лишь опосредованно, через прямое глагольное значение, соотносится с прилагательным, напр., КРАСНЕТЬ (ЗА СВОЕ ПОВЕДЕНИЕ), НЕМЕТЬ (О ЧАСТЯХ ТЕЛА).

2. Глагол в одном из своих значений мотивируется однокорневым

существительным; возможны следующие случаи: 1) глагол структурно-семантически соотносится как с прилагательным, так и с существительным, напр., РЯБЕТЬ - 'становиться РЯБЫМ (о лице)' и 'покрываться РЯБЬЮ (о водной поверхности)'; ЗЕЛЕНЕТЬ - 'становиться, быть ЗЕЛЕНЫМ, выделяться ЗЕЛЕНЫМ цветом' и 'покрываться ЗЕЛЕНЬЮ'; 2) глагол структурно соотносится с существительным, а семантически и с прилагательным и с существительным, типа ХОЛОД - ХОЛОДЕТЬ ('становиться ХОЛОДНЫМ' и 'испытывать ощущение ХОЛОДА').⁹⁾ Семантические "ножницы", имеющие место в подобной ситуации, могут быть настолько велики, что это дает основание говорить о двух глаголах-омонимах (ср., БОЛЕТЬ¹⁾ - 'быть БОЛЬНЫМ болезнью, страстью, воспоминаниями...' и БОЛЕТЬ²⁾ - 'вызывать ощущение БОЛИ');¹⁰⁾ 3) глагол структурно мотивируется только прилагательным. Возможность семантической соотнесенности глагола с существительным в этом случае объясняется производным характером самого прилагательного. Связь глагола с существительным является опосредованной, устанавливаемой через семантику мотивирующего прилагательного, напр., ПАРИШ-ВЕТЬ - 'покрываться ПАРИШОЙ', РЖАВЕТЬ - 'покрываться РЖОЙ, ржавчиной'.

В целом же глагольные значения, "не поддержанные" прямо значениями прилагательных, отмечаются редко и не противоречат положению о том, что семантика глаголов на -ЕТЬ, как правило, непосредственно соотносится с семантикой мотивирующих прилагательных, устанавливая с ними отношения по определенной семантической схеме. Такова общая семантическая характеристика рассматриваемых глаголов.

В литературе определение глагольных значений обычно дается через мотивирующее прилагательное, вводимое словами "становиться (более)...": ВЗРОСЛЕТЬ - 'становиться (более) взрослым', ГЛУПЕТЬ - 'становиться глупым' и т.д. Такое определение имплицитно утверждает, что все лексико-семантические варианты мотивирующих прилагательных трансформируются в глагольные значения. Лишь в единичных случаях (типа ХОРОШИЙ - ХОРШЕТЬ) отмечается "сужение" мотивирующей семантики.¹¹⁾ Однако проведенное нами сопоставление лексико-семантических вариантов прилагательных и мотивированных ими глаголов показало, что большее или меньшее "сужение" семантики наблюдается у 3/4 всех глаголов на -ЕТЬ, поэтому данное изменение мо-

тивирующей семантики должно быть признано характерной особенностью рассматриваемых семантических отношений. Неполное семантическое соответствие структурно соотносимых пар слов делает необходимым анализ мотивирующих значений, находящихся отражение в семантике мотивированных слов. Прежде всего, надо выяснить наличие конкретных семантических показателей, обязательных для основы прилагательного, мотивирующего глагольную семантику, и после этого решать вопрос о специфике мотивирующей семантики для каждого из трех типов глагольного значения в отдельности. Стремясь разобраться в поставленных вопросах, мы, в первую очередь, попытались выявить особенности семантических отношений между прилагательными и глаголами, построенных по наиболее регулярной и распространенной схеме "признак - становление признака". Ниже приводятся результаты анализа.

1. Семантику инхотативных глаголов мотивируют конкретные значения прилагательного. Переносные семантические варианты, носящие ярко метафорический характер, в глагольные значения не трансформируются.¹²⁾ Напр., ГРЯЗНАЯ (УЛИЦА), ГРЯЗНЫЕ (РУКИ) - ГРЯЗНИТЬ, но ГРЯЗНАЯ (БЛЕДНОСТЬ) не имеет глагольного соответствия; ЗЕЛЕНАЯ (ВОЛНА), ЗЕЛЕНое (ЛИЦО), ЗЕЛЕНое (ДЕРЕВО) - ЗЕЛЕНЕТЬ, но ЗЕЛЕНый (КОНЕЦ); МУТНый (ПРУД), МУТНОЕ (СТЕКЛО), МУТНЫЕ (ГЛАЗА) - МУТНЕТЬ, но МУТНАЯ (ТИШИНА) и т.п.

2. Установление семантических отношений между прилагательным и глаголом возможно только в том случае, если мотивирующее прилагательное в его конкретном значении обозначает признак, объективно присущий предмету и в нем самом возникающий.¹³⁾ Опосредованное выражение признака препятствует возникновению соответствующего глагольного лексико-семантического варианта. Так, не образуют противопоставлений такие лексы прилагательных, как ГРЯЗНАЯ (РАБОТА) - 'связанная с тем, что пачкает, загрязняет'; ГРЯЗНОЕ (ВЕДРО) - 'предназначенное для отбросов'; СВЕТЛАЯ (ЛАМПОЧКА) - 'излучающая яркий свет'; ТРЕЗВОЕ (ПОВЕДЕНИЕ) - 'свойственное трезвому человеку' и др.

Показательны в этом плане значения прилагательных, характеризующих внутренние признаки живых существ (чаще людей) через какие-либо внешние черты (глаза, улыбку, лицо и т.п.). Напр.; ДОБРОЕ, ЖАДНОЕ, ЗЛОЕ, СВЕТЛОЕ, СУРОВОЕ, УГРОМОЕ, УМНОЕ (ЛИЦО) - (ЛИЦО) ДОБИСТО, БУДНОГО и т.д. ЧЕЛОВЕКА (не случайно их толкование в словаре начинается со слова "выражающий"); см. также ЧЕРСТВОЕ

(ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА), ВЕСЕЛАЯ (УЛЫБКА), ПОШЛАЯ (УСМЕШКА), ХРАБРЫЙ (ВИД), СМЕЛЫЕ (ГЛАЗА) и некоторые другие. По данным Словаря, глаголы на -ЕТЬ не обладают значениями, соотносимыми с вышеперечисленными именными вариантами.¹⁴⁾

По той же причине не образуют глагольно-именных оппозиций лексы прилагательных со значением признака предмета в зависимости от субъективного восприятия его в данном коллективе или отдельными лицами: ГЛУПАЯ (ЗАТЕЯ), ГЛУПЫЕ (ЦВЕТЫ); ДУРНОЙ (ПОЧЕРК), ДУРНЫЕ (МАНЕРЫ), ДУРНОЙ (ПОСТУПОК), ДУРНАЯ (ПРИМЕТА), СКУЧНЫЙ (РАЗГОВОР), СМЕЛАЯ (ПОЗА) и др. Интересно в этом отношении сравнить омонимы ХУДОЕ (ЛИЦО) и ХУДАЯ (СЛАВА). Первый из них, выражая признак, объективно присущий предмету, мотивирует глагол ХУДЕТЬ, а второй нет. Заметим, что "субъективный" характер значения нередко совмещается с метафоричностью употребления лекс прилагательных: ГРЯЗНАЯ (ИСТОРИЯ), ДЕШЕВЫЙ (УСПЕХ), ТЕПЛЫЙ (ЦВЕТ), УГРОМЫЙ (БОР) и др.

3. В пределах установленных ограничений рассматриваемое глагольное значение наблюдается при условии, если мотивирующее прилагательное обозначает признак, способный к количественным изменениям (см. приведенные выше примеры). Именно благодаря этой особенности мотивирующей семантики глаголы способны выражать значение как относительного, так и абсолютного становления признака. Именные лексы, выражающие устойчивый признак, не дают соотношения с глаголами указанной семантики.¹⁵⁾ Подобные замечания об отдельных прилагательных высказывались в литературе¹⁶⁾; сопоставление же лексико-семантических вариантов структурно соотносимых глаголов и прилагательных выявляет последовательное соблюдение этого требования при установлении отношений семантической мотивации. Устойчивостью признака обусловлено отсутствие глагольной пары, напр., в следующих случаях: БЕЛАЯ (РАСА), БЕЛАЯ (ГОРНИЦА); ЗЕЛЕНЫЙ (КОРМ), ЗЕЛЕННЫЕ (ЛИ); СЛАБОЕ (ЛЕКАРСТВО), СЛАБЫЙ (ЧАЙ); ХОЛОДНОЕ (КОПЧЕНИЕ), ХОЛОДНЫЙ (САПОЖНИК); ЧЕРНЫЙ (ХОД), ЧЕРНЫЙ (НАРОД), ЧЕРНАЯ (СИЛА) и др. Ср. также прилагательные с собственно пространственным значением: ЛЕВЫЙ (БЕРЕГ), ПРАВAYA (СТОРОНА) и т.п.

Своеобразны в этом отношении прилагательные со значением цвета: этот "внешний" признак образует инхоативное значение только в том случае, если является результатом внутренних изменений самого предмета, ср. КРАСНОЕ (ЯБЛОКО) - КРАСНЕТЬ; значение же постоянного цвета, нередко приобретаемого предметом под воздействием

извне, не трансформируется в значение становления признака: О ЗЕЛЕНОМ ЗАБОРЕ ('выкрашенный в зеленый цвет') нельзя сказать ЗЕЛЕНЕТЬ ('становиться зеленым'). Как видим, требование "переменности" признака может ставить границу (судя по данным Словаря) даже внутри одного лексико-семантического варианта прилагательного. Семантическое ограничение, накладываемое словообразовательным типом на отношения внутри мотивационно обусловленной пары слов, влияет на внешнюю валентность мотивированного слова, ограничивая его лексические связи.

4. Но значение признака, способного развиваться внутри предмета или вместе с предметом, лишь тогда способно переходить в инхоативное значение, когда развитие этого признака отражает естественное направление внеязыкового процесса. Не дают такого значения, напр., лексы ЗЕЛЕНОЕ (ЯБЛОКО), МОЛОДАЯ (ЖЕНЩИНА), КНЯЙ (МАЛЬЧИК), СВЕЖЕЕ (МЯСО).

5. В литературе отмечалось, что прилагательные с формально выраженной степенью признака редко выступают в качестве производящих основ.¹⁷⁾ Наш анализ показал, что лексы прилагательных с формально невыраженной, но высокой степенью качества также не способны мотивировать значение становления признака. Напр., не образуют инхоативного значения такие прилагательные, как ДОБРЫЙ (КУСОК ХЛЕБА); ЗЛОЙ (ТАБАК), ЗЛОЙ (НЕДУГ); СВИРЕПАЯ (ЦЕНЗУРА), СВИРЕПАЯ (БОЛЕЗНЬ), СВИРЕПАЯ (ТОСКА), СВИРЕПЫЕ (СПОРЫ); СУГОВЫЙ (ПРИГОВОР), СУГОВАЯ (БОРЬБА); ХОРОШИЕ (ПРОЦЕНТЫ) и др. Становление признака предполагает, что в исходном моменте он обладает потенциальными возможностями развития. Количественный показатель (подчеркнутая степень признака), становясь основным, а порой и единственным элементом в содержании прилагательного (ор. ДОБРАЯ САЖЕНЬ, ЗДОРОВЫЙ СНАРЯД), сужает область возможного изменения интенсивности качества. Исходным моментом для "становления качества" в этих случаях может послужить лишь уже ярко проявившийся признак. Но такие тонкие колебания трудно уловимы и практически носителями языка не отмечаются. Поэтому прилагательные с подчеркнута высокой степенью качества редко мотивируют глаголы со значением становления признака (см., впрочем, ЗЛЕТЬ, СВИРЕПЕТЬ (о морозе). Теми же особенностями обладают и прилагательные ГЕНИАЛЬНЫЙ, ОГРОМНЫЙ, ПЛАЧЕВНЫЙ, лексическое значение которых препятствует образованию от них инхоативных глаголов.

Количественный показатель и иногда модальный оттенок значения у ряда лекс прилагательных носят выраженный характер: данные лексико-семантические варианты управляют существительными или имеют при себе неопределенную форму глагола, без которых их значение полностью не раскрывается, напр., БЕДНА (чем) СОБЫТИЯМИ, БОГАТА (чем) КРАСКАМИ, ЖАДНЫЙ (на что) НА ДЕНЬГИ, ПОЛОН (чего) УЖАСА, МОЛОД ВЫГОВАРИВАТЬ, ЗДОРОВ ХОХОТАТЬ и др.

Изложенные наблюдения можно обобщить в семантическом правиле: инхоативное значение глагола мотивируют только лексико-семантические варианты прилагательных с прямым значением признака, объективно присущего предмету и потенциально способного изменяться в соответствии с естественным развитием предмета.

Ограничение круга мотивирующей семантики приводит к тому, что в пределах рассматриваемой схемы (признак - становление признака) большинство глаголов на -ЕТЬ соотносится лишь с частью лексико-семантических вариантов мотивирующих прилагательных.

Сформулированное правило не нарушается и в тех случаях, когда глагол и прилагательное семантически полностью соотносятся друг с другом: напр., АЛГЫЙ - АЛЕТЬ; ВЛАЖНЫЙ (ВОЗДУХ, ГЛАЗА) - ВЛАЖНЕТЬ; ДРЯХЛЫЙ (ЧЕЛОВЕК, ЕЛЬ) - ДРЯХЛЕТЬ и др. Мотивирующие прилагательные в таких оппозициях имеют одно - два, редко три семантических варианта, значения их конкретны, отражаемый ими признак обладает необходимыми характеристиками.¹⁸⁾

Резкое количественное несоответствие лексико-семантических вариантов мотивирующего и мотивированного слова (ср. ХОРОШИЙ - ХОРОШЕТЬ, ДУРНОЙ - ДУРНЕТЬ, ПОЛНЫЙ - ПОЛНЕТЬ) также еще не говорит о нарушении или "модификация"¹⁹⁾ семантической схемы "признак - его становление". Глагол ХОРОШЕТЬ, напр., имеет "суженное" значение потому, что в его основу мог лечь только один семантический вариант прилагательного: ХОРОШ (СОБОЙ) 'красивый, очаровательный' - ХОРОШЕТЬ 'становиться красивее...' Остальные значения прилагательного отражают или субъективно воспринимаемый признак - ХОРОШЕЕ (СУКНО), ХОРОШИЙ (СОВЕТ), ХОРОШИЙ (МАЛЬЧИК), или устойчивый признак - ХОРОШЕЙ (ФАМИЛИИ), или количественную его сторону - ХОРОШИЕ (ПРОЦЕНТЫ). Неспособными мотивировать глаголь-

ную семантику оказались основные значения. У других прилагательных, напротив, именно основные значения обычно образуют первое звено рассматриваемой семантической схемы. Эта особенность в случаях типа ХОРОШИЙ – ХОРОШЕТЬ приводит к ощущению привычного семантического противопоставления. Когда мотивационные отношения строятся на базе основного значения прилагательного, такого впечатления не возникает, даже если это значение является единственным связующим звеном в семантической оппозиции "признак – его становление". Напр., ПУСТАЯ (БОЧКА) – ПУСТЕТЬ, но ПУСТОЙ (ЧЕЛОВЕК), ПУСТЫЕ (СТРАХИ), ПУСТАЯ (РАНКА); СЕРАЯ (ТУЧА) – СЕРЕТЬ, но СЕРАЯ (ПОГОДА), СЕРАЯ (КНИГА), СЕРАЯ (УТКА). Здесь происходит такое же "сужение" значения, как и в паре ХОРОШИЙ – ХОРОШЕТЬ. Очевидно, речь должна идти не о модификации семантической схемы "признак – становление признака", а о необходимости конкретизировать самое схему: основой инхотативного значения может стать лишь тот признак, который обладает вышеперечисленными характеристиками.

Второй тип значения (выявление признака), регулярно проявляющийся у группы глаголов на –ЕТЬ, реализуясь в варианте – "выявление так-то признака, который может быть воспринят органами зрения" (см. толкование этого значения в словарях с помощью слова "виднеться"). Сама эта конкретизация объясняется семантическими особенностями мотивирующих прилагательных, называемый ими признак характеризует внешний, зрительно воспринимаемый облик предмета. Характер образования признака (путем внутреннего изменения самого явления или каким-либо иным образом) принципиального значения не имеет, ср. ЖЕЛТОЕ (ЯБЛОКО) – ЖЕЛТЕТЬ (ВДАЛИ) и ЖЕЛТЫЙ (ЗАБОР) – ЖЕЛТЕТЬ (ВДАЛИ).

Значение 'выявление признака' мотивируют, как правило, однозначные прилагательные, и потому сопоставление их с мотивированными ими глаголами практически почти всегда производится на уровне лексико-семантических вариантов. Если же прилагательное многозначно, мотивирующим обычно является один – непременно конкретный лексико-семантический вариант. Напр., ЗЕЛЕНЫЙ (ЛЕС) – ЗЕЛЕНЕТЬ (ВДАЛИ), но ЗЕЛЕНое (ЛИЦО), ЗЕЛЕНЫЙ (ЮНЕЦ), ЗЕЛЕНЫЙ (КОРМ), ЗЕЛЕННЫЕ (ШИ) – не мотивируют рассматриваемого глагольного значения; КРАСНЫЙ (УГОЛ) и др. прочем, возможно БЕЛЫЙ (ПАРУС) и БЕЛОЕ (ЛИЦО) – БЕЛЕТЬ.

Итак, вступать в семантические отношения по схеме "признак – выявление признака" могут прилагательные с

прямым значением, характеризующие внешний признак (предмета), который воспринимается как устойчивый независимо от способа его образования.

Третий вид семантических отношений между прилагательными и глаголами на -ЕТЬ (признак - проявление признака) строится на основе именных значений, отражающих внутренние признаки предмета, воспринимаемые как устойчивые, напр., БОЛЕТЬ 'быть больным', РОБЕТЬ 'быть робким'.

Таким образом, анализ глагольно-именных пар на уровне лексико-семантических вариантов показал, что каждый вид глагольно-именных отношений возникает на базе строго ограниченной мотивирующей семантики, обуславливающей особенности глагольного значения. Общность структуры, используемой в языке для выражения трех типов глагольной семантики, может быть объяснена их общими семантическими чертами: самопроизвольность и ограниченность процесса пределами субъекта. С этими особенностями, формальным показателем которых, очевидно, следует считать суффикс -Е-, связаны такие характеристики глаголов на -ЕТЬ, как пассивность субъекта ²⁰⁾ и непереходность глагола.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1) См. статьи сб. "Развитие словообразования современного русского языка", М., Наука, 1966.

2) Такой подход к рассматриваемому материалу имеет место в работах О.М.Соколова, успешно использующего "методику оппозиционного анализа". См. его "Вопросы префиксальной дивергенции", Сб. "Вопросы языка и литературы", Томск, 1970 и др. работы.

3) И.С.Улуханов, О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов). "Русский язык. Грамматические исследования", Наука, М., 1967, стр.178

4) Выбор материала проводился по "Словарю русского языка в 4-х томах", М., 1957-1961 (Словарь).

5) Наша работа облегчается тем, что формальные и семантические отношения между мотивирующим словом и инхотивным глаголом на -ЕТЬ описаны в содержательной статье И.С.Улуханова "Глаголы на -ЕТЬ в современном русском языке (о продуктивности и регуляр-

ности словообразовательного типа)" в сб. "Развитие словообразования современного русского языка", "Наука", М., 1966. Анализ этого материала на уровне лексико-семантических вариантов позволяет дополнить или внести справки по поводу некоторых положений названного исследования в интересующем нас плане, проверив тем самым результативные возможности метода сопоставительного анализа мотивационно противопоставленных слов на уровне полисемии.

6) О возможности соотноснения глаголов на -ЕТЬ со сравнительной степенью прилагательного см. в статье И.С.Улуханова "Глаголы на -ЕТЬ...", стр.129.

7) Там же, стр.132.

8) И.С.Улуханов, О закономерностях сочетаемости..., стр.191.

9) См. также примеры в статье И.С.Улуханова "Глаголы на -ЕТЬ...", стр.131.

10) Словарь, т.1, стр.124.

11) См., напр., И.С.Улуханов, Глаголы на -ЕТЬ..., стр.132.

12) Впрочем, единичные лексемы переносного значения могут образовывать инкогнитивные глаголы: ср. ПАРШИВЬЕ (НАСТРОЕНИЕ) - ПАРШИВЕТЬ (прост.).

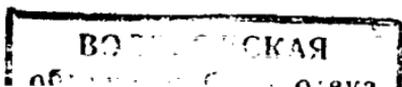
13) Ср. высказывание А.С.Богуславского о глаголах БЕЛИТЬ - БЕЛЕТЬ, которые "объединяются тем, что в обоих типах обозначаются признаки, возникающие в предметах" (ВЯ, 1962, № 1, стр.78).

14) Вследствие устойчивой связи между внутренним миром и внешними признаками человека внешние проявления признака воспринимаются как относительно самостоятельные. Обозначающие их прилагательные тоже могут быть семантически соотносимыми с глаголами на -ЕТЬ, напр., СКУЧНОЕ (ЛИЦО) - СКУЧНЕТЬ.

15) Эта особенность качественных прилагательных (обозначение переменного признака) может играть роль при установлении в языке разных лексических противопоставлений. Ею объясняется, напр., в работе Л.Ю.Максимова "Антонимия как один из показателей качественности прилагательных" (АКД, М., 1955, стр.4-5), естественность образования качественными прилагательными антонимических противопоставлений.

16) См., напр., И.С.Улуханов, Глаголы на -ЕТЬ..., стр.137.

17) М.А.Бакина, Имена прилагательные как производящие основы современного словообразования, "Развитие словообразования современного русского языка", "Наука", М., 1966, стр.72; И.С.Улуханов, Глаголы на -ЕТЬ..., стр.137-138 и др.

18) Это правило позволяет объяснить отмеченное А.Н.Тихоновым разделение инкоативных глаголов одной словообразовательной структуры на две группы по семантической соотнесенности с производящей основой, См. А.Н.Тихонов, О семантической соотносительности производных и производящих основ. - ВЯ, 1967, № I, стр.117.

19) В семантической модификации схемы "признак - становление признака" видит причину "сужения" значения инкоативных глаголов ХОРОШЕТЬ и др., И.С.Улуканов. (Глаголы на -ЕТЬ..., стр.132). См. также у М.Ф.Скорняковой (О роли деривационных суффиксов в формировании семантики мотивированного слова. - Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов 3-й лингвистической конференции 3-7 мая 1971 года, Новосибирск, 1971, стр.266): "...значение мотивированного не равно сумме значений составляющих его частей: ХОРОШИЙ и ХОРОШЕТЬ".

20) И.С.Улуканов, Глаголы на -ЕТЬ..., стр.138.

Г.И.Климовская

О СИНЛЕКСИЧЕСКОМ СЛОЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА

РУССКОЙ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ХУП - НАЧАЛА ХУШ ВЕКА.

Изучение порядка слов в атрибутивном (прилагательное плюс существительное) словосочетании в памятниках русской разговорной речи ХУП-ХУШ веков ¹⁾ обнаружило, что для выявления господствующего словоупорядка нельзя ограничиться простым подсчетом и сопоставлением количеств атрибутивных словосочетаний с пре- и постпозицией определения относительно определяемого слова.

Дело в том, что множество всех выбранных из текстов атрибутивных словосочетаний - отнюдь не однородный в изучаемом отношении материал. Его синтаксическая неоднородность обусловлена его лексическими особенностями - и при помощи последних, легко "открываемых" из контекста (или суммы контекстов), может быть обнаружена и объяснена.

Таким образом, порядок слов в атрибутивном словосочетании - такой фрагмент речевого дискурса, где тесно переплетаются закономерности его лексической и синтаксической организации. При этом речь идет не об особенностях лексического значения ОТДЕЛЬНЫХ прилагательных и существительных как компонентов атрибутивного словосочетания, но о целостном лексическом значении всего

атрибутивного словосочетания как особой, конструктивно сложной единицы словарного состава.

В самом деле, в последние годы в лексикологии стал резко осознаваться тот факт, что лексический материал лишь в незначительной своей части представлен в парадигматике языка в виде отдельных слов — "словесной россыпи". Большая же часть лексического материала языка — это более или менее прочные блоки слов — СИНЛЕКСЫ,²⁾ которые еще до реализации в речевом тексте спаяны изнутри не только грамматически, но и лексически — единством номинативной функции. Основанием для такого понимания положения вещей служит наблюдаемый факт регулярной встречаемости этих лексических блоков в разных текстах языка.

Момент лексической целостности (единства номинативной функции) рассматриваемых в данной статье АТРИБУТИВНЫХ СИНЛЕКСОВ может быть истолкован в рамках традиционного для нашего языкознания онтологического тезиса о связи языка и мышления как следствие того, что атрибутивный синлекс является "несущей конструкцией" единого, хотя и сложного понятия о предмете А, в котором вычленен атрибут (признак, свойство, качество) В. ³⁾

Именно единство обозначаемого понятия удерживает рассматриваемые атрибутивные синлексы на лексическом уровне парадигматики языка: в рамках тезиса о связи языка и мышления "словесная расчлененность" какого-либо понятия "характеризует лишь внутреннюю форму" этого понятия, составляет лишь его "понятийную этимологию"; предмет же мысли при выраженности понятия словосочетанием "будет оставаться тем же самым по своему содержанию и по своей структуре". ⁴⁾

Прямым и доступным наблюдению проявлением понятийной целостности атрибутивного синлекса является именно факт его лексикосочетаемостной регулярности в разных текстах данного порядка. Признак регулярности четко и операционально очерчивает границы синлексического материала и противопоставляет его просто атрибутивным словосочетаниям свободного, нерегулярного в лексическом отношении типа.

Такое разграничение совершенно необходимо при изучении словоупотребления в атрибутивном словосочетании, ибо атрибутивные синлексы и атрибутивные словосочетания свободного типа обладают очень разными позиционными режимами, т.е. содержательно обусловленными чередованиями пре- и постпозиций прилагательного-определения.

Но и собственно атрибутивные синлексы тоже достаточно отчетливо распадаются на два различных типа по особенностям их слово-порядка. Синтаксические границы этих двух типов совпадают с границами двух ЛЕКСИЧЕСКИХ типов атрибутивных синлексов. Лексическое своеобразие этих двух типов проявляется

- 1) в специфике функции атрибутивного синлекса в тексте,
- 2) в содержании логического отношения между лексическими значениями компонентов того или другого атрибутивного синлекса,
- 3) в структуре включающей его ячейки лексической парадигматики и

- 4) в логическом содержании отношения между данным извлеченным из текста атрибутивным синлексом и включающей его парадигматической микроструктурой.

Проиллюстрируем и охарактеризуем оба типа атрибутивных синлексов русской разговорной речи XVII - начала XVIII века. ⁵⁾ В приводимых иллюстрациях сохраняем падежно-числовую форму каждого синлекса, ибо, по нашим предположениям, многие из них обладают либо неполной парадигмой склонения, либо разной частотностью отдельных падежно-числовых форм.

Образцы атрибутивных синлексов первого типа:

на светлой недели, к сырной недели, о сыроясные недели, зимним путем, летней путь, по последнему пути, винной погреб, на теплом погребе, черной священник, воскресенской священник, торговли человек, посадкому человеку, за гулящева члка, полонного человека, нарощного члвка, ратным людям, о беглых людях, ремесленья люди, белая мастерица, сапожной мастер, партной мастер, жилую запис, договорную запис, сделочную запис, порушная запис, третейские записи, по писцовым книгам, даточные книги, межевых книг, переписных книг, розъходных и приходных книг, откупочных денехъ, луговые денги, баньные денги, зажилых денег, мучные денги, в недошлатных денгах, в переплатных денгах, покосные денги, присылные денги, недоборные денги, пестрядиное дело, камовныхъ дел, в лесовом деле, для прудового дела, у стругового дела и т.д. ⁶⁾

Охарактеризуем этот тип атрибутивных синлексов по четырем намеченным выше параметрам.

Функция синлексов первого типа заключается не столько в том, чтобы назвать какой-либо предмет А, в котором вычленен атрибут В, сколько вычленить его из числа реально имеющих других предметов того же рода, но отличающихся друг от друга и от данного предмета

атрибутами (признаками, качествами, свойствами) одного порядка: по величине, функции, назначению, способу применения, условиям существования и функционирования и т.п.

Число этих предметов $AB_1, AB_2, AB_3, \dots, AB_n$, как правило, невелико: два, три, десять и больше, но во всяком случае безусловно это число конечное и в принципе поддающееся учету. В нашем списке атрибутивных синлексов мы привели фрагменты некоторых рядов атрибутивных синлексов, находящихся между собой в описанных выше отношениях ("жилую запись", "договорную запись", "зделочную запись", "порушная запись", "третейские записи").

По содержанию функции (противопоставление) атрибутивные синлексы первого типа можно назвать Контрапозитивными. В текстах встречаются два разных вида контрапозиции атрибутивных синлексов: более частая несобственно контрапозиция, когда остальные члены ее, кроме данного AB_1 , в тексте отсутствуют, и более редкая собственно контрапозиция, когда два, реже три противопоставляемые атрибутивные синлексы в тексте присутствуют, например: "да послали мы к вам дву человекъ з запасом... масла битова кувшин да коровья масла"; "а в нынешнем годе изволением бжинымъ хлеб у насъ органой водою стопило, а яровой хлеб не родился", "и тебе б написат в отказные книги против писцовых книг".

Таким образом, в атрибутивных синлексах первого типа лексическое значение всего синлекса (напр., "порушная запись") относится как вид к роду к лексическому значению его определяемого-прилагательного, рассмотренного изолированно ("запись").

Ряды атрибутивных синлексов одного рода, находящиеся между собой в отношении контрапозиции и относящиеся к общему у всех них определяемому-существительному как виды к роду, составляют, на наш взгляд, наполнение ячейки (микроструктуры) лексической парадигматики, с которой (ячейкой) соотнесен каждый отдельный атрибутивный синлекс $AB_1, AB_2, AB_3, \dots, AB_n$.

Возможен, однако, и такой взгляд на вещи, что ряды контрапозитивных синлексов одного рода суть сложные единицы лексической парадигматики языка со структурой $A (B_1, B_2, \dots, B_n)$, где A - постоянный элемент, а $B_1, B_2, B_3, \dots, B_n$ - переменные.

Приведем образцы единиц такого рода: "дело (пестрядиное, хамовное, иконостасное, лесовое, прудовое, струговое, церковное, ... земляное)", "хлеб (недоборный, платежный, приемный, продажный, ясачный, ... недомерный)", "книги (писцовые, даточные, записные,

межевые, отказные, отдельные, переписные, приданне, расходные, приходные, явочные, ... полонные)".⁷⁾

В составе этих парадигматических единиц отдельные атрибутивные синлексы находятся между собой в отношении эквиполентного противопоставления.⁸⁾ Логическое отношение между данным атрибутивным синлексом AB_T , реализованным в данном тексте, к любому из атрибутивных синлексов парадигматической единицы $A/B_1, B_2, B_3, \dots, B_n$, реализованных или не реализованных наряду с AB_T в данном тексте, суть, как правило, отношение противоположности (контрарности). Как известно, "противоположные (контрарные) – несовместимые понятия, между которыми возможно третье, среднее и которые не только отрицают друг друга, но и несут в себе нечто положительное взамен отрицаемого в несогласном понятии... Оба противоположные понятия входят в объем подчиняющего понятия... но полностью всего объема подчиняющего понятия не заполняют".⁹⁾

Характеристика парадигматических лексических единиц типа $A (B_1, B_2, B_3, \dots, B_n)$ была бы неполной без указания на то обстоятельство, что рядом с каждой такой единицей сосуществует (или в принципе может сосуществовать) другая единица $A (B'_1, B'_2, B'_3, \dots, B'_n)$, абсолютно изоморфная первой по всем четырем выделенным выше параметрам, но отличающаяся от первой по типу лексических значений прилагательных-определений.

Если атрибуты $B_1, B_2, B_3, \dots, B_n$ характеризуют предмет абсолютно, безотносительно к говорящему (см.: "пестрядиное дело" или "расходная книга"), то атрибуты $B'_1, B'_2, B'_3, \dots, B'_n$ характеризуют предмет путем соотнесения его с говорящим (пишущим) в том или ином отношении. Это так называемые **ДЕЙКТИЧЕСКИЕ** атрибуты – "указывающие, выделяющие, дифференцирующие посредством соотнесения с лицами и предметами, находящимися в том или другом отношении к говорящему лицу".¹⁰⁾

Образцы контрапозитивных атрибутивных синлексов дейктического типа:

внешний год, в прошлом году, в новый годъ, ни малого времени, зимнева времени, многое время, малое время, позднее время, в другую половину, первую половину, после первого срока, к другому сроку, завтрашней срок, самая нужная и беспересрочная сроки, з другую сторону, на правой стороне, по внешнее число, вчерашнего числа, на вуказное число, в скорех числах, многие числа, дорогою ценою, с середнюю цену, по здешней цене, по настоящем цене, подоб-

ною ценою, другую грамоту, другою рубль, средней горшечик (масть-ла), в ближних городех, от прежнево воеводы, новава воеводу, младшии брат, другова своего брата и др.

Ограниченный синлексический материал дейктического типа позволяет построить лишь единичные законченные микроструктуры парадигматики, включающие отдельные атрибутивные синлексы данного типа: "год (внешний, прошлый)"; "время (малое, многое)"; "половина (первая, другая)"; "воевода (прежний, новой)" и т.п.

Как мы уже отметили, функция контрапозитивного атрибутивного синлекса дейктического типа, характер синтагматического отношения между его компонентами, структура включающей его парадигматической ячейки и содержание отношения между данным синлексом и включающей его микроструктурой парадигматики — совершенно изоморфны соответствующему набору параметров контрапозитивных атрибутивных синлексов первого ("абсолютного") типа.

Во втором выделяемом нами типе атрибутивных синлексов в русской разговорной речи ХУП — начала ХУШ века лексическое сочетание их компонентов также носит регулярный характер. Образцы атрибутивных синлексов второго типа:

многолетное здорове, осадное сиденье, в болшой скорби, посмешище людское, премногое окаянство, в горких слезах, братскую любовь, нискои поклон, за скорым отездом, неподобною лаю, неподобными словеса, воровского умыслу, смертным убойством, лихими дела, ни единыя срочки, в конешной скорби, лщково разуму, немалой убыток, напрасного изяну, скорым делом, простым обычаем, простым делом, по первому снежку, низаишии поклон и т.п.

Охарактеризуем этот тип атрибутивных синлексов по четырем выделенным выше параметрам.

В отличие от атрибутивных синлексов первого — контрапозитивного — типа, определяемое-прилагательное в данных атрибутивных синлексах имеет другую — ОПИСАТЕЛЬНУЮ (ДЕСКРИПТИВНУЮ) функцию. Момент противопоставления здесь, как правило, отсутствует. Во всяком случае в текстах отсутствуют такие атрибутивные синлексы, которые с данными могли бы быть объединены в парадигматические единицы типа А ($V_1^1, V_2^1, V_3^1, \dots, V_n^1$) родо-видовыми отношениями между этой единицей и каждым отдельным синлексом.

Если мы захотим представить структурированно парадигматическую ячейку, включающую атрибутивный синлекс дескриптивного типа, придется ввести нулевой член структуры для построения приватив-

ной оппозиции АВ/О. Реалиям, обозначенным синлексами "многолетнее здоровье", "в горьких слезах", "неподобною лаей", "смертным убойством", "воровского умыслу" и др., можно противопоставить только их фактическое отсутствие в ситуации, обозначенной в данном тексте.

Некоторые дескриптивные атрибутивные синлексы вместе с встречающимися в тексте антонимическими синлексами могут быть объединены в парадигматическую микроструктуру АВ /АВ; например: "лихими дела - добрыми делы", "ни единыя строчки - единую строчку", "немалой убыток - малой убыток" и т.п.

Во всех этих случаях снимается вопрос о характере отношений между парадигматической микроструктурой и реализованным в тексте дескриптивным атрибутивным синлексом.

Атрибутивным синлексом описанных выше типов противостоят атрибутивные словосочетания свободного в лексосочетаемом отношении типа. От синлексированного материала они отличаются прежде всего крайней нерегулярностью - единичностью - встречаемости в текстах.

В массе свободных атрибутивных словосочетаний можно выделить те же два - контрапозитивный и дескриптивный - типа по характеру функции в тексте, но оба члена атрибутивного словосочетания очень автономны в отношении их лексического значения.

Свободные атрибутивные словосочетания контрапозитивного типа:

"и то написано подлинно в батюшкове грамотке", "да еще х тем денгам Фроловых денег Меркурова четыре рубля изтряли", "да опасайся Митрофанова челобитя во всяких делах", "а поповскую паренину засеели Петровы али нет", "а ко мне пожалуй прикажи писат... про племянница здарова", "а невединой ржи гсдрь нет вся изашла" и т.д.

Их отличие от атрибутивных синлексов контрапозитивного типа проходит не только по линии регулярности - единичности встречаемости в текстах. Другое существенное различие между ними заключается в том, что контрапозитивный момент в атрибутивном словосочетании носит сугубо конситуативный характер. В предметной действительности, изображенной в данном тексте, данный предмет А с выделенным в нем атрибутом В₁ (например, "в батюшкове грамотке") несобственно противопоставлен другим предметам того же рода (типа) с выделенными в них атрибутами В₂, В₃, В_n и т.п. (например, грамоткам, написанным самим автором цитированного документа, его

братом, матушкой, соседом и т.п. II) так, что количественно эти предметы практически неограниченны, а содержательно неоднородны.

Это приводит к тому, что в парадигматической единице, включающей атрибутивное словосочетание AB_1 контрапозитивного типа, если бы мы ее построили, переменная часть имела бы вид нескольких множеств незакрытого типа:

$$\begin{array}{l} B_1, B_2, B_3... \\ A \quad B_1', B_2', B_3'... \\ \quad B_1'', B_2'', B_3''... \end{array}$$

Очевидно, единицы такой степени неопределенности не могут обладать необходимой степенью потенциальной коммуникативной готовности и не могут быть отнесены к парадигматике. Именно поэтому свободные атрибутивные словосочетания контрапозитивного типа не есть целостные единицы лексического уровня языка.

Свободные атрибутивные словосочетания описательного типа:

"одни костромские приезды с умом меня смяли", "во UI числе азовских сиделцов турок полтрети тысячи" и т.п.

Эти атрибутивные словосочетания обладают линейным, сугубо контекстуальным характером сочетания лексических значений компонентов и отсутствием парадигматической включающей структуры.

Промежуточное положение между атрибутивными синлексами и свободными атрибутивными синлексами занимает ряд промежуточных по функции, по степени регулярности и лексической спаянности атрибутивных конструкций, например, конструкции с обозначением материально-качественной характеристики вещей (по цвету, материалу, способу изготовления и употребления и т.п.). Например: "пуговицы оловянные да костенные", "пуговицы обшивные", "пуговицы канительные", "пуговицы обнизные"; "штаны бархатные", "штаны кумачные", "штаны козлиные" и т.п.

Таково лексическое разнообразие материала атрибутивных словосочетаний в русской разговорной речи ХУП - начала ХУШ века, обуславливающее разнообразие позиционных режимов.

В заключение следует отметить, что игнорирование синлексического слоя словарного состава лишает лексикологическое описание полноты в трех разных отношениях:

во-первых, в чисто количественном;

во-вторых, остаются вне поля зрения многие тематические груп-

пы лексики;

в-третьих, будучи исключены из рассмотрения, атрибутивные синлексы не позволяют установить еще одну меру структурной сложности лексической парадигматики – наличие в ней единиц типа А ($B_1, B_2, B_3, \dots, B_n$).

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Материалом исследования послужили тексты частной переписки, опубликованные в "Московской деловой и бытовой письменности ХУП века", М., 1968 и "Грамотках ХУП – начала ХУШ века", М., 1969.
- 2) Термин введен нами в статье "О характере синонимологического знания" (в сб. "Синонимия в языке и речи", Новосибирск, 1970).
- 3) Н.М.Годер, О логической структуре понятий, выраженных словосочетанием, В сб. "Логико-грамматические очерки", М., 1961.
- 4) В.З.Панфилов, Грамматика и логика, М.-Л., 1963, стр.8 и др.
- 5) Наблюдения сделаны на основании выборки в 1000 синлексов.
- 6) Во всех приведенных отрывках и одиночных синлексах мы заменяем букву "ять" буквой "е", букву "омега" – буквой "о" и букву "ук" буквой "у", сохраняя остальные буквенные особенности.
- 7) Ограниченность выборки синлексического материала не позволяет представить данные единицы в их реальном полном объеме.
- 8) О.С.Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр.37.
- 9) Н.И.Кондаков, Логический словарь, М., 1970, стр.422–423.
- 10) О.С.Ахманова, Словарь лингвистических терминов, стр.126.
- 11) Очень часто общее основание этих отношений носит сугубо контекстуальный характер.

Н.Д.Голев

ОБ ОПИСАНИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ-ДЕНОТАТИВОВ ¹⁾

Одним из самых продуктивных семасиологических методов описания значений слов в настоящее время является компонентный анализ. Считается однако, что сфера его применения ограничена лишь более или менее четко организованными ЛСГ слов, позволяющими выделить внутри себя набор противопоставлений по определенным дифференциальным признакам. Их выделение "концентрируется на соотношении значений друг с другом". ²⁾ Так как "значения многих слов конк-

ретной лексики... являются в принципе несопоставимыми друг с другом", ¹⁾ такая методика выделения компонентов значения в них оказывается неприемлемой.

Но есть и другая (прямо противоположная) методика компонентного анализа, которая по праву должна быть названа о н о м а с и о л о г и ч е с к о й. Если при очерченном выше семасиологическом подходе "применение компонентного анализа основано на исходной посылке о наличии системной организации лексики", ³⁾ а целью анализа является разложение значений слов, то при ономасиологическом подходе лингвист описывает семантику слов на первом этапе, исходя из каких-либо внешних по отношению к языку факторов, а целью исследования становится доказательство системно-семантических отношений в ЛСГ.

Из всех ономасиологических способов компонентного анализа для описания значений слов-денотативов наиболее эффективен, по-видимому, дефиниционный анализ, т.е. использование в качестве базы выделения компонентов значения формальных определений или приравненных к ним толкований слов в филологических словарях. При таком анализе семантики денотативов возникает ряд проблем, на которые мы бы хотели обратить внимание.

I

Конкретные предметы, обозначаемые денотативами, обладают бесконечным числом свойств и признаков. Встает вопрос: какие из этих признаков представлены в значении денотативов, а какие нет? В общем виде на этот вопрос удовлетворительно отвечает ставшая традиционной точка зрения, согласно которой свойства денотатов репрезентируются в языке минимумом дифференциальных признаков, достаточным для отличия данного денотата от других. Конкретному же исследованию данный вопрос в лексикологии, как нам кажется, не подвергался. И дефиниционный анализ есть, по существу, практическое решение этого вопроса, основанное на особом характере толковых словарей. Ср.: "Очертить и эксплицитно выразить минимум предметных сведений, подразумеваемых лексическим значением данного слова не всегда легко. Толковые словари в общем справляются с этой задачей, сохраняя дистанцию между собой и энциклопедическим словарем". ⁴⁾

Рассмотрим некоторые конкретные проявления этой "дистанции", сопоставив объяснения одних и тех же слов в толковых и в энцикло-

педических словарях. Для этой цели мы использовали данные четырех толковых словарей современного русского языка и словаря В.Даля, причем признаки, представленные при толковании слов в этих словарях, каждый раз объединялись в одно совокупное толкование. Эти толкования сравнивались с определениями II-томной Малой Советской энциклопедии (МСЭ) и 3-томного энциклопедического словаря (ЭС). Рассматривались определения птиц отряда гусеобразных и сов, певчих птиц, рыб семейства лососевых растений семейства сложноцветных и сосновых. Тематический подход позволил выделить в каждой группе денотатов определенный комплект аспектов - инвариантов признаков, при помощи которых эти денотаты описываются в дефинициях. Аспекты реализуются в конкретных (особенных) признаках данного денотата. Например, аспект "цвет" по отношению к денотату "василек" реализуется в отличительном признаке "синий".

Наиболее существенной особенностью экспликации содержания понятий в дефинициях МСЭ является тенденция к реализации всего комплекта аспектов, выделяемого для данного круга денотатов. В толковых же словарях и частично в ЭС объем реализованных аспектов не только резко сокращается, но и становится в ы б о р о ч н ы м, так как толкование каждого слова в данной тематической группе реализует особую комбинацию аспектов. Например, в МСЭ в определениях рыб семейства лососевых регулярно указываются признаки: род и семейство, количество видов, распространение, биотоп, питание, особенности нереста, промысловое значение. Ср. с ними для примера такие совокупные толкования: БЕЛОРЫБИЦА - крупная рыба семейства лососевых с узкой челюстью, серебристой окраской и белым брюхом; ЛОСОСЬ - крупная рыба из семейства лососевых с нежным, розовым мясом; НЕЛЬМА - хищная рыба, похожая на белорыбицу, обитает в северных и сибирских реках, ценный объект промысла.

Основная причина выборочности аспектов в определениях толковых словарей заключается в том, что в них, в отличие от МСЭ, аспект реализуется лишь тогда, когда конкретный признак данного вида способен быть о т л и ч и т е л ь н ы м в своем аспекте. Общие для всех видов признаки в толковых словарях, как правило, не отмечаются.

В этой связи остается неясным требование: "Толкования слов одного класса должны описываться с помощью одного и того же набора предикатов" ⁵⁾ (в нашей терминологии - аспектов). Непонятно,

какую функцию должны нести в определениях птиц, скажем, отряда хищных аспект "голос", отряда сов - аспект "цвет", мелких птичек - аспект "использование", если эти аспекты реализуют одинаковые признаки или они вообще не актуальны.

Выборочность аспектов в определениях толковых словарей и в ЭС позволяет определить их значимость в каждом из этих типов словарей. По проведенным подсчетам среди всех признаков в определениях различных видов гусей аспект "внешний вид" занимает в ЭС 14%, а в толковых словарях (по совокупному толкованию) - 47%, среди определений растений сем. сложноцветных соответственно - 14% и 61%. С другой стороны, аспект "отношение к человеку" представлен среди определений видов гусей цифрами 33% и 6%, а среди определений сложноцветных - 54% и 19%. Приблизительно такие же пропорции можно наблюдать и в дефинициях других групп названий.

В этом достаточно явно проявляется тенденция толковых словарей к выражению внешних, описательных признаков. Это соответствует природе формального определения, которое включает лишь то, что "наиболее или что чаще всего бросается в глаза и ограничивается этим".⁶⁾ Такие яркие признаки, в наибольшей мере отвечающие функции отличия, составляют содержание лексического значения. Признаки неявные, даже если они сущностны, редко бывают актуальны при обиходном пользовании предметом и, следовательно, не ассоциируются с обозначающим его словом. Поэтому "энциклопедические" признаки типа "питание" или "особенности нереста" рыб, не относящиеся к разряду "бросающихся в глаза", в толковые словари входить не должны.

В целом природа эмпирических представлений, на основе которых формируются лексические значения,⁷⁾ такова, что в них закрепляются лишь общезначимые для данного коллектива признаки.⁸⁾ Таким образом, чтобы описать значения слов-денотативов, нужно определить эти общезначимые, регулярно выделяемые большинством говорящих признаки денотата. Думается, что именно это имел в виду Л.В.Щерба, говоря: "...Нет никаких оснований навязывать общему языку понятия, которые ему вовсе несвойственны и которые - главное и решающее - не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения".⁹⁾ Действительно, если для большинства говорящих "гаубица" есть, предположим, "какая-то пушка", а мы определяем ее как "артиллерийское орудие со стволом средней между пушкой и мортирой длины, стреляющее навесным огнем" (С.И.Ожегов), то в этом

случае мы переходим от описания значения к его "предписанию".

Один из возможных приемов выявления регулярных признаков - анкетирование. Обобщая данные анкет, можно получить типизированное определение, состоящее из наиболее часто выделяемых говорящими признаков. Приведем в качестве примера несколько таких определений, полученных нами на основе обобщения ответов диалектоносителей одного региона (Среднее Приобье). Для этого были использованы данные "Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р.Оби" (Томск, 1964-1967), его словарной картотеки и материалы диссертации Р.Я.Тюриной "Лексика природы в русских старожильческих говорах среднего Приобья" (Томск, 1972). Для сравнения с ними помещаем (под пунктом 2) совокупные толкования этих же слов, имеющиеся в толковых словарях: КРОХАЛЬ - 1) самая крупная утка сизого цвета, с тонким клювом; 2) водоплавающая птица сем. утиных с длинным узким зубчатым и красным клювом с крючком на конце; ЛУТОК - 1) утка белого цвета, с тонким носом, как у курицы; 2) по В.Далю: "вид утки или нырка...пегий, синеклювый"; ПОГАНКА - 1) порода уток, схожих с гагарой внешним видом и обитанием, с несъедобным мясом; 2) водоплавающая птица сем. утиных (утка-нырок), питается рыбой, из-за плохого запаха мясо несъедобно; СВЯЗЬ - 1) утка со свистящим голосом; 2) дикая пресноводная птица сем.утиных, с синим носом и без длинных перьев в хвосте; ШИЛОХВОСТЬ - 1) утка с длинным хвостом; 2) дикая утка с двумя длинными перьями в хвосте.

Как видно из примеров, содержание типизированного определения значительно расходится с содержанием совокупных толкований. Если такое расхождение имеет место в широком масштабе, для различных денотатов и различных слоев населения, то к данным словарей как базе компонентного анализа следует относиться осторожно: содержание, предписываемое в словарях тем или иным словам, может не соответствовать реальному "минимуму дифференциальных признаков", ассоциирующихся с данным словом.

2

Много трудностей возникает и при установлении в семантической сфере денотативов парадигматических оппозиций, т.е. на втором этапе компонентного анализа в ономаσιологическом аспекте. Здесь весьма важными представляются тесно связанные между собой вопросы об основаниях этих оппозиций и о типах компонентов значения.

Наблюдения за ответами информантов-диалектоносителей показывают, что в первую очередь (при этом почти всегда и без особых затруднений) выделяется родовой компонент как признак родовой принадлежности предмета (вида). Он функционирует в значении в нерасчлененной форме и поэтому неправомерно было бы выделять, например, в значении слова "утка" признаки "умение летать", "наличие перьев и крыльев" и др., присущие родовому компоненту "птица". В толковых словарях нет четких критериев выделения данного компонента. Один и тот же класс может быть представлен на разных ступенях обобщения, например, птица, утка или нырковая утка; дерево, хвойное дерево или растение сем.сосновых; рыба, рыба сем. лососевых или разновидность нельмы. Очевидно, что в компонентном анализе правильное выделение родового компонента занимает важное место: от того, в какой класс денотатов он вводит данное значение, непосредственно зависит объем и качество компонентов этого значения.

В принципе, родовой компонент можно было бы определять на основе биологической классификации по отрядам, родам и семействам, но эта классификация может значительно расходиться с обыденной. Основание обыденной классификации составляют внешние (описательные) признаки вида. На их базе могут ассоциироваться такие виды, которые в биологической классификации удалены друг от друга, в то время как близкие виды могут вообще не ассоциироваться.

Эти расхождения ярко проявляются при выделении особых лексических полей, которые условно можно назвать "номинативными". Они легко выделяются на основе такого формального признака, как наличие общих наименований (или элементов наименований) в разных диалектах. Напр., такие виды, как "тиркушка", "стриж" и "ласточка" оказываются объединенными в одно "номинативное поле" в обыденной классификации, хотя они относятся даже к разным отрядам (ср. некоторые диалектные названия ласточек: стрижок, береговой стриж; стрижей - ласочка, земляная ласточка; тиркушки - степная ласточка, степной стриж, стрижень). Таких примеров можно привести много. Очевидно, в таких часто повторяющихся совпадениях наименований проявляются реальные ассоциации соответствующих видов в обыденном сознании.

Из собственно видовой классификации, базирующейся главным образом на аспекте "внешний вид", выделяются различные "темы", объединенные на основе других аспектов, например, декоративные и

сорные растения, певчие и хищные птицы, красная и белая рыба (рыба ценных и неценных пород) и под. Такие "темы" представлены в значениях денотативов тематическими компонентами. Эти компоненты образуются, когда соответствующий аспект в данной группе денотатов приобретает особую значимость. На тематических компонентах базируются основные парадигматические оппозиции в семантической сфере денотативов; например, огородные и садовые растения, дикая и домашняя птица, озерная и речная рыба и т.п. Основываясь только на таких компонентах, можно описать значительную часть семантики денотатива. Знание, скажем, того, что нельма относится к речной, хищной и озерной рыбе дает нам некоторую информацию о ее образе жизни (знание же родового компонента — "вид лососей" дает известное представление о ее внешнем виде).

Если тематические компоненты и оппозиции, основанные на них, выделяются на фоне всей тематической группы названий (птицы, рыбы, растения), то противопоставление собственно видов (крохаль, нельма, пихта и под.) и их дифференцирующие компоненты выделяются в более узких пределах — среди видов, как-то объединенных в сознании носителей языка. Вряд ли реально дифференцирующие компоненты, выделенные в пределах больших тематических групп. Различия таких видов, как кошка и лошадь, не актуальны для носителей языка в силу своей очевидности и поэтому не могут ассоциироваться у них с данными названиями. Более реальной единицей, внутри которой можно выделять дифференцирующие признаки, является, по-видимому, "номинативное поле".

Дифференцирующие признаки — не обязательно "бросающиеся в глаза" и по этой причине при обособленном толковании названия они могут даже не войти в типизированное определение. Но если возникает необходимость противопоставления близких видов, то в сознании актуализируются такие аспекты, которые в этой группе могут выполнять различительную функцию (напр., для видов "сыч", "сова" и "филин" — аспект "размер"; для видов "сойка", "кукша" и "сорока" — "цвет", для "ласточки", "стрижа" и "тиркушки" — "образ жизни").

Между дифференцирующими и тематическими компонентами нет четких границ, причем генетически вторые "восходят" к первым. Своеобразным отражением их взаимосвязи является употребление компонента то в одной, то в другой функции в словарных определениях. В словарях часто "варьируются" выражения, например, "сорное расте-

ние" или "декоративное растение" с выражениями типа "засоряет посе-вы" или "разводятся в декоративных целях". Такое явление можно часто наблюдать и в обиходных определениях. Важным проявлением перехода дифференцирующих компонентов в тематические является тенденция их форм выражения к устойчивости. Некоторые из них уже достаточно постоянны и почти не "варьируются" (певчая птица, хвойное дерево), другие менее устойчивы (озерная рыба, сорное растение), третьи терминологизируются (хищная птица, ночная птица), а иногда на этой основе возникают и фразеологизмы (красная рыба, белая рыба).

Большой удельный вес в семантике денотативов занимает и н д и в и д у а л ь н ы е п р и з н а к и, которые выделяются не в определенном аспекте, как результат противопоставления отдельных видов, а безотносительно к аспекту, точнее сказать, в результате контрастности данного признака всему аспекту, который в соответствующей группе ("номинативном поле") в целом не является актуальным. К таким признакам можно отнести, например, признаки "несъедобное мясо", "свистящий голос", "длинный хвост" в типизированных определениях птиц соответственно поганка, свистуха и шилохвость.

Индивидуальные признаки не стоят вне компонентного анализа и парадигматических оппозиций, но имеют особую формулу. Оппозиции близких видов на основе дифференцирующих признаков образуются по схеме: вид $A_1B_1V_1$ — вид $A_2B_2V_2$ — вид $A_3B_3V_3$. При наличии индивидуальных признаков (например, Γ_1 и D_1) этот ряд должен продолжаться таким образом: — $A_4B_4V_4\Gamma_1$ — $A_5B_5V_5D_1$, где А, В, В, Г, Д — аспекты вообще, а A_1, A_4, B_3, B_5 и под. — реализованные аспекты.

В заключение отметим, что трудности "лингвистического измерения" значений денотативов обусловлены не только спецификой этих значений, но и во многом несовершенством методом их "измерения". Разработка методики компонентного анализа в ономаσιологическом аспекте должна в какой-то мере способствовать преодолению этих трудностей.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1) Термином "денотативы" Д.Н.Шмелев назвал условно наименования наиболее дискретных предметов: биологических видов (основной материал нашей работы), металлов, видов посуды и под. Д.Н.Шмелев, Семантические признаки слов, "Русский язык в национальной

школе", 1968, № 5, стр.18.

2) Ю.Н.Караулов, Структура лексико-семантического поля, "Научные доклады высшей школы. Филологические науки", 1972, № 1, стр.62 (сноска 10).

3) А.М.Кузнецов, О применении компонентного анализа в лексике "Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем", М., 1971, стр.267.

4) С.Д.Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление, М., 1972, стр.132.

5) А.А.Медведев, Методы построения словарных определений для слов конкретной лексики (на материале русского языка), Автореферат кандидатской диссертация, Киев, 1972, стр.16. См. также: Т.П.Ломтэв, О построении аналитико-смыслового словаря русского языка, "Русский язык за рубежом", 1967, № 3, стр.32-33.

6) В.И.Ленин, ПСС, изд.5, т.42, стр.289-290.

7) С.Д.Кацнельсон, Указ.соч., стр.137.

8) В.Н.Сагатовский, От представления к понятию, "Вопросы методологии и логики наук", Томск, 1962, стр.110.

9) Л.В.Щерба, Опыт общей теории лексикографии, "Избранные работы по языкознанию и фонетике", Л., 1958, стр.68.

Ф.А.Литвин

О НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ОПОЗИЦИЙ
ПРИ РЕЧЕВОМ СОВМЕЩЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА
(на материале английского языка)

Под речевым совмещением значений слова мы понимаем использование в речи одного означающего, которому соответствует более чем одно означаемое, — на лексическом уровне. Эти разные означаемые могут иметь общие элементы, а могут их и не иметь, т.е. при речевом совмещении значений возможна нейтрализация оппозиции между полисемией (наличием у одной языковой единицы семантически связанных вариантов) и семантической омонимией (отсутствием общих семантических элементов у разных означаемых одного означающего). Такая нейтрализация есть естественное следствие поэтической функции речевого высказывания, т.е. установки в первую очередь на сообщение как таковое¹⁾. Результатом этой установки является выдвигание на первый план не семантического, а прагматического аспекта содержания слова²⁾.

При совмещении значений нейтрализуются и некоторые другие языковые оппозиции, в той или иной мере связанные с семантической характеристикой слова.

1. В большой мере аналогичны нейтрализация оппозиции полисемия: омонимия и нейтрализация лексико-грамматических лексемных различий. Речь идет о том, что в англистике обычно называют лексико-грамматической омонимией, т.е. различие не только в лексическом значении, но и в грамматической парадигме. При наличии общих семантических элементов вопрос об омонимии не всегда решается однозначно: "моделированная омонимия" рассматривается и как соотношение не за пределами, а в н у т р и одной языковой единицы.³⁾

В нашем материале представлены случаи нейтрализации лексико-грамматических различий и при отсутствии общих семантических элементов. Так, в заголовке *Miss Smith feels Simply Capital (Morning Star, 2.02.70) capital* с большой вероятностью воспринимается как прилагательное со значением *excellent, first-rate (colloq.)*.⁴⁾ Однако в тексте есть указания, ведущие к иному декодированию этой словоформы: *If Barbara Smith's bikini becomes fashionable, women will have nothing to purse but their lips. The swimsuit is made of several hundred decimal coins. Coins* в сочетании с *several hundred* ведет к интерпретации *capital* как существительного со значением *wealth, money*. Фотография подтверждает двойную интерпретацию *capital*: на фотографии изображена девушка с улыбающимся лицом (*feels excellent*), демонстрирующая бикини из новых монет, которые тогда только вводились в обращение в Великобритании (*feels the money, i.e. capital*).

Таким образом, при совмещении значений может нейтрализоваться различие между лексико-грамматическими характеристиками, обуславливающими несводимость лингвистических образований в одну языковую единицу, проводящими границу между этими образованиями. Словарь дает их в одной словарной статье, но указывает различие части речи; в словарных дефинициях не прослеживается никакой семантической общности между ними. Следует, правда, отметить, что парадигматические различия между ними минимальны, в отличие от фундаментального различия "глагол - имя",⁵⁾ благодаря чему в подобных случаях можно признать не противоречащей общей теории слова модель, в которой подобные случаи представлены одной единицей; соотношение этой единицы с разрядами, называемыми частями речи, имеет вероятностную, а не абсолютную основу (с учетом сказанного

ранее о наличии или отсутствии общих семантических элементов).

Несколько сложнее интерпретация случая с vice;

He opened the door. "At any rate, remember what I say, in case you might find you'd better change your mind. Just ask for the Detective-Inspector of the C.I.D. - the Vice Inspector", he added with a tsut official grin. (Colin Mac Innes).

Если одна из интерпретаций vice (указатели: detective, C.I.D.) – существительное со значением evil conduct or immorality, то в другом значении (acting for, acting as nearest in authority, holding rank next below; указатель: Inspector как название должности) словарь квалифицирует vice как prefix, т.е. не слово, а морфему (правда, с дефисным написанием: vice-; в данном тексте написание отдельное, словарная же интерпретация вполне удовлетворяет смыслу текста в целом). Слово тем самым предстает как многозначное, с нейтрализацией тех лексико-грамматических характеристик, которыми обычно сопровождается каждый из этих лексико-семантических вариантов при отдельном рассмотрении.

2. Требования, предъявляемые к слову поэтической функцией высказывания, обуславливают нейтрализацию еще одной фундаментальной языковой оппозиции – имен нарицательных и имен собственных.

Основой этой нейтрализации является, с одной стороны, выполнение каждым словом в речи номинативной функции, с другой – общность имен собственных и имен нарицательных как единиц языка. Будучи словами, имена собственные не могут не обладать специфически лингвистическими качествами. Одно из этих качеств – их языковая звуковая форма, которая и дает основания для сближения имен собственных друг с другом, а также сближения их с именами нарицательными. Как известно, этим широко пользуются в художественном творчестве для создания так называемых говорящих имен, снимая тем самым противопоставление имен собственных и нарицательных, основанное на "чисто назывательной роли" имен собственных, их "неспособности выражать обобщенное понятие".⁶⁾ Удобство "говорящих имен" заключается, в частности, и в том, что, в отличие от нарицательных, имена собственные могут создаваться "по мере необходимости", без нарушения системы языка в целом (даже ограничения дистрибуции фонем могут сниматься, когда собственные имена передают иноязычные особенности сочетания фонем – ср., напр., Мкртчян в русском языке или Pnin в английском). Регулярность такого сближения имен собственных и нарицательных создает основу и для обрат-

ного процесса - осмысления "естественных" имен собственных как "говорящих". Ср., напр.; "The lady chose, or who chose him, was a night club singer. Her name, appropriately enough, was Linda Conquest". (Raymond Chandler). "Естественное" собственное имя (мы вправе отвлечься здесь от "созданности" всей ситуации в целом, включая имена действующих лиц, автором книги) осмысливается как включающее в себя "квалитативную характеристику" его носителя,⁷⁾ на что указывает фраза *appropriately enough*; т.е. название (имя) соответствует качествам референта и тем становится в ряд с именами нарицательными.

Такое же "приравнивание" имени собственного к нарицательному мы встречаем в несколько необычном - иноязычном - контексте:

"... как-никак у власти юнионистское правительство, действующее в тесном контакте с британскими тори и командующим английскими войсками в Ольстере генералом Фрилэндом.

Должно же быть такое: "фрилэнд" - "свободная страна", словно в насмешку - имя человека, которому поручено держать Ольстер в британской узде!" ("Литературная газета", 10.02.71).

Это возможно не только с антропонимами, но и с топонимами. Примером может служить карикатура, изображающая тогдашнего премьер-министра Великобритании Вильсона с газетой в руках. В газете - результаты дополнительных выборов в парламент: "Oldham lost, Brightside held". Под карикатурой - подпись: советник Вильсона обращается к нему с рекомендацией "Try looking on the Brightside!" (Morning Star, 15.06.68). Топоним Brightside отождествляется с сочетанием bright side (cheerful aspect).

Большинство случаев совмещения значений, связанного с использованием собственных имен, и основано на снятии (нейтрализации) специфики значения имени собственного, его приравнивании к обобщенности значения имени нарицательного и объединении этих двух образований, лишенных таким образом принципиальных различий, в одну единицу. Эта единица и реализуется в тексте, с разными контекстами, указывающими на разные ее интерпретации. Ср.: "If we go metric do you think Michael Foot will have to change his name?" (Morning Star, 27.07.68 - подпись под карикатурой). Реально однажды употребленное в тексте слово foot (о специфике графического изображения см. ниже), соотносясь с двумя различными контекстами (1. metric, change; 2. Michael, name), получает две интерпретации, которые тем самым предстают как равноправные, так как нейтрализу-

ется специфика имени собственного.

Тот же механизм, осложненный "омонимией" личных имен⁸⁾ и литературными ассоциациями, представлен в подписи Rob Roy под карикатурой, изображающей тогдашнего министра финансов Великобритании Роя Дженкинса в день обнародования бюджета страны на 1968 год, о котором газета пишет: "In his Budget yesterday - the hardest in recent history - Mr. Roy Jenkins launched a double-barrelled attack on the living standards of the British people". (Morning Star, 20.03.68). Roy - действительное имя министра, а Rob - это и собственное имя героя романа Вальтера Скотта (я реально существовавшего лица), и основа словообразовательного гнезда, со значением to take property unlawfully (and often by force).

Нейтрализация оппозиции имен нарицательных и имен собственных может получать и дополнительные указания - ср., напр., The King God Didn't Save (название книги о Мартине Лютере Кинге), где имя собственное сочетается с определенным артиклем; его референт тем самым как бы вводится в ряд референтов слова King, которое реализует свое значение с помощью указателей God и save (подкрепленных устойчивостью этой сочетаемости в силу аллюзивного характера сочетания - ср. God Save the King!).

Эта нейтрализация захватывает и случаи, находящиеся не на самых крайних точках шкалы "имена собственные - нарицательные". Ср. "Oh, look - the place is swarming with Constables. Everywhere you look. A perfect clutch of them!"...

... "Swarming, I think you said was the expression you used. And clutch. Swarming with a clutch of Constables. Y o u meaning the artist. T h e y assuming the police". (Ngaiio Marsh).

Объяснение, данное во втором отрывке, не вполне точно: Constable интерпретируется в тексте не как the artist и даже не как a picture painted by the artist (ср. There are a few Constables in the gallery, да как a view typical of a picture painted by the artist, т.е. это имя собственное уже не в первом, а во втором приближении. Указание на существительное как на собственное имя в микроконтексте (воспринимаемом слушателем) отсутствует, в то время как отмеченная его специфика (и связанное с ней морфологическое оформление в форме множественного числа) требует для восприятия такой интерпретации специальных указаний. Эти указания даются в широком макроконтексте.

К не конечным точкам шкалы относятся и названия. Ср., напр., карикатуру, на которой изображены двое мужчин, несущих носилки. На носилках лежит мужчина в бессознательном состоянии. На заднем плане - бензоколонка с надписью 3d Off Petrol. Подпись: "I think he's suffering from shell shock!" (Morning Star, 4.03.67). Shell совмещает здесь значения metal case filled with explosive to be fired from a large gun (указатель - shock) и значение названия нефтяной компании (указатель - petrol).

Естественно, что такое же совмещение возможно и с именами типа прозвищ, в которых существительное, приобретая свойства имени собственного (закрепленность за одним референтом), не утрачивает полностью и характеристик имени нарицательного. Ср.: ...he (Robin Hood) was condemned to be an outdoor and went and lived... in Greenwood Forest, near Sherborne. Amongst his Merrie Men were... Little Red Riding Hood (probably an outdaughter of his)... (W.C.Seller and R.J.Yestman).

При этом, с одной стороны, "уравнивается" лингвистический статус имени собственного "в чистом виде" (Robin Hood) и имени нарицательного, выполняющего функции, типичные для имени собственного: в Red Riding Hood существительное hood, сохраняя значение bag-like covering for the head and neck..., становится, вместе с ограничивающими его атрибутами, дистинктивным признаком одного из возможных референтов, закрепляется за ним как название и тем самым теряет обобщающую силу. С другой стороны, оба эти существительные воспринимаются как более "регулярные" имена нарицательные в том смысле, что общность названия предопределяет общность признаков (в данном случае интерпретируемую как фамильную общность - probably an outdaughter of his).

Следует отметить также многозначность, основанную на языковом явлении, которое называют переходом собственных имен в нарицательные.⁹⁾ В приводимом ниже примере неразграничение свойств имени собственного и имени нарицательного, нейтрализация противопоставления между ними нарочито обыгрывается, но основано такое использование слова на его лингвистических потенциях, его свойствах как единицы языка.

A Bard to Sing Nixon's Praises.

President-elect Nixon yesterday named CBS television executive Frank Shakespeare as director of the United States Information Agency. Mr. Shakespeare, 45, served as Mr. Nixon's television adviser during the election campaign. (Morning Star, 14.01.69).

Причина, по которой в тексте (заголовке) появилось слово *bard*, заключается в наличии в собственно тексте имени (слова) *Shakespeare*: *Shakespeare is a bard*. *Shakespeare* в этом случае есть конкретное, индивид, а *bard* – обобщенное, вид. Данный индивид подводится под некоторый вид; это не есть отождествление, в первую очередь потому, что имя индивида не связано с теми его качествами, которые можно подводить под вид. Референт не потому связывается с именем (называется данным именем, т.е. словом), что ему присущи качества такого характера, который позволяет обобщение; эта немотивированность – та же, что и у корневых морфем и есть иллюстрация случайности, недетерминированности связи звучания и значения. Но дополнительно к этим общим соображениям, обобщение неправомерно здесь еще и потому, что имя (слово) соотносится не с классом объектов, а с одним объектом; точнее, не с таким классом, который задан присущими объекту свойствами, а с таким, который составлен на основе по существу списочных условий, т.е. не вытекающих ни из каких внутренних, ингерентных признаков: нет никаких оснований, почему любой индивидуум не может получить – или взять – то или иное имя, коль скоро оно именно имя (любой – с разной степенью вероятности, в XX веке явно начинающей нивелироваться – ср., напр., Юрии во многих странах мира после полета Гагарина и т.п.). Именно в силу этой специфики собственных имен есть больше оснований по отношению к ним говорить об омонимии; хотя и здесь можно считать эти случаи разными манифестациями лингвистически одной единицы, одного слова. Так или иначе, *Shakespeare* в *Shakespeare is a bard* принципиально отличен от *house* в *A house is a building*, поскольку сигнификат индивидуально-го не включается в сигнификат видового, не имеет с ним общих семантических элементов. Именно это основополагающее различие и игнорируется (разумеется, нарочито) в данном случае – имя собственное приравнивается по статусу к имени нарицательному (а в принципе с данным именем это не исключено – ср. *He is no Shakespeare, but pleasant enough to read*) и в результате получаем: *Since Shakespeare is a bard, then anyone who is Shakespeare (bearing the name of Shakespeare!) is a bard. Hence, (Frank) Shakespeare (as a Shakespeare) is a bard too.*

3. В предыдущем изложении мы отвлекались от аспекта, связанного с выбором субстанции выражения – звуковой или графической.

Между тем, это различие также можно рассматривать как языковую оппозицию, хотя и вторичного характера. Ее вторичный характер связан и с тем, что графическая система языка является отражением системы звуковой, и с тем, что эта оппозиция чаще всего воспринимается как средство передачи иных языковых противопоставлений, напр., стилистических "регистров" (ср. трудности, связанные с определением понятия "письменная речь").

Эта оппозиция связана с уже упоминавшейся оппозицией имен собственных и нарицательных. Собственные имена, отличаясь от нарицательных в плане содержания соотношением сигнификативного и номинативного моментов, в плане выражения имеют специфические особенности при выборе графической формы представления, которые не имеют соответствия в звуковой форме, — написание с большой буквы. Эта их специфика может быть нейтрализована — в частности, при использовании существительного как первого слова в предложении или в заголовках, где по нормам английской орфографии все значащие слова пишутся с большой буквы. Однако, достаточно регулярно это противопоставление выявляется и в иных положениях; ср. приведенные выше примеры с Michael Foot, Constables; ср. также: Jacob was an actor before he went into management and had chosen Saint as his name, and stuck to it the rest of his life. He made bad jokes about it — "I'm no Saint" — and wouldn't allow his nephew to adopt it when he in turn took to the boards. (N.Marsh).

Различие звуковой и графической субстанции оказывается релевантным в интересующем нас смысле и в случаях омофонии — как связанной с собственными именами, так и затрагивающей только имена нарицательные. Сравните:

Five Top Byrds

Folksinger Bob Dylan's song "Mr. Tambourine Man", recorded by a Hollywood group the Byrds on their first-ever disc, has gone to the top of this week's New Musical Express pop music chart. Daily Worker, 13.07.65) (по-видимому, намеренная омофония; ср. с названием известного эстрадного ансамбля The Beatles, омофоничным существительному beetles — видимо, также нарочито).

Long Time No See — заголовок рекламного объявления, приглашавшего лондонцев отдохнуть у моря.

По-видимому, эти случаи следует рассматривать дифференцированно, в зависимости от того, представлена ли в каждом данном случае графическая форма как равноправная со звуковой или как вторичная

по отношению к ней. Речь может идти именно о том, как представлена избранная форма, поскольку в общем плане возможна и та, и другая трактовка.¹⁰⁾

В частности, большинство рассматриваемых нами случаев совмещения интерпретации комплекса единиц плана выражения как имени собственного и нарицательного воспринимаются как графическое изображение первичной звуковой субстанции, т.е. ранее звучавшей речи. Более того, различение или нейтрализация различия звуковой и графической формы может использоваться для разграничения двух адресатов — слушателя и читателя. Например, в случае с *Constables* вероятность восприятия этого слова со значением *policemen* значительно выше для слушателей (действующих лиц романа) и ниже для читателей; читатель тем самым получает больше сведений, чем участники описываемой ситуации, а лингвистически такие случаи могут быть осмыслены как объединение языковых образований на уровне звучащей речи и их разъединение (близость, но не идентичность) на уровне вторичного представления речи в графической субстанции.

Приведем примеры.

"I shall approach. Before taking off his hat, I shall take off my own. I shall say, 'The Marquis de Saint Eustache, I believe.' He will say, 'The celebrated Mr. Syme, I presume.' He will say in the most exquisite French, 'How are you?' I shall reply in the most exquisite Cockney, 'Oh, just the Syme.'" (G.K.Chesterton)

Здесь модифицируются и первичная звуковая субстанция, и ее вторичное графическое изображение — модифицируются на "законных" основаниях, т.е. на основе использования существующего объективно в языке диапазона варьирования; но эти модификации и выявляют возможности языковых единиц, связанные с их планом выражения, менее очевидные при "стандартном" использовании тех же единиц. Собственное имя отождествляется здесь с прилагательным (или местоимением) *same*¹¹⁾, но в его субкодовом (диалектном) фонетическом варианте *same*. С другой стороны, если это кокни, то *sume* = *same*, но тогда модификацией следует признать его написание с большой буквы (ср. также использование артикля), которое является своеобразным сигналом, показателем идентификации имени собственного с нарицательным.

"Условность" многозначности, связанной с нейтрализацией различий между звуковой и графической формой, в явном виде представ-

лена в следующем отрывке:

"There is a young Mrs Repton?"

"There is indeed - the decorative Scilla. One of the things I haven't discovered is whether she spells it like a flower, or in the classical manner like Scylla and Charibdis. You see, quite a lot might depend on that". (Patricia Wentworth).

"Классификация" имени и тем самым его "расшифровка", определение его семантической релевантности целиком обуславливаются здесь способом его графического представления, тогда как его звуковая реперезентация объединяет его с большим кругом единиц, чем это в данной ситуации удобно говорящему. (Читатель в этом случае также знает больше говорящего, так как ему, читателю, неизбежно дана и графическая форма представления имени).

Если в приведенных выше примерах мы имеем дело с изображением звучащей речи ("прямая речь"), то в следующем отрывке "ориентировка" на звучание не является следствием изображения звучавшей ранее речи: During this reign the Hundred Years' War was brought to an end by Joan of Ark, a French descendant of Noah... (W.C.Seller and R.J.Yestman).

Смешение Arc (Joan of Arc) и Ark (Noah's) как бы "транспонирует" этот текст в иной регистр - такой, которому более свойственна устная форма изложения, сообщая тексту характер фиксации имевшего место звучания, так что различия в графической форме становятся вторичными, такими, которыми можно пренебречь.

Такова же импликация использования омофонии в газетных заголовках (ср. выше пример Long Time No See). В то же время, в заголовках графическая форма представлена как параллельная звуковой, равноправная с ней. Многозначность в этих случаях есть потенциальная возможность, которая в данном представлении не реализуется, но осознается как возможность - при другом, параллельном представлении. Так, напр., в Sewing is Growing (заголовок статьи о том, что все больше женщины сами шьют себе платья) первый звуковой комплекс является означакщим означаемого work with a needle and thread, а не означаемого put (seed) on or in the ground or in soil, которое связано с иным графическим изображением - sow. В то же время это иное означаемое возникает при декодировании как потенциальное, как нереализованная возможность, которая, однако, легко реализуема при иной субстанции выражения - звуковой (сочетание с growing тематически "поддерживало" бы такую интерпрета-

цию). Вполне естественно, что при предъявлении того же текста в устном общении (как, например, это было сделано в программе *What Is It About?* в серии передач *English by Radio* (многозначность слова стала реальным фактом, и для ее снятия потребовалась мобилизация тех дополнительных указаний, связанных с графической формой, которые были нейтрализованы звуковым представлением: ведущему был задан вопрос о написании *sewing*, после чего интерпретация заголовка не представляла трудностей, т.е. многозначность была устранена "обратным транспонированием" в изначальную графическую форму. Сам же факт включения этого заголовка в программу (специально построенную как "расшифровка" многозначных текстов) свидетельствует о том, что эта потенциальная многозначность вполне четко воспринимается и при декодировании текста в его графическом представлении.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) R. Jakobson. *Linguistics and Poetics*, in: *Style in Language*, ed. by T. Sebeok, New York, 1960.
- 2) См. тезисы нашего доклада в сборнике "Актуальные проблемы лексикологии", Минск, 1970, стр. 122-123.
- 3) Ср. "лексему" у И.В. Арнольд (Семантическая структура слова в современном английском языке. Л., 1966, стр. 21-22). Ср. также тезис о вероятностном характере частей речи, особенно в "языках с развитой конверсией" (А.Е. Супрун, Части речи в русском языке, М., 1971, стр. 84-88).
- 4) Все толкования даны по словарю A.S. Hornby et al. *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*, London, 1967.
- 5) Ср. А.И. Смирницкий, Морфология английского языка, М., 1959, стр. 105; Ср. также "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып. 14, М., 1971, стр. 178 (там же ссылка на Ч.Ф. Хоккета).
- 6) А.А. Уфимцева, Слово в лексико-семантической системе языка, М., 1968, стр. 74. Ср. также "Принципы и методы лексикологии как социолингвистической дисциплины", изд. МГУ, 1971, стр. 190-197, где отмечается и подвижность, "градуальность" деления на имена собственные и нарицательные.
- 7) А.А. Уфимцева, Указ. соч.
- 8) Принципы и методы лексикологии...
- 9) См., напр., А.А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1967, стр. 62-64.

10) См., напр., Н.Г.Комлев, Компоненты содержательной структуры слова, изд. МГУ, 1969, стр.62-64; Общее языкознание, М., 1970, стр.143-145.

11) Н.Ф.Иртеньева, Омонимия функциональных слов, ИЯШ, 1972, № 1, стр.15-16.

Е.Б.Шерешевская

ОСОБЕННОСТИ СТИЛИЗАЦИИ И ПАРОДИРОВАНИЯ В ПРОЗЕ И.А.КРЫЛОВА

Изучение особенностей стилизации и пародирования одинаково важно как для истории литературного языка, так и для стилистики. Стилизация и пародирование дают наглядное представление о языковом мастерстве писателя, имитирующего чью-либо художественную манеру, позволяют обнаружить в творчестве писателя характерные признаки, свидетельствующие о его принадлежности к определенному литературному направлению. Творческий метод и языковой стиль Крылова-прозаика не укладывается ни в рамки классицизма, ни в рамки сентиментализма. В творчестве писателя намечались новые тенденции, которые можно охарактеризовать как реалистические. Подтверждением этому служат стилизация и пародирование, являющиеся неотъемлемой чертой реализма.

Под стилизацией принято понимать воспроизведение писателем манеры повествования, характерной для какого-либо жанра, эпохи, социальной среды и т.д., с целью создания у читателя впечатления подлинности описываемых событий. Можно выделить несколько видов стилизации, главнейшими из которых являются **с т и л и з а ц и я жанровая и историческая.**

С т и л и з а ц и я жанровая состоит в воспроизведении типичных приемов, способов выражения, характерных для того или иного литературного жанра (сказок, былин, басен и т.д.); **и с т о р и ч е с к а я** - в воспроизведении языковых средств и способов выражения, характерных для исторической эпохи, в которой происходит действие произведения.¹⁾ А.И.Ефимов выделяет **с т и л и з а ц и ю различных социально-речевых стилей.**²⁾ Стилизация служит основой **п а р о д и р о в а н и я** - иронического подражания стилистическим приемам какого-либо писателя, жанра, литературного направления и т.д.³⁾

И.А.Крылов – большой мастер стилизации и пародирования. Интересная особенность его стиля заключается в том, что читателю порой трудно отделить и расчлнить в своем восприятии стилизацию и пародирование, которые в произведениях И.А.Крылова представляют неразделимое целое. У других писателей XVIII века этого не наблюдается. Так, у Карамзина встречаем элементы исторической стилизации в повестях "Наталья, боярская дочь" и "Марфа-посадница". Элементы стилизации находим в прозе Д.И.Фонвизина (например, в произведении "Друг честных людей или Стародум"). Наиболее яркие примеры стилизации встречаются в комедиях Фонвизина "Бригадир" и особенно – "Недоросль". Оригинальные приемы стилизации и пародирования находим в сатирических журналах Н.И.Новикова.

В произведениях Крылова мы видим пародийную стилизацию – своеобразный стилистический прием, мастерски использованный впоследствии А.С.Пушкиным в "Истории села Горюхина".

Наглядный пример пародийной стилизации – письмо Евстрата Халкина ("Почта духов", письмо XXXII), типичное "творение" взяточника-крючкотвора, изобилующее огромным количеством архаизмов и отличающееся, к тому же, тяжеловесным синтаксисом с неестественным словорасположением:

"Милостивый государь, отец, милостивец и благодетель! С неизглаголанною и неудобьязыасненною радостию получил я, низайший, от Вашего превосходительства известие, что милостию всецедрого творца, все учиненные на знаменитую особу вашу преставления, удостоверяющие якобы о предосудительных Ваших для совести и чести поступках, совершенно Вами опровержены и что могущество Вашего превосходительства, яко гора Сион, пребудет непоколебимо и во веки не подвижется сие не точию мне, но и тем, кто состоят под высоким покровительством Вашего превосходительства, вельми приятно, понеже по благоутробию вашему не только вы сами, но и клеветы, вам порабощенные, со избытком насыщаются от крупниц, падающих с богатой и никогда не оскудевающей трапезы Вашего превосходительства".

Совершенно иной стилистический характер имеет воспроизводимое Крыловым письмо судьи Авдея Частобралова к своему сыну Лентулу. Письмо раскрывает перед нами образ хитреца и ханжи, прикрывающего лицемерными фразами низость души. Это более тонкий и изощренный хищник по сравнению с Евстратом Халкиным:

"Любезный сын!

Приятное твое мне письмо я в сем месяце получил и радуюсь, что

ты в приказе набил руку так твердо, что своим четким письмом и самому слепому судье можешь понравиться... Да мне и еще есть нужда да кое о чем с тобой поизъяснитца.

Ты пишешь, что тебе несносна приказная служба, и просишь дозволения ее оставить. С чего ты это забрал себе в голову, друг мой! Да знаешь ли ты, что твой дед нажил в этой службе больше сорока тысяч рублей, твой отец приобрел большой каменный дом в четыре этажа, да и ты, мой свет, доколе не наживешь хотя посредственной деревнишки, дотоле я тебя из этой службы не выпущу, или не будь над тобою мое благословение; а ты знаешь, что этим шутить дурно".

("Почта духов", письмо XXXVI)

Письмо написано простым разговорным языком с характерными для автора (Авдея Частобралова) особенностями: использованием фразеологизмов, уменьшительных суффиксов, обращений. Употребление в письме Авдея Частобралова пословиц и поговорок позволяет писателю ярче раскрыть сущность простодушного на первый взгляд отца семейства. По своей сатирической направленности письмо Авдея Частобралова приближается к знаменитым "Письмам к Фалалею" Н.И.Новикова: "Ведь и наш батько Иван, кабы да я не таков был, так он был готов хоть кожу содрать; то-то поповские завидливые глаза, прости, господи, мое согрешение! А ты, Фалалешка, с попами знайся, да берегись, их молитва до бога доходна, да убыточна... Как отпоешь молебен, так можно ему поднести чарку вина, да дать ему шесть денег, так он и доволен" ("Живописец", лист 15. "Письмо уездного дворянина к его сыну").

Стилистическая манера данного отрывка близка стилистической манере Крылова, но у Новикова ярче ощущается сатирическая, разоблачительная направленность произведения.

Что касается передачи языковых особенностей персонажей, то и Крылов, и Новиков в равной мере проявляют здесь себя умелыми стилизаторами, хотя образ Авдея Частобралова представляется нам более сложным и интересным по сравнению с примитивным помещиком-крепостником из произведения Новикова.

Таковы некоторые особенности пародийной стилизации в "Почте духов" И.А.Крылова. Что касается других его прозаических произведений, то в них представлены блестящие примеры пародии.

В.В.Виноградов в работе "Этюд о стиле Гоголя" писал: "Для

историка стилей должны представить особый интерес попытки проявить в синтетическом обзоре типические особенности того или иного художника. И, конечно, среди них на первое место придется поставить литературные пародии, в которых специфические черты враждебного направления рисуются в намеренно утрированном, грубо выпяченном, и вследствие этого, непосредственно для всех зримом виде".⁴⁾

И.Н.Берков в статье "Из истории русской пародии XVIII—XX веков" дает классификацию пародий, подразделяя их на наступательные и развлекательные.⁵⁾ А.А.Морозов выделяет три их разновидности: сатирическую, юмористическую и пародическое использование. Под пародическим использованием А.А.Морозов понимает такие случаи, когда пародия направлена на внелитературные цели. Признаком, общим для всех трех разновидностей пародий, исследователь считает "следование за пародируемым стилем и жанром".⁶⁾ Классификация А.А.Морозова представляется нам более убедительной.

Жанр пародии стал весьма популярен в XVIII веке, он позволял писателям в оригинальной форме бичевать различные проявления социального зла. Пародии с острым сатирическим содержанием наиболее богато представлены в творчестве Д.И.Фонвизина, например, в его произведении "Друг честных людей или Стародум". Наиболее известные из его пародий — "Всеобщая придворная грамматика" и "Письмо, найденное по блаженной кончине надворного советника Взяткина, к покойному его превосходительству..." Безусловно, "Всеобщая придворная грамматика" — блистательнейший образец сатирической пародии в литературе XVIII века. Сатирическое содержание пародии передается в форме, напоминающей по своей структуре, грамматику: "Вопр. Что разумеешь ты через г л а с н ы х? Отв. Через г л а с н ы х разумею тех сильных вельмож, кои по большей части простым звуком, через одно отверстие рта, производят уже в б е з г л а с н ы х действие, какое им угодно. Например: если большой барин при докладе ему о каком-нибудь деле, нахмурясь скажет: 0! — того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом, и он получа о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: А! — тогда дело обыкновенно в тот же час и решено".

В произведениях Фонвизина пародия выполняет исключительно сатирическую функцию.

В произведениях Крылова есть пародии на литературные стили и жанры. Крылова по праву можно считать одним из лучших писателей-пародистов XVIII века, в его пародиях нашли отражение различные стили и течения, существовавшие в тогдашней литературе. Следует заметить, что Крылов проявил себя великолепным пародистом на протяжении всей своей литературной деятельности.

Наиболее интересны пародии Крылова-прозаика. Весьма сложную и оригинальную пародию представляют "Ночи" - произведение, которое начинается с пародирования "Ночных дум" поэта-предромантика Юнга, весьма популярного у русских сентименталистов:

"Час било за полночь... природа уснула... городской шум утих... и люди, кажется, перестали дурачиться или по крайней мере решились до утренней зари дурачиться тихомолком. А я, казалось мне, что я один не спал, и окружающее меня глубокое молчание подавало мне случай к размышлениям. Сия темнота, так начал я свое размышление, кажется нарочно для того есть в природе, чтобы унижать гордость человеческую и помрачать мнимые дарования и прелести, которые блистали во время прошедшего дня? Дай зайти солнцу и человеку снять с себя посторонние украшения, которые не принадлежат ему и которые одно его детское честолюбие себе присвоило".

Сквозь, казалось бы, явное подражание стилю сентименталистов (обилие недомолвок, восклицательных предложений, обращений) проглядывает стилистический "почерк" самого Крылова, который при дальнейшем чтении становится доминирующим:

"Где теперь тот пышный вельможа, который, за несколько перед сим часов, заставлял мир думать, что в руках его находится спасение всех восьми планет и с их спутниками, который сам делал вид, что от его только мановения зависит переставить созвездие Скорпиона на место созвездия Тельца, и с которым встречаясь подле его льстецы с набожностью глотали пыль, воздымаемую позлащенными колесами его кареты... Где он?... Его превосходительство, валяясь в пышных пуховиках, изволят заниматься хорошими сведениями, между тем, как секретарь его готовит ему к завтраку политические рассуждения, которые, конечно, выдаст он за свои, ибо сей господин уже привык думать секретарскою головою, которая есть его душа, а вельможа сей - ее тело; итак, он основательно может сказать во извинение непрерывного своего сна: дух бодр, но плоть немощна, то есть: секретарь рожден обдумывать, а я - подписывать спросонья его мысли".

Подобное противопоставление стиля самого автора стилю пародируемого произведения носит название стилистической двуплановости пародии. Стилистическая двуплановость обязательно содержит в себе "неувязку обоих планов, смещение их",⁷⁾ что мы и наблюдали в приведенных выше примерах.

За пародией на "Ночные думы" Юнга следует бурлескный рассказ богини Ночи о вечеринке у бога Момуса. Заканчиваются "Ночи" пародией на авантюрно-плутовскую новеллу, что "сочетается с одновременным весьма сатирическим показом нравов дворянского общества".⁸⁾

Многие прозаические произведения И.А.Крылова целиком представляют собой пародии. Так, "Каиб" – едкая пародия на стиль ложноклассических идиллий и торжественных од. Крылов зло высмеивает сентиментальную идеализацию действительности, заставляя Каиба познакомиться с "сельскими жителями", которых тот себе представлял в виде блаженствующих аркадских пастушков. Но вместо счастливых "поселян", наслаждающихся при своем стаде золотым веком", Каиб увидел "на берегу речки запачканное творение, загорелое от солнца, заметанное грязью". Последующая сцена между Каибом и пастухом – блистательная и остроумная пародия, полностью развенчивающая все "аксессуары" сентименталистского повествования.

"Скажи, мой друг, – спрашивал его калиф, – где здесь счастливый пастух этого стада?" – "Это я", – отвечало творение и в то же время размачивало в ручейке черствую корку хлеба, чтобы легче было ее разжевать. "Ты пастух! – вскричал с удивлением Каиб. – О! Ты должен прекрасно играть на свирели". – "Может быть, но, голодный, не охотник я до песен". – "По крайней мере у тебя есть пастушка, любовь утешает вас в вашем бедном состоянии. Но я дивлюсь, для чего пастушка твоя не с тобой?" – "Она поехала в город с возом дров и с последнею курицею, чтобы продав их, было чем одеться и не замерзнуть зимою от холодных утренников" – "Но поэтому жизнь ваша очень не завидна?" – "О! кто охотник умирать с голоду и мерзнуть от стужи, тот может лопнуть от зависти, глядя на нас". – "Признаюсь, что я много верил эклогам и идиллиям, – сказал калиф. – Фея! слова твои сбываются: я вижу то, чего бы никогда не подозревал. Стихотворец сказал правду, что поэты обходятся с людьми, как живописцы с холстиной. Но такую гадкую холстину, – продолжал он, смотря на пастуха, – такую негодную холстину разрисовать так пышно: это, право, безбожно. О! теперь-то даю я сам себе слово, что никогда по описанию моих стихотворцев не стану судить о счас-

тье моих любезных мусульман".

Оригинальную форму избирает Крылов для пародирования стиля торжественных од (это надгробная надпись): "Кто бы ты ни был, не приближайся; взирай с благоговением на камень, под коим покоится прах мой, и познай, что я... (имя так изгладилось временем, что Каиб никак не мог разобрать).. победитель вселенной, коего имя гремит и вечно будет греметь во всех концах земли: оружием моим покорил я множество народов, одержал 729 побед и не имел сражения, на коем бы побито было менее 15000 неприятелей. Свет сей оставляю в законное наследство сыну моему и его потомкам. Умираю доволен, что основал племени моему твердое и непоколебимое наследие, сокровища неисчерпаемые, славу бессмертную, и страх имени моего столь великий, что не будет смертного, который бы осмелился коснуться до моего надгробного камня".

Ироническое отношение к тексту надписи вызывает у читателей ремарка Крылова – "имя так изгладилось временем, что Каиб никак не мог разобрать", – которая буквально "съедает" торжественную напыщенность высеченных на камне слов.

Помимо жанровых пародий в "Каибе" можно встретить талантливые отрывки, пародирующие "внелитературные формы", т.е. пародии с острым сатирическим содержанием, как в произведения Д.И.Фонвизина, достаточно вспомнить описание Каибовой академии:

"... академия Каибова почиталась первою в свете потому, что ни в какой академии не было такого богатого набора плешивых голов, как у него, и все они бегло читали по толкам, а иногда очень четко писали к приятелям письма. Со всем тем многие уступали в красноречии попугаям, из коих многих Каиб, любя ученность, сделал членами академии только за то, что они умели выговаривать чистенько то, что выдумал другой".

Итак, в "Каибе" наряду с жанром сентиментально окрашенной идиллии, жестоко высмеивается и жанр хвалебно-торжественной оды. Оба жанра отвергаются во имя правдивости в изображении действительности без сентиментального приукрашивания и без одических преувеличений". 9)

Особенно блистательно и виртуозно пародирует И.А.Крылов так называемый бесфабульный жанр – речи и рассуждения. Из трех похвальных речей Крылова наиболее значительной в идейном и художественном плане является "Похвальная речь в память моему дедушке" – одно из лучших сатирических произведений литературы XVIII века. Не-

повторимое своеобразие "Речи" состоит в том, что жесточайшая сатира на помещика-самодура, сердце которого "было, так сказать, стойлом его гнедой лошади" дается в форме панегирика "добродетелям" покойного: "Любезные слушатели! В сей день проходит точно год, как собаки всего света лишились лучшего своего друга, а здешний округ разумнейшего помещика: год тому назад, в сей точно день, с неустрашимостью гоняясь за зайцем, свернулся он в ров и разделил смертную чашу с гнедой своею лошадейю прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную их привязанность, не хотела чтоб из них один пережил другого, а мир между тем потерял лучшего дворянина и статнейшую лошадь. О ком из них более должно нам сожалеть? Кого более восхвалить? Оба они не уступали друг другу в достоинствах: оба были равно полезны обществу: оба вели равную жизнь и, наконец, умерли одинаково славною смертью".

Уже с первых строк "добродетели" покойного воспринимаются читателями иронически, чему способствует стилистическая манера писателя, который использует своеобразную форму "ложного" панегирика, откуда читателю становится ясно, что покойный занимался своей охотой и привык любить собак больше, чем людей, потому что "собака ведь не слуга, с нею надобно осторожно обходиться, если не хочешь быть укушен". Узнает также читатель о повседневном образе жизни и нравах помещика-крепостника, совершенно разорившего своих крепостных: "Не думайте, любезные слушатели, чтоб я выставял его примером в одной охоте; нет, это было одно из последних его дарований; кроме сего, имел он тысячу других приличных и необходимых нашему брату дворянину: он показал нам, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолыдимов выработают в год; он знаменитые подавал примеры, как эти две тысячи человек можно пересечь в год два-три с пользою; он имел дарование обедать в своих деревнях пышно и роскошно, когда казалось, что в них наблюдается величайший пост, и таким искусством делал гостям своим приятные нечаянности. Так, государи мои! часто бывало, когда приедем мы к нему в деревню обедать, то видя всех крестьян его бледными, умирающих с голоду, страшимся сами умереть за его столом голодною смертью; глядя на всякого из них, заключали мы, что на сто верст вокруг его деревень нет ни корки хлеба, ни чахоточной курицы. Но какое приятное удивление! Садясь за стол, находили мы богатство, которое, казалось,

там было неизвестно, и изобилие, которого тени не было в его владениях; искуснейшие из нас не постигли, что еще мог он содрать с своих крестьян, и мы принуждены были думать, что он из ничего создал великолепные свои пиры".

Интересно, что "Речь" написана от лица закостенелого помещика-крепостника, полностью разделяющего "взгляды" своего покойного друга. Именно благодаря этому, "Похвальная речь", произносимая отрицательным персонажем, позволила писателю пародийно использовать традиционные приемы и средства торжественных речей и создать острое сатирическое произведение.

Авторы других "Речей" также являются представителями того общества, о котором они говорят с таким неподдельным восторгом. Это повеса и бездельник из "Речи, говоренной в собрании дураков", считающий, что "ученые ноги в большом свете полезнее ученой головы", а истинное достоинство человека состоит в том, чтобы "уметь одеваться по погоде и подделывать свой тупей под крымские овчинки так же искусно, как французы подделывают медь под золото".

Петиметр из произведения "Мысли философа по моде", или способ показаться разумным, не имея ни капли разума" излагает способы, позволяющие человеку, не имеющему ни капли разума, казаться разумным; главный из этих способов состоит в том, чтобы всегда помнить, "что ты дворянин, и следовательно, что ты родился только поесть тот хлеб, который посеют твои крестьяне".

Вертопрах и бездельник из "Похвальной речи науке убивать время" воспевают праздность и безделье, призывая слушателей позабывать таким же бездельникам, как и он, которые ни сделали "ни одного такого дела, коим... человек отличается".

"Похвальная речь Ермалафиду" написана от лица писателя-сентименталиста, страстного приверженца Карамзина, против которого в основном и направлена эта пародия. Интересно, что писатель, с такой страстью восхваляющий Ермалафиду, горестно заключает:

"Книжные лавки ломаются от нашей прозы и стихов; но когда войдешь и посмотришь на полки, где лежат сочинения, то подумаешь, что это зараженные товары, до которых никто не смеет дотронуться, и они остаются в сей неволе, доколе табачники и разносчики не расхватают их по клочкам, а нечувствительная публика смотрит на то равнодушно, оставляя им терзать наши неподражаемые произведения".

В этих словах - сатирическая соль данного памфлета.

Характерная особенность "Речей" заключается в том, что чем больше авторы восхищаются "достоинствами" своих героев, тем глупее и ничтожнее предстают эти "герои" перед читателем.

В "Речах" Крылов выработал ту словесную форму, которую так блестяще использует позже А.С.Пушкин в двух знаменитых статьях Феофилакта Косичкина "Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов" и "Несколько слов о мизинце г.Булгарина и о прочем".

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод о том, что Крылов проявил себя как блестящий мастер стилизации и пародирования. Своеобразная особенность стиля И.А.Крылова заключается в том, что в его произведениях стилизация и пародирование, взаимодействуя и контактируя, представляют неразделимое целое, в результате чего читателю порою трудно отделить в своем восприятии одно от другого. В крыловских произведениях нет просто стилизации, есть - пародийная стилизация.

Блестящие пародии, созданные Крыловым, до сих пор поражают многообразием охвата тех или иных объектов и сторон литературной действительности, что свидетельствует о незаурядности творческих и эстетических позиций Крылова, которого не удовлетворяло ни одно из существовавших в то время литературных направлений. В произведениях Крылова встречаем пародии на отдельные литературные жанры и направления (жанровая пародия), а также пародии на "внелитературные формы", преимущественно с острым сатирическим содержанием.

Крылов виртуозно пародирует бесфабульный жанр - речи и рассуждения; его по праву можно считать родоначальником своеобразной художественной формы - "ложного панегирика", получившей дальнейшее развитие в русской литературе XIX века, особенно в творчестве Н.В.Гоголя.

Для пародий Крылова характерно противопоставление стиля самого писателя стилю пародируемого произведения (стилистика двуплановость), чем достигается сатирическая заостренность и остроумие его пародий.

Рельефнее подчеркнуть эту противопоставленность Крылову помогают различные стилистические средства: риторические вопросы, разоблачительные ответы, иронические ремарки.

Пародии Крылова представляют ценность прежде всего как ярчайшие художественные образцы сатиры XVIII века, свидетельствующие о

незаурядном таланте Крылова—сатирика, чей сатирический дар получил дальнейшее развитие в басенный период творчества.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) См. О.С.Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр.454; А.И.Ефимов, Стилистика русского языка, М., 1969, стр.233.
- 2) А.И.Ефимов, Указ. соч., стр.234.
- 3) О.С.Ахманова, Словарь лингвистических терминов, стр.312-313; См. также: И.М.Сукмасова, Язык и стиль пародий Козьмы Пруткова (лексико—стилистический анализ), Тбилиси, 1961.
- 4) В.В.Виноградов, Этюды о стиле Гоголя, М., 1926, стр.18.
- 5) П.Н.Берков, Из истории русской пародии XVIII—XX века (К вопросу о пародии как сатирическом жанре), "Вопросы советской литературы", т.5, М.—Л., 1957.
- 6) А.А.Морозов, Пародия как литературный жанр, (К теории пародии), "Русская литература", 1960, № I, стр.68.
- 7) Ю.И.Тынянов, Архаисты и новаторы, Л., 1929, стр.416.
- 8) Д.Д.Благой, Сатирическая проза Крылова. "И.А.Крылов". Исследования и материалы, ГИХЛ, М., 1947, стр.35.
- 9) Д.Д.Благой, Указ. соч., стр.35.

М.И.Черемисина, Н.С.Сопла

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ЗООХАРАКТЕРИСТИК I)

(На материале русского образа "петух")

Задачей настоящей статьи является анализ структуры содержания одной из широкоупотребительных зоохарактеристик русского языка — слова "петух" в его вторичной, образной функции, а также его компаративных употреблений и производных, связанных с этой вторичной, "поэтической" функцией: "петушиться", "петушиный", "петуший", "попетушину".

Эта характеристика зарегистрирована многими словарями русского языка, которые определяют ее содержание так: ТСО — "о задорном человеке, забияке" (разг., неодобр.); ТСУ — "о задорном, заносчивом человеке, забияке" (разг., фамил.); 4-х томный словарь АН СССР — "о задиристом, запальчивом человеке, забияке"; 17-ти томный — "о задорном, заносчивом человеке, забияке". Таким образом,

в этих 4-х словарях использовано 5 разных слов при описании этого смысла: "забияка" - 4 р., "задорный" - 3 р., "заносчивый" - 2р, "задиристый" - 1 р., "запальчивый" - 1 р.

Возникает вопрос: сколько разных компонентов смысла видят лексикографы у этой характеристики? Как соотносятся между собой используемые в описании слова? "Забияка", "задорный", "задиристый" можно интерпретировать как синонимы, дублирующие одну и ту же информацию; "запальчивый" - как уточняющий синоним. "Заносчивый" - слово явно с другим содержанием. Это самостоятельный признак, который может сопровождать "задорность" или выступать независимо. Так как из 4-х словарей два не упоминают о заносчивости, естественно думать, что "петухом" можно назвать человека, не обнаруживающего заносчивости. Но называют ли так человека заносчивого, но не задиристого?

Мы задались целью проследить, как употребляется это слово и его производные в реальных текстах, какие смыслы оно выражает - и как адресат узнает о том, каков его смысл в каждом конкретном случае, если этот смысл способен варьироваться. Из разных произведений художественной литературы, из мемуаров и из записей устной речи нами собрано около 60 контекстов, в которых этот образ используется для характеристики человека. Анализ показал, что в подавляющем большинстве случаев "малый контекст", - сама фраза, в которой реализуется этот образ, или ее ближайшее окружение содержат в себе указания на то, какой смысл вкладывается в характеристику, каковы релевантные с этой точки зрения параметры ситуации: что именно сделал, какие черты обнаружил тот человек, который характеризуется этим словом. Эту особенность употребления, общую для всех собранных нами зоохарактеристик, мы и использовали, разрабатывая методику анализа, которая позволяет выделить основные компоненты смысла характеристики и выяснить отношения между ними.

Ниже мы рассмотрим основные типы контекстов, в которых эта характеристика поворачивается разными сторонами, и затем сформулируем основные выводы из проделанного анализа.

(I). "Разве дуэли возможны? - А почему невозможны? Мужчины все петухи; вот бы и дрались" (Достоевский, "Игрок").

В этом контексте обратим внимание на "внешние" показатели смысла характеристики: "петухи" относится к мужчинам, которым свойственно "драться", причем в данном случае "драка" подразумевает дуэль.

(2). "Ну, спецились, петухи! Не разгонишь ведь теперь!" (У.Р.)

"Спецились" – экспрессивный синоним, подразумевающий "начали драться"; "не разгонишь" выражает ожидание говорящим сопротивления прекращению драки, то есть "увлеченность" дерущихся этим занятием. Оба эти контекста позволяют интерпретировать характеристику "петух" как "драчливый", "любитель драк".

(3). "Вы, петухи, хватит вам клевать свои гребни. Хоть сегодня покукарекайте весело" (Авдеенко, "Черные колокола").

Речь идет о споре, "словесной драке". Образное выражение "клевать свои гребни" означает "бить словами", "покукарекать (= поговорить) весело" понимается как антитеза тому вербальному поведению, которое фиксируется характеристикой "петух". Поэтому содержание последней осознается как "резкий спорщик", "словесный драчун". Драчливость, таким образом, предстает как свойство, регулярно провоцирующее эту характеристику, причем драка понимается и как "просто" драка, руками, и как драка оружием, и как драка словами.

(4). "Затем, все более торопливо вода трубой, Горн увидел Меншикова, – этот петух во весь конский мах скакал к шведам". (А.Толстой, "Петр Первый").

Поскольку "скакал к шведам" означает здесь "навстречу врагам", "петух" понимается в том же смысле "охотник до драки". Реальное содержание этого образа здесь богаче, но другие его стороны "малым контекстом" не выявляются, и пока мы о них говорить не можем.

Те же мотивы отчетливо прослеживаются и на материале сравнительных употреблений слова "петух":

(5). "Мать рассказывает, ты драться любишь. "Он у меня, говорит, драчливый, как петух" (Н.Островский, "Как закалялась сталь").

(6). "Я вскочил на ноги и стал перед ним петухом. – А ну, ударь! А ну, ударь!" (Горбатов, "Мое поколение").

Если в контексте (5) содержание образа раскрывается прилагательным, модулем сравнения, и глаголом того же корня, то в контексте (6) прямая речь, раскрывающая "установку" поведения, мотивирует формулу "стать петухом". Соответствующая поза человека понимается как "воинственная". Таким образом, и здесь прослеживается та же "тема": "петух" – это драчливость, воинственность. То же находим и в производных "петушиться" и "петушиный":

(7). "В окно Привалов видел, как Ляховский с петушиным задором наскакивал на массивную фигуру кучера Ильи" (Мамин-Сибиряк, "При-

валовские миллионы");

(8). "(Виктор и Митя) сразу же переругались. У обоих характер был петушиный" (Горбатов, "Донбасс").

Пожалуй, именно к этим примерам ближе всего подходят приведенные выше словарные определения. В контексте (7) прилагательное "петушиный" определяет существительное "задор", с которым его связывают своеобразные смысловые отношения. С одной стороны, тут прослеживается "семантическое согласование", то есть общность семантического компонента у определяемого и определения, — ср. "лисы хитрость", "ослиное упрямство", "муравьиное трудолюбие", "звериная ярость" и т.п. С другой стороны, определение уточняет существительное, то есть несет в себе нечто сверх того смысла, который выражается существительным, — иначе в нем не было бы нужды. И это добавочное содержание, на наш взгляд, не сводится к функции усиления, — хотя эта функция, безусловно, выполняется подобными определениями.

В контексте (7) значимы также глагол "наскакивал" и дополняющее его словосочетание "на массивную фигуру (кучера)". Эти выражения мотивируют "тему петуха", драчуна и забияки, и обогащают содержание характеристики, намечая новый ее аспект. "Петух" представит здесь именно как задира. В контексте (8) определяемым при этом прилагательном является слово "характер". Понятно, что семантического согласования в этом случае нет, — возможны и сочетания "собачий", "ослиный", "телячий", "бирючий" характер. Смысл характеристики определяется предшествующим контекстом — глаголом "переругались" и наречием "сразу же", ведущими нас к тому варианту характеристики, который подразумевает постоянную готовность человека к "словесной драке".

(9). "При нападении защищайся, однако не петушись бестолку" (Ажаев, "Далеко от Москвы").

Это довольно сложное семантическое построение. Рекомендация "при нападении защищайся" противопоставляется говорящим предостережению "однако не петушись бестолку", — откуда можно вывести, что он ожидает от адресата определенного, и с его точки зрения нежелательного поведения, которому и соответствует формула "петушиться бестолку". "Тема петуха" связывается здесь не просто с драчливостью, готовностью к драке, но и мотивом "бестолку". Тем самым, драка в порядке самозащиты, борьбы за жизнь, — "серьезная драка", противопоставляется драке "из любви к искусству", и именно послед-

няя ассоциируется с образом петуха.

Но этот контекст можно прочитать и иначе: "защищайся - однако не петушись", с интерпретацией петуха как инициатора драки, "нападающего", "наскакивающего" (ср. контексты (7), (6)). Мы полагаем, что эти компоненты смысла не исключают друг друга. Видимо, они оба присутствуют во фразе - как разные грани одной фигуры, которые по-разному "высвечиваются" разными составляющими контекста.

(I0). "За обедом спор продолжался, но менее воинственно, без грубостей: Ольга пугалась, когда отец с мужем начинали петушиться. Ей казалось, что дело может дойти до ссоры" (Трифонов, "Нетерпение").

(II). "Мы опять принялись болтать. Чертопханов понемногу смягчился совершенно, перестал петушиться и фыркать" (Тургенев, "Чертопханов и Недолюскин").

В контекстах (I0) и (II) тот же глагол "петушиться" характеризует вербальное поведение человека. В контексте (I0) содержание характеристики подробно и полно раскрывается внешними средствами: петушиться - это значит "воинственно спорить", спорить так, что - по крайней мере со стороны кажется - дело может дойти до ссоры. Отметим, что здесь опять мы видим эту характеристику соотносенной с поведением мужчин, пугающим женщину. Контекст (II) менее развернут, но содержание характеристики остается тем же; те указания, которые есть в окружении, согласуются с такой трактовкой образа ("смягчился" - перестал петушиться", откуда "петушиться" - быть резким в споре, агрессивным, воинственным). Ср. еще некоторые аналогичные примеры:

(I2). "Комендант вскипел: - Ты уж слишком себе позволяешь... Я здесь комендант и прошу не вмешиваться". Соломыга взглянул на петушившегося коменданта и захохотал" (Н.Островский, "Как закалялась сталь").

(I3). "Посторонись! долой, болван! чего прешь..., - кричал между тем красненький кавалер, прочищая дорогу. Но как он ни петушился, сколько ни подскакивал кверху, усилия его не производили никакого действия" (Григорович, "Переселенцы").

Здесь тоже характеристика мотивируется глаголами "вскипеть" и "кричать", которые свидетельствуют о резкости, экспрессивности вербального поведения персонажей, и содержанием прямой речи. В контексте (II) мотивировка существенно дополняется фразой "усилия

его не производили никакого действия" (ср. контекст (9), слово "бестолку"). Интересна здесь и уступительная конструкция: "как ни петушился он..., усилия не производили действия". Если сема "нерезультативности" включена внутрь семантики характеристики, то "уступки" в синтаксическом смысле быть, казалось бы, не должно. Однако нам думается, что возможность и естественность подобных противопоставлений в русской речи (ср. союз "однако" в контексте (9)) говорит не об отсутствии этого компонента в содержании характеристики, а о том, что в ней совмещаются компоненты, контрастирующие на номинативном уровне языка. В данном случае семы "внешней активности" и "экспрессивности" (резкости) поведения, соединенные в номинативных лексемах "агрессивность", "воинственность", контрастируют с семой "нерезультативность". Оформление утверждения о нерезультативности как "антитезы" характеристике "петух" мы истолковываем как свидетельство иерархии этих компонентов ее содержания: сема "нерезультативность" предстает как "слабая". Экпликация "сильных" сем таким синтаксическим способом вводится не может. Ср. следующий контекст:

(13). "Оба петушились, ни один не желал из родственности пойти на уступку" (Леонов, "Скутаревский"). Здесь возможен союз "И", но невозможны "НО" и "ХОТЯ". Бессоюзная связь частей имеет здесь частичную аналогию в отношениях причинного типа: вторая часть разъясняет, комментирует первую, "согласуется" с нею, но никак не противостоит ей. Обе части выражают смысл, соответствующий "сильной" семе, — условно "воинственность".

Приведенные контексты иллюстрируют ОСНОВНОЙ семантический вариант характеристики "петух". Но в нашей выборке представлены и другие контексты, в которых она поворачивается иными сторонами. (15). "Каждый вечер приходил кто-нибудь прощаться, храбрился, ходил петухом" (Куприн, "Гамбринус").

Речь идет о мобилизации на войну с Японией. Содержание характеристики мотивировано глаголом "храбрился", который семантически коррелирует с уже рассмотренными ее осмыслениями. "Храбриться" предполагает преимущественно вербальное поведение, — выражение готовности к борьбе, сражению, драке, когда самого "дела" еще нет. Характеристика входит во фразу в составе формулы "ходил петухом", подразумевающей невербальное поведение, выражающее ту же готовность, плюс еще некоторый момент, который назовем условно "довольство собой". Этот момент (компонент смысла) осложняет собой семан-

тику характеристики по сравнению с ранее рассмотренными; его присутствие представляется нам несомненным, — но прямой "поддержки" во внешнем контексте он не получает. Мы ощущаем это интуитивно, как носители языка. Отчетливее выражен он в следующем контексте: (I6). "Толклись здесь весь день начальники, ходили, как петухи, а придумать ничего не могли" (Кожевников, "Знакомьтесь — Балуев").

Слово "начальники" направляет понимание образа "ходили как петухи" — "важно", "с гордым видом", — ср. "самодовольно". И опять во фразе в форме антитезы — через противительный союз "а" — указание на слабый компонент "нерезультативность": "а придумать ничего не могли". Ср. далее еще контексты, где этот компонент эксплицитирован уже совершенно отчетливо словами "величие" и "важничает":

(I7) "Начинают собираться гости. Городничий снова в своем петушьем величии" (Белинский, "Горе от ума" Грибоедова).

(I8). "Жена его — первая штатс-дама при королеве, от этого он важничает, как петух" (Гончаров, "Фрегат Паллада").

Другой поворот образа "петух" предлагают следующие контексты. (I9). "Василий Львович чувствовал все преимущества семейного положения: он султаном, петухом ходил по дому" (Тынянов, "Пушкин").

Сочетание здесь то же: "ходил петухом". Но соседство — и слева ("семейное положение", "султаном"), и справа ("по дому") подсказывает новое развитие намеченной выше темы. Следующие друг за другом характеристики — "султаном, петухом" — частично дублируют, частично уточняют друг друга, индуцируя невыраженную семантическую пропорцию — "(султан : гарем) — (петух/номинал.вариант/ : кури) — (петух /характеристика/ : X)", где "X" — "женское окружение" Василия Львовича, в потенции — "многочисленные женщины". При этом отношения между ними и Василием Львовичем (мужчиной) могут осмысляться двояко: с одной стороны, это отношения главы дома, "хозяйина", "фигуры номер один", к домочадцам, перед которыми он ходит петухом в смысле контекстов (I6), (I7), (I8); с другой стороны, в семантику образа входит здесь и "сексуальный мотив", то есть становится релевантным отношение "мужчина : женщина". Но этот мотив пока остается скрытым. В следующем контексте он выходит на поверхность гораздо определеннее:

(20). "Видя, как они петухами ходят около девиц, плюют на подолы им скорлупками семян и орехов, как толкаются локтями, стараюсь задеть по грудям, Матвей внутренне усмехаясь, не без зависти

думал: "Это они развязность свою показывают" (Горький).

Этот контекст интересен в ряде отношений. Во-первых, здесь четко выражены и мотив "вести себя как хозяин", и мотив "вести себя как мужчина". Во-вторых, показательна и оценка этого поведения Матвеем: "развязность показывают"; - выявляющая демонстрационную направленность поведения, которая гармонирует, не совпадая полностью, с тем компонентом, который мы условно называли "нерезультативностью" (применительно к драке, спору и т.п.).

В семантике образа "петух" обнаруживаются и еще некоторые компоненты смысла, дополняющие то содержательное единство, которое задается уже рассмотренными компонентами. Например:

(21). "А вы не настоящий. И стихи ваши - обман и ложь. Вы в них нарядились, как в красивый костюм, чтобы петушиться перед людьми" (Паустовский, "Роза ветров").

(22). "О, горбоносых странников фигуры!

О, средиземный радостный зверинец!

Расхаживают в полотенцах турки,

Как петухи у маленьких гостиниц" /Мандельштам/

В обоих этих контекстах "демонстрационный характер" поведения выявляется вполне отчетливо, - ср. глагол "расхаживать" - ходить без цели, красуясь, и "не настоящий", "обман и ложь". В обоих этих случаях образ "петуха" подразумевает яркость, броскость, импозантность одежды, - которая в контексте (21) сама понимается как образ. Ср. также стандартное сравнение "разрядился, нарядился как петух" - причем тоже всегда о мужчине.

Особняком в этой системе взаимосвязанных, дополняющих друг друга смыслов стоят употребления характеристики "петух" в контекстах типа:

(23), "Спи ты, петух. На дворе чуть свет, а он соскочил" (Тажинский, "Ростки").

Какие бы компоненты смысла не выдвигались на первый план во всех рассмотренных нами контекстах, остальные как бы присутствовали латентно, как фон, на котором обрисовывался актуализуемый компонент. Это общее основание характеристических употреблений можно сравнить с подводной частью айсберга, которая непосредственно не видна, но именно она определяет собой "поведение" айсберга, возможность тех или иных его поворотов. Так и характеристика в разных контекстах поворачивается разными гранями, сохраняя тождество самой себе. Ни в одном из этих контекстов не выяв-

длся тот смысл, который отчетливо выражен в последнем примере: "петух" – тот, кто рано встает. В равной мере можно утверждать, что в этом контексте "петух" не подразумевает ни задиру и забияку, драчуна, спорщика, ни зазнайку, важничающего и самодовольного, ни разряженного, ни "сексуально озабоченного" субъекта. Эти смыслы не только не поддерживаются внешними показаниями контекста, но они, как подсказывает нам интуиция носителей языка, не ощущаются и "в глубинном фоне".

Поэтому нам представляется правомерным вопрос – не имеем ли мы здесь дела с другим, относительно самостоятельным образом, который выражается тем же словом, связан с той же домашней птицей. Но отвечать на этот вопрос, основываясь на анализе образного содержания только одной характеристики, было бы преждевременно. Наши материалы по другим характеристикам показывают, что образ "петуха" организован относительно просто. Образные содержания таких слов, как "собака", "кошка", "свинья", "обезьяна" и многие другие, гораздо сложнее. Чтобы судить об отношениях между разными компонентами смысла характеристики, нужно опираться на исследования смысловых структур многих конкретных образов.

Не задерживаясь на примерах, иллюстрирующих тот же элементарный смысл, рассмотрим более сложный контекст, в котором как раз своеобразно взаимодействуют оба эти варианта характеристики.

(24). "И, взбивая вихрастые волосы, продекламировал двустиише Берса: "На святой Руси петухи поют, –

Скоро будет день на святой Руси!"

"А может быть, Русь только бредит во сне?" – хотел спросить Клим, но не спросил, взглянув на сияющее лицо Маракуева и чувствуя, что этого петуха не смутит скептицизмом" (Горький, "Жизнь Клима Самгина").

Здесь сталкиваются номинативное и характеристическое употребления слова "петух". В двустииши Берса "петухи поют" интерпретируется нами как номинативная фраза, в которую вложен символический (может быть точнее – аллегорический) смысл. Этот тип словоупотребления глубоко отличен от характеристического. Аллегорично все двустиише в целом: эксплицитный план его посвящен наступлению утра в природе, имплицитный – социальному пробуждению России. Характеристика "этого петуха" во внутренней речи Клима, относящаяся к Маракуеву, явно спровоцирована прочитанным им двустиишем и вбирает в себя его символический смысл. Этот смысл, в свою оче-

редь, связан с характеристическим — "рано встающий" (см. /23/). "Крик петуха возвещает о наступлении утра — и одновременно "торопит" утро как время активной жизнедеятельности людей. Отсюда "петух" — тот, кто будит других. В характеристике Маракуева "петух" подразумевает глашатая новой жизни, социальных перемен. Но этот смысл, активно провоцируемый конституацией, налагается на основное содержание характеристики, — ср. радостную готовность к борьбе, которую ощущает у Маракуева Клим ("сияющее лицо", "не смутишь скептицизмом") — да и сама декламация этого символического двуступия.

Этот контекст показывает как будто, что тот смысл, который мы назвали "особым", "изолированным", не предполагающим других рассмотренных смыслов, может быть совмещен с ними в одном употреблении. Но, опираясь на единственный такого рода контекст, трудно делать какие-то общие заключения. Ведь окказионально могут совмещаться не только разные значения одного слова, но даже значения слов-омонимов (ср. каламбуры).

Образ петуха нередко используется и для обрисовки чисто внешних особенностей облика и поведения человека. Например:

(25). "Он ступил от порога шаг вперед, поджав по-петушиному ногу, и, скинув фуражку, перекрестился на черную, мутного письма, икону" (Шолохов, "Тихий Дон");

(26). "Якуба топчется на месте, по-петушьи дрыгает ногами, собираясь нырнуть в воду" (Первенцев, "Честь смолоду");

(27). "...что-то сатанинское почудилось ему в молодом хирурге-левше, в том, как довольно он пофыркивал и как боком, по-петушиному, поглядывал на Володю" (Герман);

(28). "Но голос у него сорвался, как у молодого петуха, и он крикнул: — "Ты бы их по харям!" (Горький, "Жизнь Матвея Кожемякина");

(29). "В общем хоре выделялся молодой, с петушиными перехватами, басок Александра Ивановича" (Мамин-Сибиряк, "Смерть Фортуны").

Подобные реализации образа "петух" представляются нам менее идиоматичными, чем рассмотренные выше. Они понимаются с опорой на первичное представление о петухе-птице, с живыми особенностями его внешнего вида, повадок, поз, издаваемых им звуков. Но и в таких употреблениях нередко ощущается намек на те особенности внутреннего облика и поведения человека, которые фиксируются и подчеркиваются идиоматическим вариантом этого образа, см., например, контекст (28), где прямая речь явно выражает агрессивность

и думается, что безотносительно к реальному контексту, из которого взят этот пример, само начало фразы, включая глагол "крикнул", с высокой вероятностью прогнозирует такое содержание прямой речи, которое гармонировало бы с петушиной воинственностью. Намек на "воинственность", "задиристость" ощущается нами и в контекстах (27), (29), в отличие от (25), (26), где он практически сходит на нет - или во всяком случае явно ослаблен.

Не задерживаясь на контекстах с фразеологизованными употреблениями слова "петух" ("бежать петушком", "как петух на спице" и некоторые другие), а также на окказиональных употреблениях, для осмысления которых необходима значительно более представительная выборка, подведем теперь краткие итоги проделанного анализа.

Слова "задорный", "задиристый", "запальчивый", "заносчивый" (человек), "забияка", "задира", как показывает анализ, ни по отдельности, ни в совокупности далеко не исчерпывают реального содержания характеристики "петух". Они лишь ориентировочно указывают на осмысление ее в основном, наиболее употребительном варианте. Речь идет не о том, что эти слова неудачно выбраны лексикографами и, чтобы адекватно описать содержание характеристики, нужно их заменить другими. Мы склонны думать, что адекватно описать содержание характеристик номинативными единицами языка просто нельзя.

Лексическое содержание характеристики - "зооморфный образ" - отличается от содержания номинативных единиц прежде всего своей принципиальной "диффузностью". Мы представляем себе это содержание как сложную систему компонентов, взаимосвязанных, но в то же время относительно самостоятельных, способных по-разному группироваться и в разной мере актуализироваться в зависимости от условий употребления характеристики. Оставаясь тождественной сама себе, характеристика поворачивается разными сторонами, фиксируя и оценивая разные проявления человека.

Актуализация определенных сторон образа (определенных компонентов его содержания) непосредственно связана с особенностями внешнего окружения характеристики и обусловлена наличием в близком контексте лексических единиц, прямо называющих или "демонстрирующих" нам те акты поведения (реального или вербального) или те "внутренние движения", которые могут соотноситься с данной характеристикой. Как единица языка, характеристика слишком многогранна, и потому, взятая изолированно, она оказывается мало ин-

формативной. Она может характеризовать человека по множеству разных признаков, — но при этом не обязательно, чтобы все они проявлялись одновременно. Для того, чтобы X мог быть назван "петухом" (или сопоставлен с "петухом") вполне достаточно, если он обнаружит какой-то частный набор признаков, включенных в содержание образа. Именно поэтому контекст и должен выявить этот частный набор признаков и тем самым ограничить семантический объем характеристики "для данного случая".

В то же время, характеристика не была бы "единой" и "тождественной самой себе", если бы каждое употребление было целиком обусловлено внешним контекстом и характеристика только дублировала номинативно выраженные смыслы. Отношения между номинативным окружением (ключевыми словами) и характеристикой нельзя представлять себе как простое дублирование информации. Это окружение, "прямо", "автологически" представляющее конкретную ситуацию, "по определению" не может быть тождественно содержанию "металогической", "поэтической" характеристики. Последняя всегда обобщает единичный акт поведения "данного лица", подводит его под определенную образно-оценочную категорию. Окружение актуализует какую-то часть компонентов содержания характеристики, "притягивает" их к себе, ближе к поверхности, — но это не означает "погашения", полной нейтрализации остальных. Они как бы "уходят в фон", сообщая слову семантическую глубину и объемность, которых лишены номинативные единицы.

Семантическая структура характеристики "петух" предстает перед нами как сложная система смысловых "компонентов", по-разному, в разной мере, "связанных" между собой. И возможность их различных перегруппировок создает возможность практически бесконечного варьирования "поверхностных", "окказиональных" значений, которые мы непосредственно ощущаем в каждом данном контексте. В числе этих "компонентов" (мы заключаем это слово в кавычки, потому что под компонентом здесь понимается не вполне то, что имеется в виду, когда говорят о компонентах номинативного значения, — ср. компонентное представление терминов родства.) — мы выделяем "сильные" и "слабые". Под сильными мы понимаем такие, которые, с одной стороны, чаще поддерживаются внешним контекстом и тем самым чаще актуализуются. С другой стороны, — вполне вероятно, что именно в силу своей частоты, — они в меньшей мере, чем слабые, нуждаются в непосредственной поддержке контекста. При ее отсутствии

характеристика понимается именно в основном смысловом ключе, — "драчливый, воинственный, забияка, задорный". Обилие "эквивалентов", описывающих этот смысл, и довольно широкий спектр экстерриоризирующих его контекстуальных окружений не противоречит восприятию его как "единого" смысла, "одного" семантического компонента, не сводимого в точности ни к одному из этих эквивалентов.

Этот основной семантический вариант характеристики "петух" реализуется в ситуациях, когда характеризуемое лицо, — в наших материалах всегда мужчина, — обнаруживает воинственность, агрессивность, участвует в драке, схватке, споре, — или имеет интеллект к такому поведению. В большинстве встреченных нами контекстов этот смысл безусловно доминирует над остальными. Когда он получает поддержку в контексте, остальные, "не поддержанные", отступают в тень и составляют как бы некоторый "общий фон", который лишь определенным образом окрашивает доминирующий смысл.

В качестве такого "фона", как нам кажется, эти слабые компоненты присутствуют в каждом употреблении образа "петух". Когда они встречают поддержку в контексте, они актуализируются и "выходят на поверхность", отодвигая в тень те компоненты, которые такой поддержки не получают, — в том числе и сильный компонент "задира". Но этот последний всегда остается ощутимым слагаемым общего смысла характеристики, чего о "слабых" компонентах, не имеющих контекстуальной поддержки, сказать нельзя.

Первый из выделяемых нами "слабых" компонентов мы условно представляем словом "нерезультативность" (— отсутствие установки на "прямой результат" воинственного поведения — "победу"). В большинстве рассмотренных употреблений этот компонент не реализуется, но его присутствие "в фоне" лишает серьезности представление об агрессивности субъекта: "петух" не опасен для окружающих, в отличие от "акулы", "леопарда", "барса", "тигра", даже "ястреба" или "беркута", или "благородного нападающего" — "льва". С этим связана специфическая экспрессия характеристики "петух", — ср. слово "смешной" в лексикографических описаниях семантики "петушиться" — "впадать в смешную запальчивость".

Другой слабый компонент можно представить словом "заносчивый". Он может конкретизироваться в разных оттенках: беспочвенная "важность" манеры поведения, самодовольный вид и др. Этот компонент также актуализуется в небольшой группе примеров, а при отсутствии контекстуальной поддержки уходит в тень.

Третий компонент соответствует "сексуальному" аспекту характеристики. В редуцированной форме его присутствие в структуре фона проявляется в том, что и сама характеристика, и ее производные, и компаративный образ адресуются только мужчинам.

Четвертый компонент — "ярко, пестро, броско одетый" — реализуется в стандартном сравнении ("нарядился, разрядился, как петух") и в некоторых специальных окружениях. Три последние компонента теснее связаны между собой, чем с двумя первыми ("задира" и "нерезультативность поведения"). Их можно объединить в некоторый относительно самостоятельный "блок". Их связь проявляется в том, что актуализация одного из них по ассоциации "пробуждает два остальных, — ср., напр., явное присутствие в употреблениях (19, 20), наряду с сексуальным аспектом, также моментов самодовольства и, слабее, внешней броскости, — если не в одежде, то в манере поведения; в употреблениях (21, 22) — потенциальное присутствие важности, самодовольства, установки на внешний эффект; ср. в этом смысле также контексты (17, 18, 19). В этой группе примеров компонент "забияка, задира" оттесняется и, редуцируясь, придает компоненту "важность, самодовольство" оттенок "заносчивость" ("установка на отстаивание своих мнимых преимуществ").

Компоненты "рано встающий" и "будящий других", как мы уже отмечали, не встраиваются органически в описанную конфигурацию смыслов. Нам не удалось обнаружить в употреблениях слова "петух" и его производных, — кроме контекстов (23) и (24), — присутствия этого компонента даже на уровне фона, и наша собственная интуиция носителей языка говорит о том же. И наоборот, — в контексте (23) мы не ощущаем присутствия даже "сильного" компонента "задира". Контекст (24) структурно и семантически слишком сложен, чтобы, при отсутствии других данных, служить основанием для выводов об отношениях между этим и "первичными" смыслами. Он позволяет только утверждать, что в соответствующих условиях, когда контекстуальную поддержку получают и компонент "рано встающий — будящий", и компонент, который мы определили как основной, оба смысла могут совмещаться в одном и том же употреблении характеристики. Но такое совмещение возможно и в случаях "чистой" омонимии.

Использование образа "петух" для обрисовки внешних особенностей поведения человека в контекстах (22–26) представляется нам пограничным с областью нашего исследования, посвященного характеристике. Под характеристикой мы понимаем образное представление,

устойчиво связанное в сознании носителей языка с определенным набором признаков. В этих же контекстах реализуется представление, соответствующее номинативному значению слова "петух", которое становится источником свободных ассоциаций по сходству. Характеристику получает здесь не человек как "целое", как личность (через оценку поведения), но частные детали поведения, — поза, голос и т.д. Тем не менее, и в этих случаях слово "петух" и его производные несут с собой определенные ассоциации, направление которых задается "сильным" компонентом семантики характеристики. Мы сочли целесообразным привлечь их к анализу именно потому, что они косвенно подтверждают представление об иерархичности смысловой структуры этой характеристики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Эта статья, как и следующая (А.В.Захаровой и М.И.Черемисиной), представляют собою разделы коллективного исследования зоохарактеристик русского, французского и английского языков. Общая постановка задачи изложена в статье Е.А.Гутман и М.И.Черемисиной "Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским", сб. "В помощь преподавателям иностранных языков", вып.3, Новосибирск, 1972. Там же даны ссылки на литературу по этому вопросу.

М.И.Черемисина, А.В.Захарова

О ЗООХАРАКТЕРИСТИКЕ "ПЕТУХ" ПО ДАННЫМ ОПРОСА ИНФОРМАНТОВ

В статье излагаются первые результаты пробного психолингвистического эксперимента, проведенного на 20 информантах, из которых 7 детей (5,5 – 9 лет),¹⁾ 1 школьница (15 лет), 4 студентки-филологи (19 – 22 года), 8 научных работников (25 – 33 года). Информантам в устной беседе-интервью задавались вопросы типа: "Если вам скажут о человеке, что он ТЕЛЕНОК, каким вы представите этого человека?". Вопросы задавались в свободной форме, несколько варьируясь от вопроса к вопросу. Интервью занимало от 40 минут до 2 часов и в нескольких случаях проводилось в два приема. Список, по которому проводился опрос, содержал 33 зоохарактеристики: собака, свинья, медведь, кошка, петух, кот, заяц, лиса, осел, змея, пес, теленок, утка, соловей, сыч, лев, сойка, гусь, попугай, рыба,

индюк, слон, баран, ерш, тюлень, ворона, жук, львица, мокрая курица, бегемот, курица, старый воробей, обезьяна. Из них 31 была взята из дипломной работы Н.Соппа, посвященной анализу значений зоохарактеристик в русской художественной прозе.²⁾ Слова "обезьяна" и "кот" были добавлены нами в связи с тем, что в списке есть "попугай" и "кошка". Здесь мы предлагаем результат анализа различаемых информантами значений только одной зоохарактеристики - ПЕТУХ. Так как оказалось, что 5 детям это слово известно лишь в прямом значении, в анализе использовано всего 15 развернутых ответов. Выражения, которые были употреблены информантами при описании значений этой характеристики, мы сгруппировали по смыслу и получили - в первом приближении - 13 групп, то есть 13 различаемых смыслов. Они представлены следующим списком, где цифры слева указывают число информантов, выделяющих данный смысл, цифра справа в скобках - число употреблений каждого конкретного выражения; без цифры даются выражения, употребленные по одному разу.

II. ЗАДИРИСТЫЙ - "задиристый" - /5/, "драчливый" - /4/, "наскикивает" - /3/, "забияка", "вспыльчивый", "задиристый", "поддевает всех", "сильно возбудимый", "горячится в споре", "крикливый в споре", "у петухов одна забота - друг другу в морду стукаться".

7. ЗАНОСЧИВЫЙ - "заносчивый", "важный", "гордый", "зазнайка", "кичится", "убежден в своем превосходстве", "хорохорится", "переоценка себя", "хвастливый", "грудь колесом".

4. НАРОЧИТАЯ ПОДАЧА СЕБЯ - "выставляет себя напоказ", "красование", "стремление выпятиться", "подает импозантного себя", "демонстратор", "выступальщик", "трясение своими достоинствами".

4. ГЛУПЫЙ - "глуповат" - /2/, "простоват" - /2/, "отсутствие ума", "не умный", "смешной дурак".

4. СМЕШНОЙ - "всегда смешон", "комичен", "смешно и забавно драчлив", "самоуверенный дурак".

4. ГОРЛАСТ - "горластый", "крикливый", "громкий, крикливый голос", "очень сильно кричит".

3. ВЗЪЕРОШЕННЫЙ - "вихор торчит", "взъерошенный, похож на петуха", "волосы торчат, как хохолок".

3. КРИЧАЩЕ ОДЕТ - "отсутствие вкуса во внешности", "крикливо одет", "наряжается напоказ, близок к ПАВЛИНУ", "наряд крикливый", "можно разоделся".

3. МОЛОДОЙ - "чаще всего - про молодых мальчиков", "молодой чело-

век - горячится несколько комично". Сюда же условно - "суетится, как молодой".

3. "РАНО ВСТАЕТ" - /3/. 2. "ПОДЖАР" - /2/, "ЛУД".
2. "ГАЛАНТЕН", "ОБХОДИТЕЛЕН". 1. "СЕМЬЯНИН".

К этому перечню нужно добавить некоторые компоненты значения, устанавливаемые наблюдением за невербальным поведением информанта во время интервью (интонация, мимика, жесты). Этим способом у всех взрослых информантов мы регистрируем компонент "смешной", вербально представленный лишь в четырех ответах. Все сказанное взрослыми информантами на тему о "петухе" звучит в ироническом ключе, что сообщает собственно-значению яркую эмоционально-оценочную окраску. Полная семантика зоохарактеристики ПЕТУХ, зафиксированная в ответах 15 информантов, проявляется, таким образом, через множество смыслов, которое легко упорядочить, представив его как внутренне организованную систему. Ведущим смыслом оказывается в ней тот, который мы назвали ЗАДИРИСТОСТЬ; к нему естественно примыкает смысл ГОРЛАСТОСТЬ - как определенное внешнее проявление задиристости (в споре), как манера поведения задиры. Более опосредованно с этими смыслами связана и ВЗЕРОШЕННОСТЬ - внешнее проявление внутреннего состояния. С другой стороны, с "задиристостью" естественно коррелирует и ЗАЛОСЧИВОСТЬ, и определенная сексуальная ориентированность поведения. И то, и другое дополняется аспектом "демонстрационность поведения", ПОДАЧА СЕБЯ - включающая как частный случай КРИЧАШЮЮ ОДЕЖДУ. Таким образом, характеристика ПЕТУХ обрисовывает определенный тип человека, эталон поведения, внутренне цельный в разнообразии своих проявлений. Как таковой, он определенным образом оценивается членами общества. Наши материалы показывают, однако, что разные люди оценивают его неодинаково. О различии проявляющихся при этом ценностных ориентаций дают представление приводимые ниже прямые высказывания информантов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти расхождения обнаруживаются в определении того значения, которое для некоторых информантов оказалось едва ли не самым актуальным, - ПЕТУХ как эталон сексуально ориентированного поведения мужчины:

1. "Слово употребляется - я употребляю - в основном в сфере флирта. Женюлюб, все женщины его волнуют, не скрывает этого. Это М. Вот его и опишите. Обходит, галантный, распускает перья. "Трясение" своими достоинствами. Смешно смотреть. При этом - внутренняя

похотливость, но немножко неуверенность – при стремлении объять зное число женщин. И еще существенно, что особенно хорохорится перед другими мужчинами – и достоинствами, и достижениями своими. Но он, в общем, безобиден, безопасен. По-моему, хороший человек. Я не отношу его к плохим¹.

/Ж., 33 г.; основное и единственное значение/.

П. "Самое типичное для ПЕТУХА – один мужчина среди женщин. Причем женщины – преимущественно курицы. Поступает он с ними соответственно. Поэтому очень уверен в себе. Отсюда и вся психология поведения, повадки".

/Ж., 33 г.; первое из трех значений/.

Ш. "В основном – в области ухаживания за женщинами. Уверенный в себе, переоценивающий себя, и все это – при отсутствии наличия тех качеств, которыми он кичится. Это несколько даже уничижительная оценка. Напором берет в ухаживании за женщинами – из курятника все это. Всегда – отсутствие ума, такта. Крикливый "выступальщик", "демонстратор". Простоват, всегда смешон".

/Ж., 22 г., первое из трех значений/.

ИУ. "Бабник. Внешность импозантная, поджар, ухаживает активно и с большой затратой энергии. С гордым видом".

/М., 34 г., первое из четырех значений/.

У. "Для него характерно гипертрофировать некоторые свои достоинства, чтобы выглядеть более привлекательным для женщин. Не ясно, существуют ли эти достоинства у него на самом деле. Они лежат на грани реального и напускного. В преподнесении себя – искусная ложь, в которой все-таки частица правды. Ум, в принципе, не важен. Но если ему удастся преподнести себя успешно, значит – искусный, способный в этом деле, даже умный".

/М., 31 г., второе значение из двух; первое – "задиристый"/.

УІ. "Талантен... Но с оттенком комизма, что ли... Это М. Суетится в присутствии дам, как молодой петух. За каждой ему ухаживать хочется. Но это, в общем, хорошо. Ум при этом не играет роли, это просто не важно".

/М., 32 г., второе значение из двух; первое значение – "драчлив"/.

Как видно из приведенных высказываний, противоречивость оценок определяется противоречивостью выделения таких компонентов характеристики, как "ум", "уверенность в себе", а так же неоднозначностью общего отношения информантов к характеризваемому типу личности ("уничжительная оценка" - "хороший человек"). Следует отметить, что те значения, которые связаны с социальной и эмоциональной оценкой человеческого типа, обрисовываемого зоохарактеристикой, оказываются наиболее интересными и при анализе выделяемых информантами значений других слов нашего списка ("кот", "кошка", "змея" и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1) Несмотря на небольшое число бесед, проведенных с детьми, можно сделать вывод, что метод интервью на материале слов-названий животных оказывается удобным и весьма результативным методом при исследовании того, в каком возрасте, в какой последовательности и в каком объеме осваивает ребенок сферу переносных значений слов, какие факторы влияют на ход этого процесса.

2) Н.Соппа, "Некоторые особенности образных употреблений названий животных и их производных в русском языке (с привлечением отдельных иноязычных параллелей)", НГУ, кафедра общего языкознания, 1973.

В.Ф.Мейеров

КОМПАРАТИВНЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ ФРАЗЫ (СЕМАНТИКА, ПОЗИЦИЯ, ФУНКЦИЯ)

В статье на материале компаративных устойчивых фраз, структурно аналогичных двусоставному придаточному сравнительного типа, делается попытка уточнить понятие "компаративная фразема" и отграничить ее как самостоятельный объект исследования от сходных внешне и тоже воспроизводимых образований. Устойчивые фразы указанной структуры в специальных сборниках и словарях ¹⁾ подаются как две обособленные группы:

1) только в объеме компаративной фразы (словно кто его жегалом жеганул, словно черти яблоки делят, как корова языком слизнула),

2) совместно с глагольной или именной (что реже) словоформой

а) бежит, словно под ним земля дрожит (горит) - ПЩ, с.274; кричит, будто черт с него лыко дерет - ПЩ, с.517; говорит, как река льется - ПЩ, с.409; пропал, как камень на дно упал - ПЩ, с.576; живет, как на ветру свеча горит - ОФМ, II, с.134; опешил, словно столбняк нашел - ПЩ, с.497.

б) ряб, будто черти на нем горох молотили (или: в свайку играли) - ПЩ, с.310; ОФМ, II, с.213; пусто, словно Мамай прошел (сб. Аникина В.П. "Русские народные пословицы, поговорки, загадки и устный фольклор", М., 1957, с.133); дела, как сажа бела (представлена во всех указанных изданиях); письмо - ровно куры набродили - ПЩ, с.420.

На первый взгляд, все образования второй группы расчленены не только структурно, но и семантически; мы склонны идентифицировать левую словоформу как прямую номинацию действия или предмета, а компаративную часть как семантически самостоятельные оценки - интенсификаторы действия или предмета: "бежит, словно под ним земля дрожит" - 'бежит' + 'стремительно и испуганно'. Но почему, в таком случае, компаративная устойчивая фраза вне всего образования остается "немой" для нашего языкового сознания? В течение нескольких лет я проводил широкое анкетирование, охватившее разнообразный в социальном и возрастном отношении круг лиц (школьники, студенты, служащие, рабочие, преподаватели). Здесь и далее будет суммирован материал 500 анкет, включавших задания с компаративными устойчивыми фразами. Было предложено определить значение "как камень на дно упал" (без левой словоформы). 242 человека ответа не дали. Предложенные в остальных анкетах "значения" оказались весьма прихотливыми по ассоциациям "отгадками" образной шарады: 'человек, опустившийся в колодезь', 'что-то всплеснулось', 'резкое падение', 'огорчил чем-нибудь', 'утонул', 'его слова так гремели', 'стало тяжело', 'вода помутнела', 'получил двойку', 'состояние ужаса или шока', 'высказал правду в глаза' и т.п.

Ясно, что все, пытавшиеся определить значение фразы, мысленно подстраивали к ней левую часть и через нее осмысливали и компаративную фразу. Поскольку единичность ее связи со словоформой "пропал" не была установлена, оказалось невозможным приписать ей значение "бесследно", вполне "естественное" в составе всего образования ("пропал, как камень на дно упал" - 'пропал (исчез)' + 'бесследно'). Фразу "как река льется" связали с ситуацией говорения только 118 человек (23,6%) - по-видимому, те, кто дога-

дцался о ее левом противочлене "говорит". При наличии же левого элемента даже мало актуальная в современном языке компаративная фраза "(живет) как трава растет" дает 66-70% правильных толкований.

Компаративная фраза "ровно куры набродили" в 200-х анкетах была предложена вместе со словом "письмо", в 300-х - без него. Все ответы в анкетах первой группы оказались идентичными: 'о плохом, неряшливом, неразборчивом почерке'; отказавшихся ответить не было. Вторая группа анкет дала 46 отказов, 89 человек связали ее значение с плохим почерком, а остальные дали индивидуальные ответы: 'грязно', 'о тихой ходьбе', 'мутная вода', 'вброд перейти можно' и т.п.

Остается предположить, что выявить механизм понимания выражений типа "бежит, словно под ним земля дрожит" нельзя, рассматривая их как бинарные образования, части которых структурно обособлены и семантически самостоятельны.

Всмотримся внимательнее в сами эти части. Левая словоформа, как только все выражение втягивается в акт коммуникации, сама разворачивается во фразу, где она становится подлежащим или сказуемым. Недостающая для предикации словоформа, как правило, остается невыраженной, но легко воспринимается из контекста: /- Смотри-ка, Петр бежит. - Верно, бежит, словно под ним земля дрожит; - Ни людей, ни вещей! Пусто, точно Мамай прошел/. Она может войти во фразу как переменный элемент ("А сама-то величава, выступает, буд-то пава, а как речь-то говорит, словно реченька журчит". А.С.Пушкин). Если воспроизводимая словоформа становится подлежащим, то сказуемое при нем тоже элиминируется. Общее значение предикцируемого признака (дела - "также-то", письмо - "такое-то") подсказывают конситуация, интонация говорящего, жест или дополнительные лексические средства (какие уж дела; ну и почерк).

Правая часть, представленная компаративной фразой, - это образное начало устойчивого выражения. Знаменательно, что она обладает в составе такого выражения только метафорическим смыслом, однозначно соотношенным с содержанием левой словоформы. Последняя выступает как слово-генератор, стимулирующий возникновение ассоциаций, необходимых, чтобы сопоставить то, что уже названо, с тем, что это напоминает, или с тем, как это могло произойти. Так создается план образного сопоставления - собственно компаративный смысл. В составе всего выражения компаративная устойчивая

фраза является, таким образом, предсказуемым элементом и осуществляет несобственную вторичную предикацию уже обозначенной ситуации, точнее, накладывается на нее как готовое образное клише.

Поясним на примерах: "Живет, как трава растет", "Живет, как свеча на ветру горит". Еще до выбора сравнения-клише говорящий должен знать, как живет тот субъект, о котором он высказывается: 'незаметно, никому не мешая' или 'полнокровно, нерасчетливо тратя свои силы'. Это свое знание он стремится подвести под информационно адекватную образную формулу, делая "тайное-явным" и для собеседника. Это сравнение-клише лишь воссоздает это суждение, но представляет его как субъективное видение этой ситуации говорящим.

Наиболее отчетливо описанные семантические отношения проявляются в том случае, когда левая часть явно выражает актуальные сведения о субъекте: (некто) источно кричит, словно черт с него лыко дерет; (некто, нечто) бесследно пропал, как камень на дно упал; (некто) мелодично и плавно говорит, как река льется.

И наоборот, смысловые отношения особенно осложняются, когда словоформа занимает позицию подлежащего, а сказуемое элиминировано. Рассмотрим, как складываются "смыслы", манифестирующие значение выражения "дела как сажа бела". Обычно это ответ на вопрос "Как дела?", вбирающий в себя слово из контекста. Такие выражения В.П.Жуков относит к контекстуальным пословицам и поговоркам. "Дела..." — как бы задумывается отвечающий. Эта пауза перед компаративной частью призвана подсказать опущенный предикативный признак: "хороши, ничего не скажешь; куда уж как хороши" (обычно пауза сопровождается жестом или мимикой с кинемой "недовольство"). Оксморонное сближение "сажа" и "белый" (ведь это нонсенс!) в явной форме досказывает мысль говорящего: "Дела так же можно признать хорошими, как сажу белой". В описанной позиции компаративные устойчивые фразы синтаксически членимы, а все выражение полипредикативно.

Поскольку при подаче подобных единиц в сборниках широкий контекст отсутствует, а левая часть представлена только одной словоформой и суждение о субъекте воспринимается как одномерная номинация его действия или признака, создается ошибочное впечатление, что компаративная устойчивая фраза в чем-то дополняет смысловую структуру всего образования. В действительности же перед нами факт наложения двух предикаций на одну и ту же ситуацию, а переосмысление метафорического содержания компаративной фразы лишь в

явном виде отражает (и тем самым подтверждает!) те семь, которые имплицитно содержало генерирующее слово (так в дальнейшем будет обозначаться левая словоформа).

Такое сопряжение прямой и вторичной предикации в сложное единство, формирующее целостное суждение-характеристику, и составляет релевантное свойство рассматриваемых устойчивых образований. В этом "сопряжении смыслов" реализуется их своеобразная синтагматическая связанность, которая призвана нейтрализовать внешнюю расчлененность частей. В воспроизводимых образованиях типа "слышит, как трава растет", "поминай, как звали" я не вижу указанных смысловых отношений и к разбираемым здесь пословичным выражениям с компаративной частью их не отношу.

Генерирующее слово должно быть расценено как обязательный конституирующий элемент этого сложного целого. Любая попытка исключить его из состава всей единицы или представить как слово контекстного окружения искажает природу устойчивого образования данного типа. Однако такое "колесование" далеко не редкость. Во ФСРЯ (с.406) находим в ранге самостоятельной фразеологической единицы "как сажа бела" и при ней слово "дела" как обязательное словесное окружение, слово-сопроводитель; так же расчленяет ее Э.Х.Ротт.²⁾ Приведу мнение рецензентов ФСРЯ, с которым полностью солидаризуюсь: "В обороте "дела как сажа бела" фразеологизмом считается только "как сажа бела", которому приписывается значение "плохи", "никуда не годятся", однако выражение "как сажа бела" никогда такой семантикой не обладало".³⁾ Добавлю, что и ритмико-мелодическая организация данного постоянного контекста существенно способствует неразрывной сложности его частей (дела, как сажа бела). Подобное эвфоническое сближение вершинных элементов вообще характерно для данных структур: живет, как трава растет; сидит, как свеча горит; пропал, как камень на дно упал; говорит, как ручеек журчит и т.п. Оно придает им законченность художественного целого, сближает с пословицами. Не случайно почти все они отражены в сборнике В.И.Даля "Пословицы русского народа" и лишь единичными примерами представлены в толковых словарях. Рассматриваемые здесь пословичные выражения и по своей структуре и по характеру функционирования отвечают определению устойчивых фраз.⁴⁾

Таким образом, пословичное выражение в обеих его частях - единица постоянного контекста, уникальное объединение лексем-ком-

понентов. Но сами связи между этими частями ничего уникального не содержат, ибо отмеченные выше отношения двойной предикации, отраженный характер компаративной части легко обнаруживаются в любом их переменном аналоге. В тщательном и тонком исследовании сравнительных конструкций переменного состава, проведенном М.И.Черемисиной⁵⁾, отмеченные выше отношения между сегментами сложных сравнительных фраз вскрыты целостно и полно. От некоторых ее наблюдений и выводов мы отталкивались и выше. Ею обнаружены классы компаративных сегментов, задающих ситуацию-эталон (с оператором "как") и дающих метафорическое имя тому же самому событию (с оператором — модально-сравнительным союзом типа "точно").

Воспроизводимые образования с компаративной фразой в составе поддаются в принципе той же классификации. Например, а) говорит, как река льется; живет, как трава растет; пропал, как камень на дно упал, и т.п. (ситуация-эталон); б) кричит, словно с него черти лыко дерут; опешил, словно на него столбняк нашел; бежит, словно под ним земля дрожит ("ложное" имя, позволяющее говорящему дать пусть даже заведомо ирреальное объяснение происходящему).

Однако различия между типами союзов, способных выступать в роли "операторов", которые столь убедительно вскрыты М.И.Черемисиной на переменных контекстах, в этих устойчивых комплексах сильно редуцированы.

Подведем предварительные итоги:

1) В составе пословичных выражений, где отношения между генерирующим словом и компаративной устойчивой фразой можно обозначить как "сопряжение смыслов", компаративная устойчивая фраза лишена самостоятельного значения и, не претерпевая никаких качественных изменений, функционирует точно так же, как ее структурный аналог — переменное придаточное предложение сравнительного типа, т.е. как служебная, отраженная часть компаративной конструкции.

2) Только высокая степень устойчивости и воспроизводимость по традиции на лексическом уровне выделяют такие сравнительные устойчивые фразы как особые языковые структуры, как единицы первой стадии фразообразования, характерной для пословично-поговорочного фонда языка, крылатых фраз и т.п. Отношения между их частями, а также связи между словами-компонентами лексикализации не подвержены.

3) Сам факт воспроизведения генерирующего слова в таких устойчивых фразах есть эксплицитно выраженный показатель того, что

компаративная часть этих фраз всегда вступает только в отмеченные выше отношения.

О чем, в таком случае, свидетельствует отсутствие генерирующего слова в воспроизводимых образованиях I-й группы? Можно ли видеть за этим внутреннее преобразование компаративных устойчивых фраз? Наблюдения над такими образованиями заставляют ответить на этот вопрос отрицательно. Большая их часть без генерирующего слова оказывается семантически недостаточной: без импульсов, идущих от генерирующего слова, однозначно осмыслить их образное наполнение невозможно.

По материалам анкет видно, что "как яичко сквозит" (ШЦ, с.309) может вызывать ассоциации с человеком хрупким, или болезненным, или чисто умытым, или безупречным в нравственном отношении; а также с отдельными прозрачными предметами и веществами; "Как медведь в лесу дуги гнет" (ШЦ, с.428) ошибочно прилагается как оценочная метафора к действиям сильного и бесстрашного человека. Выражение "как волк хвостом вильнул" (ШЦ, с.577) воспринималось как ситуация а) испуга, б) полного безлюдья, в) обмана, г) внезапно-го исчезновения, д) бесшумного движения и т.п.

С другой стороны, вполне естественно стремление анкетированных восстановить генерирующее слово, в сочетании с которым компаративная устойчивая фраза функционировала бы как вторичный образный предикат. Выражение "словно сатана за ним гонится" 412 человек (82,4%) связали с глаголами "ожиет, спешит"; развертывая компаратив "как черти яблоки делят" (ШЦ, с.188), 378 человек (75,6%) употребляли глаголы "дерутся, шумят, орут, спорят".

Довольно трудны для осмысления фрагмент пословицы "Как медведь в лесу дуги гнет"; предложенные совместно с глаголом "трудиться", 38 студентов-математиков 2 курса университета (из 50) правильно восприняли как суждение о тех, кто работает хотя и старательно, но бессмысленно и беспланово, затрачивая массу лишней энергии и средств; так сказать, с отрицательным эффектом.

Среди подобных коммуникативно недостаточных устойчивых компаративных фраз много таких, которые М.И.Черемисина в составе свободных сравнительных конструкции оценивает как неистинную предикацию, как "ложное" имя, вводимое союзами типа "точно". Субъект в таких фразах либо неопределенный, выраженный неопределенными местоимениями (сравни из моей выборки: Ровно его кто обухом в лоб - ШЦ, с.514; ровно кто его жегалом жеганул - ШЦ, с.569;

словно кто его давит - ССРЛЯ, III, с.530 и т.п.), либо субъект - гиперболизатор, выполняющий функцию "нагнетения", усиления действия-признака, выраженного сказуемым, - часто слово "черт"; в выборке: словно черт из кузова сеял - ППД, с.326; как черти яблоки делят - ППД, с.168; словно черт под локоть толкает - ОФМ, II, с.270; словно черт их веревкой связал - ППД, с.772, ОФМ, II, с.509 и т.п.

Подобные компаративные фразы отличаются высокой степенью предсказуемости и употребляются в речи, как правило, только с генерирующим словом, т.е. в составе сравнительной конструкции, хотя и в постоянном синтаксически членимом контексте.

Отсутствие в словах при подобных структурах генерирующего слова я оцениваю как некоторую издержку составительской практики, далеко не всегда безобидную, так как она способствует смещению функционально различных структур. Такие компаративные части даже при отсутствии при них воспроизведенного генерирующего слова следует квалифицировать как обязательный элемент устойчивых фраз языка, функционирующих как сравнительная конструкция с постоянным компонентным составом. Внешне близкие к рассмотренным компаративным устойчивым фразам воспроизводимые выражения типа "как бог на душу положит", "как бог свят", "как левая нога хочет", "как только земля носит" и под. в отношении, обозначенные как "сопряжение смыслов", никогда не вступают и в подвергнутый анализу материал не включались.

Теперь попробуем раскрыть характер языкового процесса, приводящего к функциональной перестройке компаративной части сравнительных устойчивых фраз. Стимулируется такая постройка, в первую очередь, семантическим обогащением компаратива. Вот как это происходит:

(1) В составе пословичного выражения (т.е. в постоянном контексте) генерирующее слово задает "тему" для метафорического переосмысления воспроизводимой компаративной части. (2) Этот ассоциативно-сопоставительный смысл, поддерживаемый значением позитивного сегмента устойчивой сравнительной фразы, при каждом ее употреблении автоматически воспроизводится и постепенно в сознании говорящих становится условным знаком уже обозначенной в этом постоянном контексте ситуации, ее обобщенно-переносным перифразом. (3) Такое "противостояние" семантически равнозначных частей при актуализации пословичного выражения постепенно приводит к тому,

что оказывается возможным замещение генерирующего слова "отражающей" его метафорой, которая, целиком покрывая план содержания левой части, оказывается, как всякий образный перифраз, экспрессивнее прямой предикации. (4) Компаративная устойчивая фраза приобретает способность без поддержки генерирующего слова информировать о процессе или предмете; ей узуально приписывается собственное значение, которое уже нельзя назвать сравнительным, — план сопоставительных ассоциаций становится лишь его внутренней формой, как правило, очень прозрачной. (5) Генерирующее слово оказывается избыточным и уже не употребляется, что теперь вполне соответствует характеру функционально-семантической перестройки компаратива.

Если учитывать только конечный результат, перед нами обычный при фразообразовании процесс "семантического приращения", по определению Б.А.Ларина. Однако содержание этого процесса — замещение постоянного контекста его образным перифразом, преобразование сравнительного смысла в новое семантическое качество — языковое значение, — достаточно своеобразно. Оно раскрывает пути фразеологизации таких словесных комплексов, которые минуя стадию свободных (переменных) сочетаний слов. Данная схема не раскрывает избирательные принципы языка, вовлекающего в процесс функциональной перестройки только некоторые воспроизводимые сравнительные фразы. Однако, выявив сам механизм процесса, можно предполагать, что в любом пословичном выражении его компаративная часть потенциально оказывается способной принять на себя новое значение и приобрести особый языковой статус.

Но перестройка эта проходит различно. Здесь опять обратимся к исследованиям М.И.Черемисиной, вскрывшей на материале сложных сравнительных фраз с переменным лексическим составом особенности компаративных сегментов, которые воссоздают процесс — эталон. В таких фразах всегда наблюдается семантический параллелизм предикатов, а весь компаратив призван стать метафорическим двойником исходного суждения о субъекте. Этим и объясняется, почему замещение генерирующего слова воспроизводимым и семантически достаточным компаративом эталонного типа в условиях постоянного контекста устойчивой сравнительной фразы не изменяет позицию субъекта фразы (предполагаемого или названного): Кто-то зорко смотрит, как ворон зырит Кто-то как ворон зырит; Кто-то плодятся, Что-то быстро строятся как грибы растут Кто-то, что-то как грибы растут; Кто-то тщетно бьется с нуждой, как ры-

ба об лед бьется Кто-то как рыба об лед бьется; Кто-то живет в полном достатке, как сыр в масле катается Кто-то как сыр в масле катается (в ПД и ОФМ эти выражения представлены в объеме компаративной устойчивой фразы – без генерирующего слова), Вершинный глагольный компонент компаратива вступает в синтаксические отношения с субъектом левой части, что разрушает предикативный узел компаратива: Он как сыр в масле катадся – бидся как рыбы об лед; она как сыр в масле катадась – бидась как рыба об лед; я как сыр в масле катаюсь; бьюсь как рыба об лед и т.п.

Непредикативные элементы компаратива оказываются теперь в ранге сравнительного оборота, синтаксически подчиненного этому сказуемому. Причем сравнительный образ, опорный для нового обобщенно-переносного значения, продолжает корреспондировать со всеми компонентами компаратива, в том числе и с его бывшим предикатом, оставшимся, так сказать, "в образе". Это объясняет семантическую целостность фразеологических единиц типа "биться как рыба об лед". Но компаративной устойчивой фразы теперь уже нет. Перед нами какое-то новое качество, описание которого выходит за рамки этой статьи. Семантическая целостность получивших подобное переобразование компаративных устойчивых фраз тоже достаточно эфемерна, так как глагол-сказуемое, самостоятельный структурно, начинает тяготеть к самостоятельности семантической и нередко приобретает ее.⁶⁾

Второй тип компаративов, обозначенный М.И.Черемисиной как "субъективная проекция события", как его "ложное имя", при функциональной перестройке в условиях постоянного контекста формально своей фразовой природе не изменяет. В таких выражениях компаративная часть под воздействием генерирующего слова реализует такой метафорический смысл, который позволяет не только образно переформулировать уже обозначенную ситуацию, но и метафорически объяснить происшедшее действием совсем особого субъекта, хотя это объяснение заведомо ирреально: "пусто, словно Мамай прошел", "бежит, словно за ним сам сатана гонится", и т.п. Существенно, что, приобретая семантическую самостоятельность и замечая генерирующее слово, компаратив этого типа обычно не вступает в предикативные отношения с субъектом левой части, а управляет словоформой, называющей этого субъекта: У него словно пелена спала с глаз; между ними точно черная кошка пробежала; за ним словно сам сатана гонится. Такую словоформу, структурно противостоящую компаративу, но жестко с ним связанную, называют обусловленным членом.⁷⁾

Для осмысливаемого процесса типична функциональная перестройка компаративных устойчивых фраз "как гора с плеч свалилась", "как корова языком слизнула". В моей выборке есть лишь один пример сравнительной фразы этого типа: - "Вот мне теперь гораздо легче сделалось, точно гора с плеч свалилась" (А.Н.Островский, Гроза). Среди иллюстраций ФСРЯ тоже есть два примера, возвращающих нас к исходному употреблению этих компаративных устойчивых фраз (правомерность их в словаре, призванном отражать лишь новый фразеологический статус компаративов, вызывает сомнение): "Облегчив себя признанием, он затыкнулся... Петру Петровичу сразу стало легче. Как гора с плеч. Он принялся объяснять подробно" (с.116). "Приехали да взвыли: избы заколоченные стоят; во дворах, под сараем все чисто, как корова языком слизала; ни лошади, ни овцы, ни коровы, ни бороны, ни одежи - все продали за недоимки барину" (с.208).

Во всех приведенных фразах компаративная часть воспроизводимого выражения - вспомогательный компаративно-метафорический образ. Иначе следует оценить функционирование компаративных устойчивых фраз в таких, например, контекстах:

а) (Героя все-таки берут в рейс). У Семена как гора с плеч свалилась. Он враз повеселел (Ю.Скоп. Имя, отчество). Тогда и я в связи с множеством поездов "Спартака" и сборной дважды сдвигал сроки сессии. Но у меня словно гора свалилась с плеч, когда защитил дипломную работу (Б.Майоров. Я смотрю хоккей). И когда санэпидстанция обнаружила, что пищеблок в лагере не соответствует принятым нормам, нет стоков и протоков..., у руководителей горно словно гора с плеч упала. Закрыть - значит закрыть! ("Комсомольская правда", 3/УШ-1972 г.).

б) - В третьем батальоне прямое попадание в окоп. Сразу одиннадцать человек, как корова языком слизала! - с горечью сказал Левашов (К.Симонов. Левашов). - А полицейских и старост как корова языком слизала, разбежались, гады, - смеялся Линь (А.Сабуров. Таинственная записка). Сад с баланса колхоза словно корова языком слизнула. ("Правда", 15/Ш-1971).

Компаративные устойчивые фразы в этих примерах семантически достаточны: именно они принимают на себя функцию основного сообщения о субъекте. Это уже не ассоциативный метафорический смысл, а именно значение, которое толкуется в словарях: первая - в ТСУ

(I, с.597), ТСО (с.134), ССРЛЯ (Ш, с.263), ФСРЯ (с.116), вторая — в ССРЛЯ (XIII.с.1216), ФСРЯ (с.208). План сравнения стал лишь фоном для нового значения и должен квалифицироваться как внутренняя форма фразеологических единиц; отсюда — высокая степень мотивированности их новой семантики. Это позволяет отнести описываемые компаративы к фразеологическим единствам (по классификации академика Виноградова В.В.).

Позиция этих компаративных устойчивых фраз тоже заметно изменилась. Это уже не придаточная часть полипредикативного предложения, а только сказуемое синтаксически простых предложений. В этом легко убедиться, сравнивая информационно адекватные фразы: У Семена (у меня) словно гора с плеч свалилась = Семену (мне) стало много легче = Семен (я) почувствовал большое облегчение; одинадцать человек (полицейских, сад) как корова языком слизнула = одинадцать человек (полицейских, сада) не стало.

Подобная синтаксическая позиция компаративной устойчивой фразы вступает в явное противоречие с ее собственно фразовой природой. Однако активно формирующееся в ней целостное сложнопредикативное значение⁸⁾ нейтрализует это противоречие. Функционально это качественно новое лексикализованное образование сближается с безличными глаголами и словами категории состояния ('стало легче', 'полегчало', 'тяжело (на душе)', 'не заладилось', 'не стало кого-чего' и т.п.). Не случайно сами эти фразы в новой функции легко трансформируются в безличные предложения: "У Льва как гору с плеч свалило" (И.А.Крылов. Воспитание Льва).

Функциональное преобразование заметно отразилось на характере внутрикомпонентных синтагматических связей рассматриваемых компаративов. В составе пословичного выражения все компоненты воспроизводимой придаточной части корреспондировали с его левой частью и были конструктивно значимы. В новом языковом качестве компаративу важно лишь быть семантически достаточным и по возможности более компактным. Отсюда — разнообразные усечения: "как гора свалилась", "точно гора (с плеч) долой", "как гора с плеч", "как с плеч гора", "как языком слизало", "как корова языком". Все эти модификации, намечая пределы варьирования компаративных устойчивых фраз этого типа, с особой наглядностью демонстрируют структурно-семантическую целостность их.

Результаты анкетирования (данные 500 анкет) подтверждают прочную связь в сознании носителей языка отдельных компаративных ус-

тойчивых фраз со строго определенным значением. Так, в 77% анкет значение "как корова языком слизнула" передается как 'быстрое и мгновенное исчезновение кого, чего'. Значение "как гора с плеч свалилась" в 82% анкет было определено, как 'чувство облегчения после успешного завершения чего-то трудного'; 'облегчение', 'полегчало', 'стало легче', 'не стало никакой заботы', 'радостное ощущение после выполненного дела'. Значение 'полный разгром, разрушение' приписали фразе "как Мамай прошел" в 30% анкет; 'полное опустошение, отсутствие всего живого', 'пустынно' - в 42%; 'беспорядок в квартире' - в 12%; 9% анкетуемых воспринимают значение фразы как 'действие разрушительных сил'.

Для компаративной фразы "словно крылья выросли" значение 'человек почувствовал себя бодрым, радостным, поверившим в свои силы, способным к творчеству' назвали 83% анкетуемых.

В значении 'сердитый, взбешенный' воспринимают "словно вожака под хвост попала" 43% анкетуемых.

Значение, приобретенное компаративными устойчивыми фразами в результате функциональной перестройки, квалифицируют то как суждение (см.9, 10), то как понятие (см.2, стр.7; 8, стр.450). Такая же двойственность - в толкованиях Словарей. (Ср.: "как гора с плеч свалилась" - 'рассеялись тревоги, сомнения', ФСРЯ, с.116, - 'о наступившем облегчении' - ТСО, с.134; "как будто пелена падает с глаз" - 'стало ясно то, что раньше было неясно', ССРЛЯ, IX, с.365, - 'о человеке, который внезапно увидел, понял правду', ТСУ, III, с.80-81 и т.п.). Мне представляется, что обособление этих фразеологических единиц в позиции сказуемого одновременно объясняет и "сложность" их значения, на которое наслаиваются модально-предикативные отношения, и их тяготение к номинации, близкой предикативно-характеристическим значениям в лексике. В новой позиции они оказываются обозначением какого-то процесса или свойства и при толковании позволяют выделять логико-понятийную основу - семантический стержень (составители ССРЛЯ с большой последовательностью используют при этом формулу 'о том-то, - о чем-то'). В процессе становления этого целостного значения компаративные устойчивые фразы теряют синтаксическую членимость. Новая функция нейтрализует их фразовую природу и позволяет именовать их фраземами. К такому же мнению (хотя и на другом материале) склоняются А.Ф.Кулагин и А.В.Пашкова^{II}); термин "фразеологизированная основа предложения" рекомендует О.В.Шавкунова, учитывая особый характер их речевого

употребления; 12) А.М.Молотков во вступительной статье к ФСРЯ аттестует их как "глагольно-пропозициональные фразеологизмы, которые по своему значению выражают действие или состояние... и в предложении выполняют роль предиката". 11)

В терминологическом имени для этих воспроизводимых структур, в отличие от других типов устойчивых фраз, я сохраняю компонент "компаративный", так как их новое осложненно-номинативное значение поддерживается сравнительно-ассоциативным смыслом, генетически исходным. Наличие такой внутренней формы нужно признать дифференциальным признаком компаративных фразем языка.

Различия между "старым" и "новым" качеством компаративных устойчивых фраз особенно явственно выявляются на положении союзного элемента. В составе пословичных выражений сравнительные союзы выполняют важнейшую конструктивную функцию, связывая части полипредикативного сравнительного предложения в сложное единство. Именно с их помощью происходит то "сопряжение смыслов", которое следует признать релевантным признаком этих воспроизводимых образований. Кроме того, эти союзы в качестве "операторов" (союз "как", с одной стороны, и союзы типа "точно" - с другой) задают разные параметры компаративным фразам (правда, это последовательно прослеживается только в переменных сложных конструкциях⁵⁾). Отсутствие показателя сравнения, в том числе и в составе пословичных выражений, изменяет самое природу этих образований, их категориальные свойства. И наоборот, наличие сравнительного союза как обязательного элемента всего воспроизводимого выражения позволяет оценить его как устойчивую сравнительную фразу, в которой показатель сравнения оказывается маркирующим элементом.

Необходимо учитывать, что идентичную функцию выполняет сравнительный союз и в других структурных типах устойчивых образований, где он тоже соотносит позитивную и компаративную части, напр., беден как Ир, черный как смоль, устал как черт, один как перст, беречь как зеницу ока, пристал как банный лист, нужен как прошлогодний снег, пропал как с возу упал и т.п.

Однако для некоторых структурных разрядов сравнительных фразеологизмов, в том числе и для рассмотренных в этой статье, испытанных на себе процесс функциональной перестройки, роль сравнительного союза оказывается совершенно иной.

Во-первых, для того номинативно-производного значения, которое формируется у компаративных фразем, связочный элемент оказы-

вается внешним, ведь он только вводил "образ", т.е. компаративную часть. Во-вторых, связь с обусловленным членом, т.е. "выход" в контекст, компаративная фразема может реализовать без его участия. В-третьих, сравнительный союз перестает быть конструктивно значимым. Он уже не связывает части бинарной конструкции, ибо отсутствует "противочлен, необходимый для бытия компаративной структуры" ⁵⁾

Чем же в таком случае является этот союз для компаративных фразем? Очень точно его новую функцию определила опять-таки М.И.Черемисина: "Быть знаками субъективного представления, маркировать высказывания, на которые говорящий не хочет распространять презумпции истинности — это инвариантная функция союзов данного типа. Она сохраняется у них и тогда, когда их нельзя назвать не только сравнительными, но и вообще союзами" ⁵⁾ (стр.154).

Вот почему союз при компаративной фраземе должен быть признан элементом совершенно особого качества, что опять-таки требует жестко отграничить компаративные фраземы от сравнительных фразеологических единиц, невзирая на внешнее их сходство. Теперь становится вполне понятным, почему в составе компаративных фразем сравнительный союз (точнее, модальная частица, ирреализующая выражение) становится факультативным или даже избыточным компонентом. Это подтверждают и словари, подавая одну и ту же компаративную фразему то с союзом, то без него: "Гора, как гора с плеч свалилась" — в ССРЛЯ, Ш, 263; "как гора с плеч" — ТСО, с.134, "гора с плеч" — ТСУ, I, с.597; "будто муха укусила" — ФСРЯ, с.256, "(какая) муха укусила" — ССРЛЯ, VI, с.1393; "какая муха укусила" — ТСУ, IV, 926; и др. Нередко союз подается как факультативный член. Напр., в Словаре синонимов русского языка Александровой З.Е.: "(как) Мамай воевал"; в ССРЛЯ — "(словно, будто и т.п.) пелена спала с глаз" и т.п. Очень часто компаративные фраземы вообще отражаются без союзного компонента (камень с души упал, кошки на сердце скребут, крылья выросли, кот заплакал и т.п.). Такие же "разночтения" наблюдаются и в речевом употреблении этих фразем. Так, на 50 выборок с компаративными фраземами "как гора с плеч свалилась", "как корона языком слизнула" 10 примеров без "как". Все реже встречаются вместе с союзом "словно черная кошка пробежала", "словно кошки на сердце скребут", "словно крылья выросли", "словно почва колеблется под ногами" и некоторые другие и в речи. Союз тем неизбежнее становится избыточным элементом компаративных фразем, чем прочнее утверждается обобщенно-переносное значение самой фраземы.

Избыточен союз и в том случае, когда и без него прямое понимание выражения невозможно: "камень с души упал", "кошки на душе скребут", "искры из глаз посыпались" и т.п. Надо учитывать, что контекст в каждом конкретном случае также создает условия для восприятия той или иной компаративной фраземы в том условно-иносказательном значении, которое за ней закрепилось. И это тоже заметно уменьшает надобность в специальном сигнале, подсказывающем такое понимание.

В результате компаративная фразема лишается того внешнего показателя, который позволяет выделять в особый класс функционально не преобразованные сравнительные фразеологические единицы. Тем больший вес приобретают внутрискластные синтагматические отношения, в том числе характер их внутренней формы, которые обеспечивают компаративным фраземам семантическое своеобразие, позволяя им занять особое место в кругу фразеологических единиц и без особого внешнего показателя.

Однако не будем забывать, что превращение союза в избыточный элемент — это лишь намечающаяся в языке тенденция, и было бы неправильно искусственно ее ускорять, отражая в словарях компаративные фраземы только без союзов. Как способ словарной подачи компаративных фразем союзы при них еще должны выполнять свою дифференцирующую роль.

Л и т е р а т у р а

1) В статье использованы материалы сборников В.И.Даля "Пословицы русского народа", ГИХЛ, М., 1957 (далее ПЦД); М.И.Мильхельсона "Русская речь. Опыт фразеологии", С.-Петербург, 1903-4 гг., тт. I, II (далее — ОФМ); толковые словари русского языка под ред. Д.Н.Ушакова (далее — ТСУ), С.И.Ожегова, 7-ое изд. (ТСО), "Словарь современного русского языка" АН СССР в 17 т.т. (далее — ССРЯ), "Фразеологический словарь русского языка" под ред. А.И.Молоткова (далее — ФСРЯ).

2) Э.Х.Ротт, Фразеологемы с предикативной структурой. "Некоторые вопросы романо-германской филологии", Вып. III, Челябинск, 1968, стр. 77.

3) Л.И.Ройзензон, И.В.Абрамец, "РЯШ", 1968, № 2, стр. III-III2.

4) В.Л.Архангельский, Устойчивые фразы в современном русском языке, Изд. Ростовского ун-та, 1964.

5) М.И.Черемисина, Некоторые вопросы синтаксиса. Сравнитель-

ные конструкции современного русского языка, Новосибирск, 1971.

6) Подробнее см. в статье: В.Ф.Мейеров, Компоненты компаративных фразем и однозвучные слова языка. "Вопросы фразеологии", У, ч.П, Самарканд, 1972, с.207-213.

7) О.В.Шавкунова, К вопросу о формировании незамкнутых предикативных фразеологических единиц. В кн.: "Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе", Вологда, 1967, стр.243-244.

8) Н.Н.Амосова, Основы английской фразеологии, Докторская диссертация, ЛГУ, стр.215.

9) В.П.Жуков, Фразеологизм и слово, Докторская диссертация, Ленинград, 1967, 249.

10) М.И.Сидоренко, Рецензия на "Словарь русских пословиц и поговорок" В.П.Жукова, "РЯШ", 1967, № 4, стр.117-118.

11) А.Ф.Кулагин, Функциональный аспект исследования устойчивых фраз, "Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц", Тула, 1968, с.175-176; Пашкова А.В., Закрытые устойчивые фразы в сложноподчиненном предложении, "Вопросы изучения русского языка", Доклады УП научно-методической конференции, Ростов-на-Дону, 1964, стр.64-66.

12) О.В.Шавкунова, Незамкнутые устойчивые фразы как единицы языка и речи, "Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц", Тула, 1968, стр.181-182.

С.Б.Берлизон

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ СЛОВА (ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ)

В ПЛАНЕ ДИХОТОМИИ "ЯЗЫК - РЕЧЬ"

(на материале современного английского языка)

Большой интерес лингвистов разных направлений к содержательной стороне языка, особенно в последнее время, не случаен. Именно содержательная сторона языка в диалектическом единстве с его формальными аспектами составляет сущность языка как универсального средства общения, "как самого верного, самого точного и самого могучего средства выражения мыслей и чувств".¹⁾

Проблема содержательной стороны языка, проблема значения, являясь кардинальной проблемой семасиологии и всей науки о языке в целом, наименее разработана в лингвистике, особенно в плане дихотомии "язык - речь", несмотря на очень обширную литературу по дан-

ному вопросу. Одним из сложных и наименее разработанных вопросов этой проблемы является эмоциональность слова (фразеологизма), выраженная его семантикой.

Целью данной работы является попытка определить такой объект исследования ²⁾ и установить его специфику в языке и в речи на основе анализа групп слов различного эмоционального содержания. Мы сводим наше исследование к известной соссюровской дихотомии "langue - parole", не разграничивая (отсюда не тождественные) понятия "текст и речь" по следующим причинам:

1. Вслед за О.С.Ахмановой мы понимаем текст как "произведение речи, зафиксированное на письме" ³⁾ (подчеркнуто нами - С.Б.). Следует отметить, что фиксация речи может быть разной. Записи на ферро-магнитной ленте, например, могут фиксировать живую, необработанную, спонтанную речь, а также воспроизводить тексты художественной или научной литературы, начитанные диктором. Между спонтанной речью и текстом имеется различие, ибо текст предполагает соответствующую обработку языкового материала, продуманную его подачу. В этом смысле определение О.С.Ахмановой "произведение речи" ⁴⁾ нам представляется правомерным, ибо оно устанавливает связь между речью и текстом, актуализацией языковых единиц в отличие от языковой системы, кода.

2) Из-за отсутствия возможности проводить наблюдения над живой, звучащей речью мы условно отождествляем текст с речью, памятуя, однако, что литературный язык и язык художественной литературы суть разные стилистические категории. Мы все же считаем, что текст это не только произведение речи, но и ее воспроизведение, в силу чего общелитературный текст (драматургия, проза) может служить (а это доказано многочисленными исследованиями по филологии иностранных языков, выполненными в Советском Союзе) материалом исследования разных языковедческих проблем, в том числе и проблемы эмоциональности.

В нашем исследовании мы исходим из следующих положений.

1. Слова, лишенные эмоциональных свойств в языке, могут выступать выразителями эмоций и чувств ⁵⁾ в речи (тексте), приобретая окказиональную эмоциональность.

2. Слово может быть в языке носителем отрицательной эмоциональной оценки, а в речи (тексте) употребляться для выражения положительных эмоций, создавая несоответствие между узуальными и окказиональными эмоциональными свойствами слов (ФБ).

3. Специфика эмоционального значения находит выражение как в языке, так и в речи.

4. Тесная связь между эмоциональностью и лексико-грамматической характеристикой слова находит выражение в типе эмоционального значения слова (ФЕ) и в реализации его в речи.

Рассмотрим намеченные вопросы для выявления специфики эмоциональности в языке и особенностей ее манифестации в речи.

1. Эмоциональность и эмоциональное значение

Объектом нашего исследования является эмоциональность слова (ФЕ). Под эмоциональностью ⁶⁾ как общеязыковой лингвостилистической категорией мы понимаем способность языковых средств разных уровней выражать различные эмоции и эмоционально-субъективную оценку (ЭМО). Эмоциональное значение (ЭМЗ) мы рассматриваем как особый тип значения слова (фразеологизма) разных видов, ⁷⁾ соотносящее его с эмоциональной сферой психической деятельности человека и реализующее эмоцию, а не понятие о ней. ⁸⁾ Исходя из этого логично предположить наличие в языке у разных групп слов (ФЕ) эмоциональных потенций, представленных в смысловой структуре слов (ФЕ) набором сем или одной семой, актуализирующихся в речи (тексте).

2. Эмоциональность в языке и в речи

Эмоциональность может быть присуща слову (ФЕ) в языке и в речи (тексте) или только в речи (тексте). В первом случае она является одним из узуальных конститuentов семантики слова (фразеологизма), находящим выражение в языке в его эмоциональных потенциях, в речи (тексте) – в реализации одного из видов ЭМЗ. Во втором случае эмоциональность окказиональна и в отличие от узуальной отсутствует в парадигматике, ибо она присуща слову (ФЕ) только в синтагматике, в определенном контексте. Любое нейтральное слово (ФЕ) в зависимости от ситуации общения и от намерения говорящего может приобрести на данный случай в данном контексте эмоциональные свойства: *My dearest Boy!* *My darling Boy!* (K. Mansfield's Letters to J. Middleton Murry).

Наиболее благоприятными условиями для возникновения окказиональной речевой эмоциональности являются: 1) эмоциональный микроконтекст, представленный сочетанием эмоциональных слов (очень часто прилагательных) со словами, лишенными узуальных эмоциональных свойств (часто существительными). Эмоциональные слова как бы распространяют эмоциональность на нейтральные слова, которые под их

влиянием приобретают окказиональную эмоциональность. Так, например, в современной разговорной речи распространены конструкции $Ae_1 + Ae_2 + N^9$, в которых нейтральным является существительное, воспринимающееся однако как эмоциональное слово благодаря сочетанию с эмоциональным прилагательным. В данном случае эмоциональность является следствием стремления говорящего (пишущего) привести высказывание к эмоциональному согласованию и к единой стилистической тональности. Например, выражение положительной эмоциональной оценки: 1. $Ae_1 + Ae_2 + N_{th}$ - dear little place; sweet little house; darling little skirt; good old time; $A_1 + Ae_2 + N_{th}$ - nice little cottage; 2. $Ae_1 + Ae_2 + N_p$ - good old girl; dear little boy; sweet little woman; $A_1 + Ae_2 + N_p$ - nice little girl; 3. $Ae_1 + Ae_2 + N_{pr}$ - dear little Josephine; poor little June; good old Alan; $A_1 + Ae_2 + N_{pr}(e)$ - nice old Peggy; выражение отрицательной эмоциональной оценки: $A_1 + Ae_2 + N_p$ - silly little officer; stupid old woman; $A_1 + Ae_2 + N_{pr}(e)$ - silly old Jenny.

В языке встречаются предложения, в которых прилагательные неэмоционального характера, определяя эмоциональное существительное, приобретают окказиональное эмоциональное созначение: $A_1 + A_2 + A_3 + A_4 + Ne$. Например: I've hammered at Griffiths about it till I'am tired. He's a lazy, evasive, incompetent pious swine. (A.Cronin, The Citadel). За счет повтора возникает яркая экспрессия оценочного характера. 2) эмоциональный микроконтекст, в котором слово выступает в типичной для эмоциональной лексики функции обращения. Например: Ah, Manson, my boy! (A.Cronin, The Citadel); "Oh, my son - my son", Mrs. Morel repeated; (D.Lawrence, Sons and Lovers); Our dear daughter; My beauty! 3) эмоциональный микроконтекст, в котором нейтральное слово выступает в качестве восклицания и становится выразителем ярких эмоций. Например: Grayson: Oh, it's heartbreaking! Will men never learn? Not even two world wars have been able to drive home the lesson. (W.St. Taylor, Reunion). Tallis: The waste! That's what gets me down. The wicked, pitiful waste! (Ibid). 4) эмоциональный микроконтекст, представленный типичной для эмоциональной лексики конструкцией $art + (A) + N_1 + of + art + N_2$, посредством которой передается удивление, изумление, восхищение, пренебрежение, эмоциональное усиление. Например: a duck of a boy, a brute of a man, it's a perfect beast of a day, a darling of a girl, a hell of

a time. Первый компонент конструкции является эмоциональным словом (duck, brute, beast, darling, hell), которое "излучает" эмоциональность и на другие компоненты, на что указывает приведенные примеры. В тех случаях, когда первый член конструкции не эмоциональное слово, конструкция служит целям усиления, являясь одним из эмфатических средств языка. Например: a giant of a man. He was a quick little whippet of a man... (A.J.Cronin, The Citadel). При логическом усилении возникает яркая экспрессивность. 5) эмоциональный микроконтекст, представленный существительным или уменьшительно-ласкательным именем собственным и словом BOY, выражающим доброе расположение, дружелюбие, ласкательность, как например, в следующих цитатах: Joseph Petric Morpheu, Joey Morpheu, Joey-boy the Morph - a real popular guy for one only a few years at New Banton (J.Steinbeck, The Winter of Our Discontent); sonny-boy.

6) эмоциональный микроконтекст, представленный вопросительным предложением, в котором логический усилитель, как например, ФЕ on earth, может служить выражением изумления, негодования, возмущения: What on earth did you do that for? 7) в некоторых случаях слово приобретает окказиональную эмоциональность под влиянием эмоционального тематического и макроконтекста, например, слово wind в рассказе К.Мэнсфилд (K.Mansfield) "The Wind Blows" и в следующей цитате из ее дневника "... the peculiar wretchedness one can feel while the wind blows... The wind that shakes the garden at night... turning one's back on a high heavy wind... And wind moving through grass... This moves me with an emotion, I don't understand. (K.Mansfield's Journal).

3. Несоответствие эмоциональной характеристики слова в речи (тексте) его узуальным эмоциональным свойствам

Интерес в плане дихотомии "язык - речь" текст представляет употребление слов (ФЕ) с отрицательной ЭМО, а также бранных слов и выражений в интимно-фамильярной речи для передачи положительных чувств: ласкательности, привязанности, доброго отношения. В некоторых случаях существительное с отрицательной оценкой выступает в речи в сочетании с прилагательным с положительной оценкой, образуя своего рода оксюморонные сочетания, смягчающие их грубый характер. Самым ярким примером такой "необычной" ласкательности может служить слово "idiot": (1) Teddie... Bless you. Elizabeth

(affectionately). Idiot! (W.S.Maugham, The Circle). (2) Lady Mary twisted one arm about his and bestowed on him one her rare sisterly caresses. "You are a decent old idiot", she said (D.Sayers, Strong Poison). (3) Brian: Dinah, you're a heavenly idiot and you've simply got to marry me (A.A.Milne, Mr. Rim Passes By). (4) Bubbles (hugging him). You're a gorgeous beast (kisses him) and I simply adore you. (T.Rattigan, Who Is Sylvia?). (5) Teddie (smiling very tenderly). I'm not cross with you, silly (W.S.Maugham, The Circle). (6) You silly little fibster (W.Thackeray, Vanity Fair) - ласкательное обращение лорда Стейна к Бекки Шарп.

(7) First Youth: Hello congenital Idiot! Second Youth: Hello, you priceless old ass! The deed!: I'd no idea you two knew each other so well (цит. по книге G.Stern, Meaning and Change of meaning). (8) ... they said: "How's the old horse-thief?" "All right I guess. How're you, you poor shrimp?" "I'm first-rate, you second-hand hunk of cheese". Reassured thus of high fondness, Babbit grunted... (S.Lewis, Babbit).

Во всех приведенных цитатах речевое значение выделенных единиц эмоционально положительное, в то время как в языке их потенции эмоционально отрицательные.

4. Языковые потенции и актуализованное значение в речи междометий "широкого диапазона" и амбивалентных слов

Это явление представляет особый интерес для выявления специфики эмоциональности и проблемы значения в целом, а также и в плане дихотомии "язык - речь". Эмоциональные потенции междометий "широкого диапазона", так называемых семантически "растяжимых" слов (Oh!, ah!, Goodness!, Gracious!, Great Heavens!), способных выражать целую гамму эмоций и чувств, иногда противоположных (удивление, изумление, радость, восторг, возмущение, негодование и т.п.), а также амбивалентных слов (little, old, poor, precious, lamb, baby), способных выражать как положительные, так и отрицательные эмоции, подтверждают известное положение о том, что актуализованное значение, в отличие от языкового, четко и определено. Например: (1) "Oh, what a heavenly evening!" (K.Mansfield, A Man Without a Temperament).

- (2) Sartorius. ... Is the church a celebrated one? Cockane. Bee-dcker stars it. Sartorius. (respectfully). Oh, in that case I should like to see it. (G.B.Shaw, Widower's Houses).
- (3) Blanche (She goes anxiously to him). "Oh, papa, there's nothing the matter with you, I hope?" (Ibid).
- (4) "Oh, doctor - you did take me by surprise". (K.Mansfield, Collected Stories, New Dresses).
- (5) "Oh, dear. I'm afraid the picnic wasn't a very great success" (A.Wilson, Such Darling Dodos).
- (6) "Oh, my son - my son!", Mrs. Morel sang softly, and each time the coffin swung to the unequal climbing of the men: "Oh, my son - my son - my son". (D.Lawrence, Sons and Lovers).
- (7) "Oh, damn! Oh, blast!", said Stanley (K.Mansfield).
- (8) Blanche. "Oh, I hate the poor. At least I hate those dirty drunken disreputable people who live like pigs! (G.B.Shaw, Widower's Houses). (9) Trench (much perplexed). Oh, confound it! What the deuce am I to do? (G.B.Shaw, Widower's Houses). (10) "Oh! Beh! It's just dirty old cashmere. (K.Mansfield, New Dresses).
- В цитатах oh! служит выразителем: (1) восторга, (2) уважения, (3) тревоги, страха, (4) удивления, (5) досады, (6) горя, (7) раздражения, (8) ненависти, (9) смятения, ошеломления, (10) отвращения; оно эмоционально усиливает, интенсифицирует значение следующих за ним эмоциональных междометий damn, blast, confound it, beh и глагола hate - "смысловых центров". Так, в цитатах (7) выражается досада, раздражение, (8) - ненависть, (9) - смятение, ошеломление, (10) - отвращение. Междометие oh! эмоционально усиливает также слова утверждения и отрицания "yes" и "no".

Можно было бы умножить цитаты, но и приведенных достаточно для того, чтобы проиллюстрировать расплывчатость семантических границ междометия oh! в языке и определенность его семантики в речи (тексте). Отметим, однако, что эмоциональные междометия, отражающие свойства своих денотатов - эмоций, имеющих тенденцию переходить друг в друга ("взаимные переходы чувств"), могут одновременно выражать смешанные эмоции: удивление и радость ("I'll give you a fiver and can go away".... Oh, Philip, do you mean that?" (W.S.Maugham), сожаление и обиду (Aunt Louisa began to cry... Oh, Philip, you oughtn't to have spoken to your uncle like that (W.S.Maugham). 10)

5. Эмоциональные свойства местоимений

Своеобразие местоимений как части речи состоит в том, что они

находят самовыражение только в речи (тексте). Лишенные постоянной предметной отнесенности, местоимения ситуативно обусловлены: они конкретизируются только в контексте. Так, например, в современном английском языке личное местоимение you в структуре you + (A) N, указательное that в конструкции that + N, that + (A) + N, your в структуре your + (A) N (Npr) используются для выражения пренебрежения, раздражения, презрения. Например:

- a) Wilfred. ... You know you could turn me round your little finger. Lois (with a laugh) You fool (W.S. Maugham, For Services Rendered).
- b) Gwen. You all want to get something out of it, You brutes, you beasts! (Ibid).
- c) "... that woman! (Brush Up Your English).
- d) "That damned fool! (H. Calet, Paris, My Love).
- e) "... he was one of your greedy sort (D. Sayers).

Притяжательные местоимения my, our употребляются в разговорной речи для выражения нежности, ласкательности, дружелюбия или для обозначения члена семьи. Так, например, "my child", "our Dad", "our Brenda" (A. Sillitoe, Key to the Door).

Употребление it по отношению к человеку также выражает презрение: "Who are you calling u'it'?" demanded Mr. Berden aggressively. "P'raps you'll kindly call me 'im' and not it". (W. Pett Ridge).

Эмоциональным является употребление личных местоимений he, she по отношению к странам, городам, кораблям, животным, птицам, насекомым, неодушевленным предметам: Liverpool (she), Britain (she), the cat (he), the canary (he), the car (she).

He's a plucky little devil... and he felt a real admiration for the fly's courage. (K. Mansfield).

Краткие выводы

Исследование эмоциональности в плане дихотомии "язык - речь" подтверждает наше предположение о том, что текст можно рассматривать не только как произведение, но и как воспроизведение речи, зафиксированное на письме. Поэтому текст, не будучи тождественным спонтанной речи, может служить наравне с речью материалом для исследования разных языковедческих проблем, включая эмоциональность. Эмоциональное значение, будучи особым типом значения, выступает нечетким в плане языка и вполне определенным, четким в плане речи (текста). Для выяснения специфики эмоциональности как семанти-

ко-стилистической категории следует исследовать ее особенности в языке и ее манифестации в речи.

Литература и примечания

1) Р.А.Будагов, Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? ВЯ, 1972, № I (подчеркнуто нами - С.Б.).

2) Некоторые языковеды, не определяя объекта последования и не излагая своего понимания проблемы, исследуют лишь ее отдельные аспекты. См. напр. Р.С.Никитина, Стилистические функции эмоционально-экспрессивных сложных прилагательных (на материале прозы Г.Гейне, Т.Манна, Э.Штриматтера), Л., ЛПИИ им. А.И.Герцена, 1972, АКД, в котором не дается определение эмоциональности и экспрессивности. Г.С.Литвищенко, Синтаксический анализ одноядерных эмотивных предложений в современном английском языке, Л., ЛПИИ им. А.И.Герцена, 1972, АКД, в котором не дается определение эмотивности.

3) О.С.Ахманова, Словарь лингвистических терминов, стр.470.

4) Разграничение эмоций и чувств, проводимое в психологии, лингвистически не релевантно.

5) Фразеологические единицы в дальнейшем ФЕ.

6) С.Б.Берлизон, Эмоциональное значение - особый компонент смысловой структуры слова фразеологической единицы. Сб. Вопросы описания лексико-семантической системы языка. Тезисы докладов. Научная конференция, М., МПИИЯ им. М.Тореза (16-18 ноября), ч.1, 1971. Она же, Выражение экспрессивности и эмоциональности в фразеологизме и слове. Сб. Вопросы фразеологии, вып.5, ч.1, Труды Самаркандского ГУ им. А.Навои, вып.№ 219, Самарканд, 1972.

7) С.Б.Берлизон, Эмоциональное значение и его разновидности (на материале лексики и фразеологии современного английского языка). Тезисы 7-й межвузовской конференции по романо-германскому языкознанию. Секция "Семасиология", Пятигорск, 1970.

8) См. В.А.Мальцев, Английские эмоционально-усилительные наречия, Л., ЛПИИ им. А.И.Герцена, 1964, АКД, и др. работы автора.

9) В работе принята следующая символика: А - прилагательное, Ae - эмоциональное прилагательное, Nth - неодушевленное существительное, а также абстрактное существительное, Nr - одушевленное существительное, Nrg - имя собственное. Одной чертой подчеркнуто исследуемое слово, приобретающее эмоциональное значение или обладающее им. Двумя чертами - сочетающееся с ним слово. Слова, лишённые эмоциональных свойств, с интеллектуально-логической оценкой,

не подчеркиваются. Двумя чертами также подчеркиваются слова-индикаторы (указывающие на) эмоциональности других слов, см. напр. стр. II.

Ю) Этот вопрос рассматривается в дипломной работе студентки У курса Рязанского ИПИ Е.Е.Шейнер.

Ю. Ю. Авалиани

К КОНТЕКСТУАЛЬНЫМ СВЯЗЯМ СЛОВА И ФРАЗЕОЛОГИЗМА

1. За последнее время в лингвистической литературе выдвигается положение о наличии двух видов контекста – лингвистического и стилистического. С этим трудно согласиться. Есть только один вид контекста – лингвистический, служащий различным целям, отвечающий различным задачам (в зависимости от стиливой дифференциации текста). Сама лингвистическая "материя" остается одна, в нее не вводятся принципиально отличных единиц. Здесь и ниже речь идет о словах и фразеологических единицах (ФЕ). Варианты сочетаемости, в том числе в большей или меньшей степени отступающие от узуальных, различные дистрибутивные конфигурации не меняют в главном сложившихся основ построения контекста в различных языках.

2. Каждый язык характеризуется, как известно, особыми отличными дистрибуциями слов, связанными с различными валентностными отношениями, с разными типами контекстуальных структур, зависящими в основном от системы грамматических (по преимуществу синтаксических) связей в языке.

3. В коммуникативно-речевой сфере контекстуальные связи получают целенаправленный характер, конкретизируются: сложившаяся в отдельных языках узуальная структура контекста становится только общей схемой, на основе которой применительно к различным ситуациям эти связи реализуются "вводятся в действие". В то же время конкретные отрезки текста обнаруживают постоянную тенденцию к отходу от схемы дистрибутивных и контекстуальных связей слов и ФЕ (это особенно характерно для разговорной речи). Такой отход от узуальных контекстных связей сопровождается различного рода расширением семантического круга слов – сопроводителей, слов – актуализаторов, нарушением типов синтаксических структур, в которые обычно включаются соответствующие слова и ФЕ.

4. В художественной литературе контекстуальные связи слов и ФЕ, опираясь на те же разноуровневые лингвистические средства, что и в других стилях языка (словообразование, морфология, ритмомело-

дика), включаются в общую лингвостилистическую микросистему, относящуюся только к одному определенному произведению. В такой микросистеме (художественного целого) обнаруживается другая направленность контекста по сравнению со сферой общеречевого узуального общения: он подчинен художественно-эстетическим задачам — раскрытию идейно-тематического замысла произведения, в отличие от второй сферы, связанной с задачами общекommunikативного характера.

5. Специфика контекстуальных связей слова и ФЕ в художественном произведении основана прежде всего на индивидуально-авторском стиле. Контекст, оставаясь по своей фактуре лингвистическим, в своих основах традиционным, открывает в то же время путь авторским инновациям, выходу за пределы узуса и, в конечном счете, в каких-то звеньях поэтики целого — разрыву с традицией. Судьба таких индивидуально-авторских окказионализмов в сфере слов и ФЕ различна: они могут остаться на уровне фактов индивидуального стиля, но могут и закрепиться в общезыковой системе поэтических ресурсов. Это зависит от степени образной обобщенности и символической типизации, которые отличают такие образования. Ср. в этом смысле такие "обобщенно-символические сочетания" как "собака на сене" и "принцесса на горошине" — с одной стороны, ставших фразеологическими единицами языка, и индивидуально-авторские фразеологические единицы, обобщенно символическая функция которых связана с раскрытием идейно-тематического замысла одного произведения, такие, как ФЕ — заголовки "Das siebte Kreuz" А.Зегерс и "Der schwarze Obelisk" Э.Ремарка.¹⁾

6. Характер развития значений слов и ФЕ и их контекстуальных связей в художественном произведении отличается своими специфическими особенностями. Не раз отмечалось — в известной мере справедливо — что "контекстуально обусловленный тип значения в большей мере характерен для слова, чем для фразеологизма".²⁾ В этом смысле контекстуальное окружение (ближайший или микроконтекст) или макроконтекст (контекст в рамках всего произведения) "высвечивает" при помощи индикаторов (ближайших или дальних) необходимое в данной ситуации, или обновленное, или, наконец, потенциально существующее значение слова.

7. Однако семантико-стилистическая стабильность фразеологизма (по сравнению со словом) оказывается сильно уязвимой, когда он попадает в коммуникативно речевую сферу и, в особенности, в художественный контекст и подчиняется его направленности. Важнейши-

ми процессами, которые характеризуют ФЕ в сфере художественного контекста, можно считать следующие: а) создание новой ФЕ, нередко в связи с макроконтекстом произведения на основе особо значимого сочетания (см. примеры выше), б) обновление, трансформация узуальных структур ФЕ и их узуальных контекстных связей. По своей направленности эти процессы противоположны. Первый связан с движением от низкой к высокой ступени устойчивости, второй — наоборот — от узуальной стабильной ФЕ к ее большему или меньшему разложению (нередко это ведет к частичной дефразеологизации в художественном тексте), при котором может сохраниться только основной образный остов ФЕ или ее "сколки".

Литература и примечания

1) Об этом см. Д.Д.Авалиани, Индивидуально-авторский фразеологизм-символ "Das siebte Kreuz" А.Зегерс. Вопросы фразеологии, стилистики и грамматического строя романо-германских языков. Тр. СамГУ, вып.222, 1972, стр.3-10, ее же: К стилистической роли фразеологических единиц в художественном произведении. Актуальные вопросы фразеологии, вып.1, Сам., 1971, стр.104-115.

2) В.П.Жуков, Некоторые общие положения о соотношении фразеологизма со словом, "Вопросы фразеологии", III, Самарканд, 1970.

О.П.Фролова

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГООБРАЗОВАНИИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Успешное изучение фразеологизмов, осуществляемое за последнее время в языках различных типологических систем позволяет наметить некоторые пути довольно-таки сложного процесса фразеологообразования и в японском языке.

Под термином фразеологообразования мы будем понимать образование фразеологизмов самых различных структурных типов на синхронном уровне языка. Фразеологизмы, обычно в японском языке именуемые канъё:го или канъё:ку, — это идиоматические словосочетания, основной характеристикой которых является крепкая спаянность компонентов, иначе говоря, когда "семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов".¹⁾

Существует несколько типологий фразеологизмов, которые отражают деление фразеологических единиц по разным критериям: структурным, семантическим, стилистическим, функциональным и другим.

В данной работе мы сделаем попытку рассмотреть структурную типологию, поскольку, на наш взгляд, анализ фразеологизмов должен начинаться именно с этого, а также поскольку именно он позволяет наиболее полно выявить общие закономерности японской фразеологии и вместе с тем дает возможность наметить общий фразеологический фонд японского языка. Анализ структурной типологии предусматривает рассмотрение различных фразеологизмов, имеющих различные структурные типы при учете продуктивности моделей. Значительное место в этом анализе должно быть отведено его лексико-грамматической направленности.

Одной из важных особенностей структурной типологии фразеологизмов является выделение лексико-грамматического центра или стержневого слова в фразеологизме, т.е. слова, которое подчиняет все другие слова, составляющие фразеологизм. Очевидно, стержневым словом должно быть слово весомое в грамматическом плане и тогда в глагольных фразеологизмах стержневым словом будет глагол, в именных - имя существительное, имя прилагательное, у наречных - наречие.

Исходя из этого, рассмотрим наиболее продуктивные структурные типы фразеологизмов.

1. Фразеологизмы, у которых глагол является стержневым словом. Здесь встречаются 2 структурных типа.

а) Имя существительное + глагол.

Мэсу-о ирэру	"удалить корень зла"
Он-ни кисэру	"сделать вид, что оказываешь одолжение"
Тана-ни агэру	"умалчивать недостатки"

б) Имя прилагательное + глагол

Умаку ику	"идти хорошо о чем-то" (Например, о делах)
Цумэтаку нару	"остынуть", "озабыть"

Постановка глагола после имен существительных и прилагательных диктуется правилами японской грамматики.

2. Фразеологизмы, у которых имя существительное является стержневым словом.

Наси-но цубутэ	"на письмо нет ответа"
ато-но мацури	"после драки кулаками не машут"
наникувану као	"с невозмутимым видом"

Несмотря на то, что в русском переводном варианте присутствует глагол, в японском варианте его нет и стержневым словом является имя существительное, которое располагается в конце фразеоло-

гиэма.

3. Фразеологизмы, у которых имя прилагательное является стержневым словом.

Хара-га курой	"Злиться", быть "хитрым"
Ни-га омой	"быть не в силах"
Хана-га такай	"гордиться", "быть самодовольным"

Курой "черный", омой "тяжелый", такай "высокий" - имена прилагательные - стержневые слова.

4. Фразеологизмы, у которых наречие является стержневым словом.

пин-кара кири-мадэ	"с начала до конца"
тэ-о каэ кин-о каэ	"всяческими путями"

Фразеологические единицы с наречным структурным стержнем выражают обстоятельственные отношения. Они в предложении воспринимаются целиком и в большинстве случаев располагаются компактно, выступая в основном в функциях обстоятельства времени, образа действия и места.

Непосредственное отношение к структурной типологии фразеологизмов могут иметь сравнительно многочисленные случаи, когда компоненты фразеологизмов находятся между собой в отношениях синонимов или антонимов.

а) Компоненты фразеологизмов - синонимы

эн-мо жкари-мо най "совершенно чужой",
где эн "связь", "знакомство", жкари - то же самое

нитари ёттари "два сапога пара",
где ниру "подходить", "походить" и ёру "подходить", "приближаться".

б) Компоненты фразеологизмов - антонимы

нэтэ-мо самэтэ-мо "и во сне и на яву",
где нэру "спать", а самэру "проснуться", "пробудиться"

я-мо татэ-мо тамаранай "не быть в силах удержаться",
где я "стрела", а татэ "щит".

Особого внимания заслуживают фразеологизмы, в составе компонентов которых имеются отрицания най и дзу (и его вариант ну). Этот тип довольно-таки продуктивен.

Торицуку сима-мо най "не за что схватиться", "не к кому обратиться за помощью"

Тондэ-мо най	"поразительный", "абсурдный", "возмутительный"
Махану танэ-ва хаэну	"из ничего не выйдет ничего"

В последнем фразеологизме даже два отрицания.

Этот тип фразеологизмов представляет интерес не только со структурных позиций, но также и с семантических. Так, многие фразеологизмы с указанными отрицаниями, несмотря на наличие отрицательных элементов в составе структуры фразеологизмов, переводятся без отрицания и даже "теряет смысл отрицания".²⁾

Кэсикарану	"грубый", "возмутительный"
Эгэцу най	"черствай".

Л и т е р а т у р а

- 1) О.С.Ахманова, Словарь лингвистических терминов, стр.503.
2) Мацумура Акира, Нихон бунпо дайджитэн, Токио, 1971, стр.150.

В.М.Лейчик

ТЕРМИНЫ-СИНОНИМЫ, ДУБЛЕТЫ, ЭКВИВАЛЕНТЫ, ВАРИАНТЫ

Проблема синонимии, изучение которой насчитывает столько же веков, сколько существует филология, далека от решения. Нет ничего удивительного в том, что и в применении к терминам эта проблема вызывает столько же, если не больше, противоречивых суждений, сколько и относительно синонимии лексических единиц вообще.¹⁾ В статье Е.Н.Толикиной "Синонимы или дублеты?",²⁾ где дается краткий исторический очерк изучения вопроса, подвергаются справедливой критике взгляды лингвистов, считающих, что терминам присущи те же семантические и стилистические особенности, что и не-терминам (экспрессивность, эмоциональность, опора на этимологический образ). В то же время, Е.Н.Толикина сводит решение вопроса к тому, что в рамках терминосистем имеются только дублеты: "На уровне дифференциальных знаковых отношений, представленном в терминосистемах, попытка семантических противопоставлений терминологических ар или серий, соотнесенных с одним обозначаемым, нейтрализуется в тождестве, что, как мы видели выше, не является принципом организации синонимических микросистем. Такие термины следует рассматривать как дублетные наименования"²⁾ (стр.88, со ссылкой на "Словарь лингвистических терминов" Ю.В.Ахмановой). При этом Е.Н.Толи-

кина призывает к устранению дублетов при упорядочении терминосистем.

Таким образом, Е.Н.Толикина, вслед за другими лингвистами, считает, что синонимия терминов и ее частное проявление – дублетность (она называется также "абсолютной синонимией") предполагает соотнесенность синонимов с одним понятием, т.е. одним означаемым. Между тем на деле все обстоит гораздо сложнее.

Во-первых, синонимы могут выражать как одно и то же, так и несколько близких, притом частично пересекающихся (частично накладываемых друг на друга) понятий. В этом смысле нельзя согласиться с жесткой позицией С.Г.Бережана, который считает, что синонимия вообще сводится к дублетности. В сфере терминов поэтому возможны такие случаи, как "фразеологическая единица" и "устойчивое сочетание". Это явление характерно для неупорядоченных совокупностей терминов.

Во-вторых, даже если синонимы выражают одно и то же понятие, семантическая структура их может быть различна: при разложении ее методами компонентного анализа на элементарные смыслы общими, совпадающими должны быть только основные компоненты значения. Мы имеем дело с дублетами только в том случае, когда совпадают все без исключения компоненты значения синонимов (ср. химический термин "метан" и технический термин "болотный газ", в семантической структуре которого содержится смысл "скапливающийся в болотах", ср. дублеты "языкознание" и "лингвистика"). Иными словами, ошибочно представление синонимии как логического явления; это – явление чисто лингвистическое. Содержанием его является не сходство объектов номинации, а сходство самих наименований, точнее сходство или идентичность семантики этих наименований. Именно поэтому в языке возможна категория стилистических синонимов. Что касается терминов, то здесь стилистические синонимы невозможны, так как лексическая единица, относящаяся к разговорному стилю, просторечию, жаргону, профессиональной лексике не может входить в состав терминосистемы, хотя она и выражает в ряде случаев точно то же понятие, что и термин (ср. "туберкулез" и "чахотка"). Изучение стилистических синонимов терминов выходит за рамки терминоведения (вопреки мнению В.Н.Прохоровой, высказываемому ею в ряде работ).

В-третьих, если признать, что синонимия – это проявление вариантности способов выражения при идентичности или близости плана содержания ряда лексических единиц (а это – то общее, что призна-

ют в той или иной степени все исследователи синонимии), то следует рассматривать синонимы в ряду всех вариантных языковых единиц (проявлений морфологической, лексической, синтаксической, семантической, фразеологической, фонологической вариантности в парадигматическом плане).

Не затрагивая всю эту проблему в целом, в докладе предполагается проанализировать ее применительно к терминам. В свете всего сказанного можно построить следующую схему.

1) В рамках одной терминосистемы могут иметь место варианты термина, которые делятся на два типа. Во-первых, это морфологические, в том числе словообразовательные и формообразовательные варианты: "языкознание" - "языковедение", "шлифование" - "шлифовка". Во-вторых, это лексические варианты, которые в свою очередь делятся на разного рода аббревиатуры ("дезоксирибонуклеиновая кислота - "ДНК"), усечения ("государственный сектор" - "госсектор") и сокращенные формы термина с пропуском малоинформативных терминов-элементов ("информационно-поисковый тезаурус" - "тезаурус"). С точки зрения семантики, эти пары (иногда ряды) лексических единиц являются дублетами. Но лучше сохранить название "дублет" для других рядов, так как по определению "дублеты", как и вообще "синонимы" - понятие семантическое, между тем как в перечисленных здесь вариантах - главное не план содержания, а план выражения. Это тем более важно подчеркнуть, что ряд исследователи рассматривает эти морфологические варианты как синонимы.³⁾

2) Опять-таки в рамках одной терминосистемы могут встречаться дублеты ("автоматический перевод" - "машинный перевод", "стачка" и "забастовка" в современном языке). При условии соответствия обоих дублетов требованиям логики, лингвистики и данной предметной науки, они, вопреки мнению Е.Н.Толикиной, могут быть сохранены и использованы параллельно в текстах.

3) В рамках языков науки и техники, которые понимаются как подязыки национального языка, часто имеет место такое явление, когда одно и то же понятие выражается различными способами в различных языках или терминосистемах. Это явление распространяется, во-первых, на разные языки одной и той же области знания. Так, в рациональной номенклатуре химических соединений (язык химии XIX в.) термин "алкилен" был получен путем прибавления суффикса -ен к названию алкильного радикала, соответствующего этому предельному соединению. В Женевской номенклатуре (другой химический язык, со-

зданный в конце XIX в. и существующий донныне) термин "алкен" (выражающий то же понятие) был образован путем замены суффикса -ан на -ен в наименовании исходного соединения - алкана). Во-вторых, то же явление характерно и для языков разных областей человеческого знания и деятельности. Например, термину "гексаметилентетрамин" языка химии соответствует торговый фармацевтический термин "уротропин".⁴⁾ Поскольку эти термины относятся к разным языкам (науки и техники), целесообразно назвать их эквивалентами (по аналогии с разноязычными эквивалентами литературных языков (нем. Gummi, русск. "резина"). Именно о таком явлении эквивалентности говорит П.В.Веселов в заметке "Оправданный случай синонимии в терминологии":⁵⁾ лавсан - терминосистема химии, полиэтилентерефталат - терминосистема техники, терепласт - терминосистема товаров народного потребления), причем, как подчеркнуто выше, в рамках терминоведения разумнее отделить это явление от синонимии и дублетности.

4) Наконец, те случаи, когда термину соответствуют по семантике нетерминологические лексические единицы ("оксалат тетраэтил-4,4-диаминотрифенил метана" - "бриллиантовая зелень" - "зеленка"), в том числе единицы, не входящие в литературный и тем более научный стиль (жаргоны, профессиональные лексиксы, напр., "сампишущие приборы" - "ябелники", пример В.Н.Прохоровой) могут быть с полным правом названы проявлениями синонимии. Но, как было сказано, эти факты не входят в предмет терминоведения. Здесь термины изучаются либо как лексические единицы вообще, либо в рамках исторического терминоведения (проблемы этимологии и истории терминов лежат на грани терминоведения и лексикологии, ср. примеры неупорядоченных формирующихся терминосистем у Л.Л.Кутиной: созвездие - констелляция, звездница, знак и др.). Кроме того, в этих случаях часто имеет место лишь частичное совпадение значений синонимов ("присадка" - только по отношению к смазочным маслам - "добавка" - то же, но и другие компоненты значения, не относящиеся к смазке). Естественно, в рамках одной упорядоченной терминосистемы недопустимо существование двух подобных единиц. В этом еще одна причина, по которой понятие неполной синонимии (не дублетности) неприменимо при анализе терминосистем.

Таков один из возможных подходов к изучению парадигматической вариантности⁶⁾ терминов в плане выражения и в плане содержания.⁷⁾

Литература и примечания

1) См., напр., сб. "Синонимы русского языка и их особенности", "Наука", Л., 1972.

2) В сб. "Исследования по русской терминологии", "Наука", М., 1971.

3) См. В.Н.Прохорова, Синонимия в терминологии. Научный симпозиум "Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики", Материалы симпозиума - рефераты и аннотации, ч.2, Изд-во Моск.ун-та, М., 1971, стр.471.

4) Примеры взяты из дипломной работы А.Б.Кондратьевой "Проблема синонимии в русской химической терминологии", МГУ, филологический факультет, кафедра русского языка, 1972.

5) "Русская речь", 1969, № 5.

6) Вариантность терминов в синтагматике - тема отдельного исследования, проводимого совместно с В.Г.Гаком. Помимо различного рода замещений термина в тексте, определяемых контекстом, стилевой принадлежностью текста и специфическими свойствами данного языка, могут иметь место перифразы, позволяющие вообще не употреблять термин.

7) При создании терминологических рекомендаций и стандартов на термины в эти документы включаются параллельно допустимые (п.д.), nereкомендуемые (нрк.) и недопустимые (ндп.) термины. Они представляют собой и варианты, и дублиеты, и эквиваленты, и синонимы терминов. Но поскольку они могут стать таковыми по самым разным основаниям (логическим, лексикологическим, стилистическим, фонологическим, психологическим), они должны рассматриваться не в онтологическом, а в нормативном плане, что не является предметом доклада.

Р.Л.Махлиновская

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ТЕРМИНОВ И КОНТЕКСТ

(На материале англо-русской экономической терминологии)

Одним из главных требований, предъявляемых к идеальному научному термину, является однозначность. Между тем исследователи конкретных терминосистем единодушны в том, что конкретные, реальные термины, как правило, многозначны, а об однозначности терминов следует говорить лишь как о тенденции развития терминосистем

в их стремлении к идеальному состоянию; реально же существует два типа терминов: моносемичные и полисемичные. Это вполне согласуется с тем пониманием природы термина, которое мы находим в работах Г.О.Винокура и В.П.Гака, считающих, что термины – это не особые слова, а только лексические единицы в особой функции.¹⁾ Они обладают свойствами лексических единиц вообще и, в частности, теми, которые вытекают из асимметрии (полисемия, синонимия) языкового знака.

Язык дает материал для терминологий, он же навязывает им принципы своей организации. Поскольку термин является лексической единицей, функционирующей по законам естественных языков, то все функции языкового знака, в частности тенденция к полисемии, потенциально сохраняются и реализуются и у термина из-за ограниченных возможностей языка, человеческой памяти и необходимости экономии языкового знака.²⁾

Общезыковая тенденция к полисемии в английском и русском языках сказывается и на экономической терминологии в этих языках. Задача данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть под этим углом зрения экономическую терминологию – английскую (АЭТ) и русскую (РЭТ) и выяснить, каково соотношение в ней однозначных и многозначных терминов. В качестве источника сведений о смысловой структуре терминов использован "Англо-русский промышленно-экономический словарь" и Словарь-справочник "Математика и кибернетика в экономике" (М., 1971).

В результате проведенного анализа выяснилась существенная взаимосвязь между внешней структурой термина (однословные – простые и производные и многословные – термины-словосочетания), с одной стороны, и однозначностью и многозначностью – с другой. Подавляющее большинство английских (а.) однословных терминов и их русские (р.) эквиваленты полисемичны. Исключения составляют однословные производные термины типа а. *consumer* и р. "потребитель" и англо-русские полные семантические аналогизмы³⁾ типа *deflationary* – "дефляционный", *macroeconomics* – "макрэкономика", *extrapolation* – "экстраполяция". В противоположность этому подавляющее большинство терминов-словосочетаний и сложно-составных терминов, которые в количественном составе представляют примерно 50% всех терминов – моносемичны. Например, *data-in* "входные данные", *data-out* "выходные данные", *data processing machines* – "машины для сбора и обработки информации", *above-plan production* –

- "сверхплановая продукция", account valuation "смета". Однако и среди таких терминов (преимущественно английских) встречаются термины с двумя и даже тремя значениями. Например, accrued interest - "наросшие проценты", "начисленные проценты", account current "текущий счет", "обыкновенный счет", "открытый счет".

Сравнение семантических структур английских экономических терминов с их русскими эквивалентами позволяет сделать вывод о том, что АЭТ более многозначна, чем РЭТ. Например, отношение числа значений р. термина "производство" и его а. аналога production - 7:10, р. экономика и а. economy - 4:10.⁴⁾

Производство - production			Экономика - economy		
Значения	русск.	англ.	Значения	русск.	англ.
I. Производство	+	+	I. Экономика	+	+
2. Процесс производства	+	-	2. Хозяйство	+	+
3. Изготовление	+	+	3. Народное хозяйство	+	+
4. Выработки	+	+	4. Экономика (уч. предмет)		-
5. Выпуск	+	+	5. Экономия		
6. Сфера производства	+	+	6. Бережливость		
7. Предприятие	+	+	7. Меры экономии		
8. Производительность		+	8. Сбережения		
9. Добыча		+	9. Экономичность		
10. Изделие		+	10. Структура		
11. Продукция		+	11. Организация		

Большую многозначность английских экономических терминов по сравнению с русскими можно объяснить характерной для английского языка тенденцией к полифункциональности лексических единиц. Полисемия терминов в какой-то мере усиливается за счет явления конверсии: одна и та же оболочка английского слова может соединять в себе значения 2-х и более частей речи, и поэтому в русской системе ей соответствует 2 или более по разному оформленных слова. Так, смысловая структура а. термина market состоит, во-пер-

вых, из 5-ти групп значений существительного (п): 1) рынок, реализация товаров, 2) биржа, 3) продажа, торговля, сбыт, 4) спрос, 5) рыночная цена; во-вторых, из 2-х групп значений глагола 1) по-купать или продавать на рынке, торговать, 2) сбывать, находить рынки сбыта; в-третьих, из 2-х значений прилагательного: 1) рыночный, 2) торговый. Смысловая структура английского термина *market* включает 15 разных значений, русский термин "рынок" имеет только две группы значений существительного: 1) рынок, реализация товаров, 2) продажа, торговля, сбыт - всего 5 значений.

"Многозначность является важнейшим условием функционирования языка" (3, стр.71) и, поскольку "термин - это слово и ничто языковое ему не чуждо",⁶⁾ то на данном этапе полисемия терминологических единиц неизбежна.

Кроме общеизвестных причин полисемии (сужение и расширение значения, перенос, ассоциация по сходству, смежности и др.) в РЭТ и АЭТ действует еще один фактор, способствующий усилению полисемии. Это эллиптические преобразования терминов-словосочетаний в одиночные термины путем переноса значения целого на один из компонентов, что увеличивает семантическую емкость последнего. Например, а. термин *labour* - "труд", "работа" получил еще 3 значения: "рабочая сила", "трудовые ресурсы" и "производительность труда" за счет эллипса терминов *labour force*, *labour power* и *labour productivity*. Вместо а. термина *production capacity* и соответствующего русского "производственная мощность" стали употребляться соответственно термины *capacity* и "мощность", причем у этого английского термина в англо-русском промышленно-экономическом словаре зарегистрировано еще II терминологических значений.

О какой-либо закономерности в отношении эллиптических преобразований говорить трудно. Эллиптироваться может как первый, так и второй член термина-словосочетания. Но бесспорно, что эллипс ведет к расширению границ многозначного термина. Так же увеличивается и общее количество многозначных терминов. Один из факторов, способствующих увеличению количества многозначных терминов - заимствование иноязычных транслитерированных полисемичных терминов. Так, РЭТ пополнилась целым рядом таких терминов: "лаг" от а. *lag* - "лаг", "разрыв", "отставание", "запаздывание"; "элиминирование" от а. *elimination* - "элиминирование", "устранение", "исключение", "уничтожение", "ликвидация" и др.

В условиях, когда полисемия действует как проявление общезн-

ковой закономерности, утверждение о том, что термин безразличен к контексту или не нуждается в контексте, не соответствует действительности. Только строго однозначные термины могут быть безразличны к контексту. В остальных случаях "содержание термина полностью раскрывается только через его реальное функционирование, через данный "метасинтаксис"..."⁵⁾ О том же говорит В.П.Даниленко: "контекст страхует содержащиеся в нем многозначные термины от затруднений в понимании их содержания",⁶⁾ не снижая эффективности научного обобщения. Это можно показать на примере терминов "производство" и production в разных контекстах:

1. К общественному производству предъявляются требования оптимальности.

1a. Requirements for optimisation face production.

2. Вот почему необходимо, чтобы государственное управление информации хотя бы для одного варианта приняло классификационной единицей не предприятие, а производство отдельного продукта.

2a. In view of this the State Board of Information should at least for one variant accept not the enterprise as the classifying unit, but a given production.

3. Производство первого года не может быть большим, чем допускаемое объемом основных средств на начало года.⁷⁾

3a. Production of the first year must not exceed what is permitted by the initial stock of the fixed assets.

Именно благодаря контексту эти термины воспринимаются в предложениях 1. и 1a. в значении "сфера производства", в предложениях 2. и 2a. в значении "выпуск", а в предложениях 3. и 3a. в значении "продукция".

Контекст служит средством узнавания и распознавания термина и тогда, когда не все значения слова терминологичны. Так, напр., a. interest имеет ряд терминологических значений - "процент", "процентная ставка", "процент с капитала", "норма процента", "учетный процент" и одно нетерминологическое - "интерес", a. performance имеет терминологические значения: 1) действие, работа, выполнение; 2) характеристика, эксплуатационные качества; 3) производительность, и одно общеупотребительное - "представление в театре", Лексическая, смысловая, а иногда и синтаксическая сочетаемость подобных слов в контексте служит ключом к безошибочному определению значения того или иного многозначного термина. Поэтому во фразе interest in music слово interest воспринимается в значе-

нии "интерес", а в предложении Compensation for the use of funds is called interest - в значении "проценты". Во фразе a theatre performance слово performance воспринимается в значении "представление", в сочетании this machine performance - в значении "производительность".

В случае конверсии только контекст дает слову необходимые грамматические (синтаксические и морфологические) характеристики, позволяет определить часть речи и значение английского термина. Так в следующих терминах-словосочетаниях rate of growth - "темп роста", rate of profit- "норма прибыли", rate of turnover - "скорость оборота" термин rate употребляется в функции существительного и переводится как "темп", "норма", "скорость"; в предложении Some economists rate the progress of that branch of science particularly high". (Некоторые экономисты высоко оценивают прогресс в этой области науки") термин rate переводится глаголом "оценивать".

Значение эллиптированного термина также может быть раскрыто только в контексте. Контекст является источником или "местом рождения" таких терминов. Закрепление в словаре эллиптированных терминов ведет к возникновению дублетных пар типа:

cost of living	- living	- прожиточный минимум
living standard	- living	- жизненный уровень
living conditions	- living	- жизненные условия
housing construction	- housing	- жилищное строительство

Ср. prem. производительность труда - производительность
производственные мощности - мощности.

Как показывают наблюдения, в тексте предпочтение все чаще отдается эллиптированному термину, не взирая на его многозначность.

В условиях, когда полисемия терминов действует как проявление общезыковой закономерности, контекст является ключом к пониманию и осмыслению значений не только уже зафиксированных в словарях многозначных терминов, но и новых, часто также многозначных терминов, возникших на базе расширения смысловой структуры либо общеупотребительных слов, либо уже известных терминов или заимствованных иноязычных терминов в форме франелитераций.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1) Г.О.Винокур, О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии, "Труды МИФЛИ", т.5, "Сборник ста-

тей по языковедению", М., 1935, стр.5; В.Г.Гак, Асимметрия лингвистического знака и некоторые общие проблемы терминологии. Научный симпозиум "Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики". Изд-во МГУ, М., 1971.

2) Л.Л.Кутина. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем, Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Изд-во "Наука", М., 1970, стр.89.

3) Под полными англо-русскими семантическими аналогизмами мы понимаем англо-русские соответствия с аналогичным, сходным графическим (или фоно-графическим) образом и полным совпадением смысловой структуры. См. Р.Л.Махлиновская. К проблеме межъязычных семантических соответствий. "Актуальные проблемы лексикологии", Новосибирск. 1972.

4) Н.З.Котелова. К вопросу о специфике термина. "Лингвистические проблемы научно-технической терминологии". "Наука", М., 1970, стр.124.

5) О.С.Ахманова. Словарь лингвистических терминов, стр.6.

6) В.П.Даниленко. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов. "Исследования по русской терминологии", "Наука", М., 1971, стр.17.

7) Все примеры взяты из сборника "Тезисы докладов на симпозиуме по моделированию народного хозяйства". Новосибирск, 22-27 июня 1970 г.. "Доклады НРБ и ВНР", Новосибирск, 1970.

В.Н.Пестунова

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ ВАЛЕНТНОСТИ РУССКОГО СЛОВА

1. При решении ряда задач теоретической и прикладной лингвистики, а также при оптимизации преподавания языков возникает необходимость количественно оценить смысловую и прагматическую информацию, заключенную в знаке (морфема, слово) или цепочке знаков. Предлагаемые разными авторами (например, Бар-Хиллелом и Карнапом или Шрейдером) приемы непосредственного измерения семантической и прагматической информации текста имеют ограниченную сферу применения. Деятельность восприятия и декодирования информации описывается здесь с точки зрения метанаблюдателя, исследовательская стратегия которого состоит в том, чтобы сначала формализовать объект, а затем оценивать информацию. Такая стратегия приводит к заметным упрощениям естественного языка. Известно, что всякая фор-

мальная система всегда тождественна самой себе. Но естественный язык в целом и большинство его разновидностей, равно как деятельность понимания текста и прагматические оценки этой деятельности, являются системами открытыми, принимающими бесконечное число состояний. Поэтому модели данного типа, во-первых, не могут учесть тексты, хотя и не реализованные, но потенциально возможные, во-вторых, не могут отразить творческие особенности человеческого мышления, определяющие то обстоятельство, что восприятие и преобразование информации подчиняется принципу не сохранения, а обогащения информации как за счет общественной практики и материальной деятельности людей, так и за счет эвристических качеств самого языка. Конструирование искусственных систем на основе прямого наблюдения и самоанализа осложняется также тем, что многое в механизме человеческого восприятия речевой информации еще неизвестно, в частности, остается неясным, что следует наблюдать и моделировать, когда речь идет об априорных знаниях приемника информации. Лингвистическая ценность информационных моделей описанного типа ограничена вследствие этого рамками подхода к языку как средству общения (результативному образованию) в пределах закрытых, фиксированных подязыков типа "земля-вода", "земля-воздух".

2. Иное решение проблемы разрабатывается Р.Г.Пиотровским. Цель автора - выйти в сферу естественной речевой коммуникации, что предполагает подход к языку как деятельности общения и, значит, измерения смысловой информации, заключенной в знаке или цепочке знаков, относительно текстов открытой языковой системы. Для этого предлагается подключить к информационному моделированию текста коллектив носителей того языка, на каком написан текст, т.е. опереться на психометрическую методiku; оценку смысловой информации производить с помощью синтаксической информации, вычисляемой по Шеннону (1).

Логика этого подхода такова. При изучении естественного языка наибольший интерес представляют семантико-прагматические оценки информации, так как лишь на этом уровне осуществляется во всей полноте реальный процесс речевого общения между людьми. "Именно на этом уровне символы рассматриваются в определенных обстоятельствах при определенном окружении с привлечением проблем их ценности, полезности, узнавания и интерпретации" (2).

Однако для расчета семантико-прагматической информации необходимо иметь вероятностные оценки тех ситуаций, в которых может

оказаться адресат, принявший и правильно понявший сообщение.

Между тем система прагматических оценок собственной деятельности, а также семантическая система естественного языка и ее функционирование в мозгу человека продолжают оставаться "черным ящиком", доступ к которому практически закрыт. Поэтому при построении работающей процедуры, измерения смысла текста нужно отказаться от попыток предварительного количественного описания всей семантической системы языка или создания системы оценок полезности различных житейских задач и ситуаций, описываемых в речи. Измерение смысла текста должно опираться на методику "черного ящика", т.е. анализировать реакции лингвистического сознания получателя информации на предъявляемые ему речевые сообщения или сегменты текста.

Этим требованиям отвечает лингвопсихологический тест по угадыванию букв неизвестного текста, использовавшийся для оценки синтаксической информации. Действительно, в ходе его проведения было замечено, что при угадывании четвертой-пятой букв текста информант обычно стремится использовать смысловую информацию и строит свои прогнозы не на комбинаторике букв или слогов, но на сочетаемости смысловых единиц текста - морфем, слов, словосочетаний. Иными словами, выяснилось, что наличие контекстных связей между лингвистическими единицами вытекает из способности человека априорно, опираясь на уже известный участок текста и свой жизненный и лингвистический опыт, строить предположения о дальнейшем содержании текста. Мера связи двух соседних элементов определяется при этом как

$$I_n, (n+1) = I(n+1) - I_n(n+1),$$

где $I_n, (n+1)$ есть априорная семантико-прагматическая информация, содержащаяся в n -ом шаге текста относительно $(n+1)$ -го шага.

Изложенные соображения позволили автору предложить процедуру измерения семантико-прагматики лингвистической единицы через диагностирующий эту единицу правый контекст, измеряемый на структурно-синтаксическую информацию. Суть этой процедуры в следующем.

Пусть мы хотим количественно оценить смысл слова "газета".

Для решения этой задачи возьмем текст, состоящий из цепочки слов $V_1, V_2, V_3, \dots, V_K$, где в позиции V_1 стоит существительное "газета", например: "Газеты предоставляют свои страницы для ин-

тервью". Сегмент v_2-v_K /"...предоставляют свои страницы для интервью"/ будем считать по отношению к слову v_1 - контрольным.

Проведем коллективное угадывание контрольного сегмента дважды, варьируя условия угадывания. Первый раз v_2-v_K будем угадывать, не сообщив аудитории слова "газеты", но назвав первую букву слова "предоставляют". Второй раз в идентичном коллективе отрезок v_2-v_K угадывается при сообщенном здесь слове "газеты".

Так как первый коллектив опирается в своих предсказаниях на букву "п", а второй коллектив - на слово "газеты", оба угадывания дают разные оценки неопределенности H (энтропии) и количественно равной ей синтаксической информации I . Получаемая в первом случае от контрольного сегмента структурно-синтаксическая информация

$$I (v_2 - v_K) = H (v_2 - v_K) \text{ дв.ед.}$$

будет больше структурно-синтаксической информации

$$I (v_2 - v_K/v_1) = H (v_2 - v_K/v_1) \text{ дв.ед.,}$$

полученной во втором случае.

Разность

$$I (v_1) = I (v_2 - v_K) - I (v_2 - v_K/v_1) \text{ дв.ед.}$$

представляет собой количественную оценку той смысловой информации, которая заключена в слове "газеты" (3).

3. По описанной методике измерялась семантика-прагматика 53 русских слов, принадлежащих двум лексико-семантическим полям. В угадывании, осуществленном по коллективной программе, участвовало более трех тысяч человек-студентов и учащихся школ.

Результаты экспериментов подтвердили реальность количественного измерения смысловой информации слова через диагностирующий это слово правый контекст и показали, что числовые оценки смысловой информации являются одновременно оценками валентностно-предсказательной силы слова.

Раскрылась также зависимость валентностно-предсказательной силы слова от трех условий:

а) от парадигматических характеристик оцениваемого слова, т.е. от языка;

б) от тезауруса носителя языка, выступающего в роли угадчика сообщения, т.е. от разновидности языка, заложенной в носителе языка;

в) от контекста, т.е. от речи.

4. Зависимость валентностно-предсказательной силы слова от

парадигматических характеристик данного слова.

Эта зависимость проявляет себя через полевую структуру:

а) Величина смысловой информации определяется емкостью того семантического поля, в которое входит данное слово; чем шире семантическое поле, тем меньше предсказательная способность входящих в него единиц.

б) Величина смысловой информации зависит также от частотности слова в данном семантическом поле: чем частотнее слово, тем меньше его прогнозирующая сила. Так как большую частоту имеют короткие слова, между длиной слова, его прогнозирующей способностью и стратификацией данного семантического поля по признаку частотности можно увидеть корреляцию, диктующую коротким словам большую частоту и меньшую смысловую информативность.

Обе тенденции, как кажется, объяснимы. Большая емкость семантического поля (а значит, и большая частотность появления его единиц в речи), равно как и большая частотность коротких слов в однородных речевых контекстах, обеспечивают носителям языка научение в процессе речевой практики — формирование в лингвистическом сознании говорящих устойчивых связей данного слова с другими словами в соответствии с принятыми стандартами. Эти речевые стандарты затем воспроизводятся уже в известной степени автоматически, обладая тем самым большой избыточностью и малой смысловой нагрузкой.

5. Зависимость валентностно-предсказательной силы слова от разновидности языка, заложенной в носителе языка (информанте):

а) Величина смысловой информации при идентичности текстов, методики их угадывания и обработки полученных данных оказалась ниже в опытах с учащимися, чем в опытах со студентами. Это и понятно: учащиеся имеют более бедный тезаурус, чем студенты, и поэтому слово в их речевой деятельности обладает меньшей предсказательной силой, чем то же слово в речевой деятельности студентов.

б) Между уровнем знания носителя языка, прогнозирующей способностью слова и контекстом, диагностирующим это слово, существует взаимосвязь: чем слабее тезаурус, тем больше информации он извлекает из текста и тем меньше из слова, и наоборот. Действительно, человеку со слабым тезаурусом угадывать труднее — он хуже знает предсказуемость слова, поэтому он опирается при угадывании на синтаксическую информацию текста.

6. Зависимость валентностно-предсказательной силы слова от угадываемого контекста (речи):

а) Величина смысловой информации одного и того же слова меняется в зависимости от характера правого контекста, диагностирующего это слово. В связи с этим можно предположить, что в норме языка заложен некоторый инвариант предсказательной валентности слова, отражающий смысловую его информацию. Этот ненаблюдаемый инвариант при реализации его в речи дает наблюдаемые флуктуации – фиксируемые экспериментами количественные варианты, величина которых зависит и от правого контекста, и от его связей с оцениваемым словом.

б) Между прогнозирующей силой слова и глубиной правой смысловой валентности существует прямо пропорциональная зависимость: чем больше величина смысловой информации слова, тем большее число единиц диагностирующего контекста предсказывается данным словом.

в) Глубина смысловой валентности определяется, во-первых, семантикой единиц, входящих в диагностирующий контекст; во-вторых, их лексико-грамматическим разрядом; в-третьих, порядком слов.

Таким образом, функционирование слова происходит в условиях совокупного действия многих переменных, дополняющих и перекрывающих друг друга. Поэтому все рассмотренные явления следует квалифицировать, скорее, не как закономерности, а как тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

1) К. Шеннон, Предсказание и энтропия печатного английского текста, "Работы по теории информации и кибернетике". Пер. с англ., М., 1963.

2) Р.Г. Пиотровский. Информационные измерения языка, Л., 1968, стр. 4.

3) Р.Г. Пиотровский, Измерение семантической информации. "Психологические механизмы памяти и ее закономерности в процессе обучения". Харьков, 1970, стр. 181-182.

М.Д. Симонов

ПОНЯТИЕ "СЛОВА" В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале баунтовского говора)

I. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В этой статье мы ставим перед собой следующие задачи: во-первых, выявить по возможности полный набор живых эвенкийских аффиксов, во-вторых, выработать методику определения степени их грамма-

точности и на основе этой методики попытаться разделить аффиксы на словообразовательные и словоизменительные. Мы полагаем, что это разграничение можно будет использовать как операционный критерий для различения слова и словоформы.

Такое различие для эвенкийского языка теоретически не обсуждалось и не обосновывалось, поскольку эвенкийская лексика в теоретическом плане почти не изучалась. По словам В.А.Аврорина, в этой области "можно отметить лишь очень небольшое число работ, главным образом статей, посвященных лексическим связям с русским и некоторыми другими языками, а также статей, содержащих описание отдельных тематических разделов словаря".¹⁾ Основное внимание тунгусо-маньчжуроведов в области лексикологии было направлено на собиранье фактического материала. Разумеется, при составлении словарей и в описательных грамматиках вопрос о соотношении слова и словоформы решался, но он решался на интуитивном уровне, а поэтому в ряде случаев конкретные решения могут вызвать возражения.²⁾

В качестве материала исследования был использован текст, скопированный с магнитофонной ленты с помощью носительницы баунтовского говора С.И.Мордоновой (1953 г. рождения, студентка красноярского мединститута). Весь текст был проверен еще раз баунтовским эвенком В.М.Торгоновым (1941 г. рождения, студент новосибирской ВШШ). Общая длина текста примерно 17700 словоформ. Магнитофонные записи были получены нами в мае-июне 1972 года в Баунтовском районе Бурятской АССР (пп. Рассошино, Багдарин, Карафит, оленефермы Джилиндинского сельсовета). Записи представляют собой обыденную разговорную речь, полученную от людей различных возрастных, половых и образовательных групп.

2. СОСТАВЛЕНИЕ СПИСКА АФФИКСОВ

После морфологического разбора всего текста мы выделили 200 различных аффиксов. Выполняя морфологический анализ, мы опирались на характеристику аффиксов, представленную у Г.М.Василевич.³⁾ В сомнительных случаях мы обращались к информанту.

При составлении списка аффиксов мы столкнулись с проблемой: что считать отдельным аффиксом. Для эвенкийского языка этот вопрос остается нерешенным. Не имея возможности останавливаться на нем подробно, оговорим, в каких случаях мы будем говорить о формах одного и того же аффикса. Одним аффиксом мы считаем: 1) варианты, обусловленные фонетической позицией. Например, -ду -ту⁴⁾ да-

тельно-местный падеж': ДЮДУ 5) 'в чуме' и КАРАФТИТ ТУ 'в Карафтите'; 2) варианты, обусловленные морфологической позицией: а) с регулярным чередованием. Например, с чередованием Н в -ЧАН -ЧА 'пренебрежительность/уменьшительность': в одном морфологическом окружении (перед -ВИ -МИ 'своего') употребляется форма -ЧАН, в другом (перед -МИ 'пренебрежительность') - форма -ЧА, б) разные материально. Например, -СИ -РА 'настоящее совершенное время': -СИ только у глаголов БИ- 'быть' и Э- 'не', -РА у большинства остальных глаголов. Как фонетические, так и формологические варианты при различии в означаемых имеют общее означаемое и находятся в отношении дополнительного распределения. Но надо иметь в виду, что одному означаемому в эвенкийском языке часто соответствует несколько означаемых. Обоснованно провести границу между полисемией и омонимией аффиксов нередко бывает трудно. Мы делали это интуитивно. Так, например, отдельные аффиксы, омонимичные по Г.М.Василевич, мы рассматриваем как алломорфы. Например, -СКИ и -ТКИ для нас, в отличие от Г.М.Василевич, варианты одного и того же аффикса отпавительно-направительного падежа. Некоторые комплексы, представленные в словаре как один аффикс, мы разделяем на составляющие. Например, вместо -ННАВ, -ННАВУН, -ННАМ, -ННАН, -ННАП, -ННАТЫН мы выделяем -ННА 'повелительное наклонение' и соответствующие аффиксы лица.

В нашем тексте представлены аффиксы двух типов: 1) постфиксы, 2) инфиксы в постфиксах. Например, ОМОЛГИСАКАКУРВИ 'сыны мои'. -КАКУН -КАКУ инфигируется в -СА-Л -СА-Р 'собирательность'. Аффиксы этого типа имеют явно периферийный характер.

Не давая полного перечня аффиксов баунтовского говора из-за недостатка места, ограничимся алфавитным списком вновь выявленных нами аффиксов. Значения указываем сугубо приблизительно. В особо трудных случаях вместо описания значения приводим примеры употребления этих аффиксов.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ВЫЯВЛЕННЫХ АФФИКСОВ (не засвидетельствованных Г.М.Василевич)

- 1) - БЭ 'бы'.
- 2) -БАДЭН: КИЛТЫРЭЛЭ ДИНЭТЫН, ТАЛГАНЛАДИНЭТЫН, БИ СИЛБЭ, БЭЛЭСЭЛ БЭДЭН 'за хлебом, за мукой съездыт, за тем, что есть, тем более, что готовое'.
- 2) -ВА_{намер.} собираться что-либо сделать.
- 3) -ВА_{веде}: ЭМИ, ЭКУР, ЖЕРДИЛ ОНИ ВВОЧОЛ 'эти, как их, жерди,

- везде нарублены'.
- 5) -ВАСИН: ЭЧЭСВЭСИН НИНАКИНА ЭКСЭРЭ? 'ты собаку-то все равно не взял?'
- 6) -ВАСУН: ТЫРУЧЭМНИВЭСУН БИДИНЭН 'будет хотя бы помогать да-
вить оленя'.
- 7) -ВДИНА 'можно', 'разрешается'.
- 8) -ВЕТ 'ведь'.
- 9) -ВМАЛА: КАРАТАЛАЙ ДЭРЭНТЫКИН НЭНЭВМЭЛЭЧЭВ 'я его проводил
до верховья Каратала'.
- 10) -ВЧА каузатив.
- 11) -ГДА: ТАРИГДАН КЭРТИНДЕРЭН 'вон кричит'.
- 12) -ДА_{гл.} ;пить'.
- 13) -ДИ: ЭСИТКЭН ДОЛИНДОДИ ХАВАЛДЖЯРАН 'сейчас в Джилинде рабо-
тает' (локатив).
- 14) -ДЫ_{ср.} сравнительная степень прилагательных.
- 15) -ДЯЛИ 'пока', 'до того как'.
- 16) -ЖЭ 'же'.
- 17) -КАЛ_{усил.}: ДИКТЭЛДУ СОЛМИ - ОЛДОРКОЛ! 'с ягодой смешать -
во (ужас просто!)!'
- 18) -КАРА: ЭМИКЭРЭ, КУЧЭТ БОКЧИНАН 'если нет, кучей удержит'.
- 19) -КАТ 'наверно'.
- 20) -КИЯ 'наверно'.
- 21) -КСА_{усил.} аффикс логического ударения.
- 22) -КСАН передает отрицательное отношение говорящего к чьему-либо
действию.
- 23) -КСИ: ТАРИ НОНОЁЛ ДЯВАКСИДЯНКИТЫН, ГУНДЕРКЭЛ Это еще дав-
но ловили, говорили.
- 24) -КУН_{кон.} 'конечно'.
- 25) -ЛА_{усил.} '-то'.
- 26) -ЛИ_{вопр.} 'ли'.
- 27) -МА_{тж.} 'тот же'.
- 28) -МА_{ск.} 'скоро', 'в скором времени'.
- 29) -МАК_{х.} 'хотеть'.
- 30) -МАК_{прич.} аффикс причастия.
- 31) -МАКТА аффикс причастия.
- 32) -МАЛДЫ ср. различия в переводе: ЭРИ БЭЭ СУРУМЭЛДЫ
ТАРТЫКАКИ 'этот мужчина, видимо, поедет вон туда' и УГУЧАВНА-
МАЛДЫ СИГУ 'производитель, на котором уже ездили'.

- 33) -МАНДЭ аффикс уважительного отношения к тому, о чем говорится.
- 34) -МАР сравнительная степень.
- 35) -МАТ_{д.} аффикс деепричастия.
- 36) -МВА 'езде', 'повсюду'.
- 37) -МДА аффикс причастия.
- 38) -МИ_{пр.} 'пренебрежительность'.
- 39) -НАНА: ДЮНЭНЭЛБЭГУ? 'неужели сразу двух?'
- 40) -НДА 'ментально'.
- 41) -НИГТЫ аффикс причастия.
- 42) -НИИ аффикс деепричастия.
- 43) -НТА 'проводить (о времени года и т.п.)'.
- 44) -НТЧ 'ментально'.
- 45) -НУЧА 'пренебрежительность'.
- 46) -НЮН совместный падеж.
- 47) -НАН '-то', 'ведь'.
- 48) -НГИ 'мочь'.
- 49) -НДА: УЛДАЛТА БИНКИТЧН ЭРИ МЭННИНДЭЛДУ 'одеяла-то были у тех, кто умел выделывать'.
- 50) -НСА: ГИРАМДАЛВАНЧИГИ УЛИНСЭНКИВУН 'кости-то сразу же скармливали'.
- 51) -НТА: ХАВАЛИВУНТАНКИВ КОЛХОЗТУ 'использовали для себя в колхозе'.
- 52) -ПТУЛА аффикс причастия.
- 53) -ПТЪКАКИ указывает направление: 'прямо вон туда-то'.
- 54) -РА_{би} аффикс, употребляемый с глаголами БИ- 'быть' и Э- 'не': ЭСИТКЭН ИДУ ХАВАЛДЯННИ БИРЭН ГАЛЯ? 'сейчас где работает Галья?'; ЭРЭВ УСПЭЙДЭВЭР 'не успеть'.
- 55) -РТУ аффикс причастия.
- 56) -РКА временной аффикс.
- 57) -САМДА аффикс причастия.
- 58) -САН 'способность', 'умение'.
- 59) -СИДАМ аффикс причастия.
- 60) -СИМДА аффикс причастия.
- 61) -СЧО: ГОРОСЧОВО ТЭГЭТЧЭН 'очень долго он сидел'.
- 62) -Т_{кан} аффикс, употребляемый после -КАН, -КАКУН, -КУН в глагольных частях речи.
- 63) -Т_{н.} 'наверно'.
- 64) -Т_{усил.} 'ведь', 'же'.

- 65) -ТКАКИ эмфатическая форма направительно-отправительного падежа.
- 66) -ТО '-то'.
- 67) -ТЫ_{н.} 'наверно'.
- 68) -ЧИГИ 'вообще-то'.
- 69) -ЧИН_{д.} аффикс деепричастия.
- 70) -Ю аффикс усиления.
- 71) -Я_{гр.} аффикс собирательности.
- 72) -ЯКИ 'наверно'.

Для разграничения омонимии аффиксов, уже описанных Г.М.Василевич, мы приводим список употребляемых нами приаффиксальных индексов.

б.в. - будущее время; вид - глагольный вид; д. - деепричастие; дент. - деятель; дл. - длительность действия; др. - взаимность действия; ж. - 'женщина'; завер. - завершенность действия; ид. - 'идти'; люб. - 'любить'; м. - место действия или множественное число (при -л); мног. - многократность действия; н. - начало действия; нар. - усиление наречных значений; н.вр. - настоящее время; несам. - показывает, что субъект совершает действие не самостоятельно, а с чьей-либо помощью; об. - обычность действия; п. - падеж; пов. - повелительное наклонение; пр.в. - прошедшее время; прев. - превосходная степень; прид. - прилагательное; прич. - причастие; раз - повторительные числительные; стр. - страдательный залог; уб. - 'убивать'; усил. - усиление значений; х. - 'хотеть'; ц. - цель; числ. - числительное; шк. - 'шкура'.

3. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В основу нашего исследования положены три положения, которые интуитивно кажутся очевидными: 1) словоизменительные аффиксы меньше зависят от семантики основы, к которой они присоединяются, чем словообразовательные. Словоизменительные аффиксы могут употребляться с основами совершенно различными по семантике, в то время как сфера употребления словообразовательных аффиксов обычно ограничивается каким-то семантическим классом, 2) словоизменительные аффиксы в тексте, как правило, имеют большую частоту употребления, чем словообразовательные, 3) при постфиксации словоизменительные аффиксы в слове расположены правей словообразовательных.

Разумеется, ни одно из этих трех положений в отдельности не-

достаточно для разбиения аффиксов на словообразовательные и словоизменительные. Во-первых, иногда встречаются словообразовательные аффиксы, которые также мало зависят от семантики основы (например, в русском языке суффикс отыменных прилагательных -Н), во-вторых, встречаются словообразовательные аффиксы, которые по частотности превышают даже словоизменительные (ср., в русском языке суффиксы -ЕНИ(Е) -АНИ(Е) и -ОМ 'творительный падеж единственного числа'), в-третьих, зная, что словоизменительные постфиксы расположены в слове правее словообразовательных, мы не знаем, от какой точки вести этот отсчет. Кроме того, нельзя заранее исключить возможность того, что отдельные словоизменительные постфиксы находятся левее словообразовательных.

Поэтому в своей работе мы попробуем использовать для разграничения словоизменения и словообразования единство этих трех признаков (их коррелируем). Для этого предварительно формализуем каждое названное положение.

Первое положение. По тексту для каждого аффикса определим две величины: во-первых, общее количество употреблений данного аффикса (s (*summa*)), во-вторых, количество разных корней, с которыми встречается данный аффикс (v (*varius*)). Очевидно, что V/S . Отношение этих величин ($\frac{v}{s}$) будет характеризовать разнообразие корней, употребляемых с данным аффиксом. Чем это отношение ближе к 1, тем это разнообразие больше, чем ближе к 0, тем, наоборот, меньше.

Надо сказать, что отождествление корней в эвенкийском языке почти не вызывает затруднения. Специальных оговорок требуют лишь случаи с чередованиями. Мы будем считать две формы реализациями одного корня, 1) если они связаны свободным, но массовым чередованием (например, АВАЛ- ХАВАЛ- 'работать'. Обе формы для носителя баунтовского говора равноценны, причем чередование X \emptyset является массовым, так как все слова с гласным в анлауте могут получать в начале факультативное X)⁶⁾, 2) если эти формы связаны обязательным чередованием, обусловленным морфологической позицией корня. Меню звуков будем считать чередованием, в отличие от супплетивизма, если она присутствует хотя бы у двух корней. Например, Р \emptyset : ЭРГИТ - ЭДУ 'отсюда' - 'здесь'; ТАРИТ - ТАДУ 'оттуда' - 'там', ИРГИТ - ИДУ 'откуда?' - 'где?'; \emptyset Н: БИ 'я' - МИНДУ 'мне', СИ 'ты' - СИНДУ 'тебе', БУ 'мы' - МУНДУ 'нам', НУНАН 'он' - НУНАНДУН 'ему'; Б М: БИ 'я' - МИНДУ 'мне', БУ 'мы' - МУНДУ 'нам'.

Нахождение одной только величины $\frac{V}{S}$ недостаточно для нашей цели. Для пояснения рассмотрим два случая: 1) аффикс a_1 имеет $V = 100, S = 100$; 2) аффикс a_2 имеет $V = 1, S = 1$. В обоих случаях $\frac{V}{S} = 1$, хотя интуитивно ясно, что a_1 — словоизменительный, а a_2 — словообразовательный. Чтобы разграничить эти случаи, введем второе положение, позволяющее учесть частотность аффиксов.

Второе положение. Частотность будет учтена, если вместо $\frac{V}{S}$ ввести отношение $\frac{V-V}{S}$. Тогда для каждого аффикса можно будет определить коэффициент грамматичности (k) по формуле $k = \frac{V-V}{S}$. Содержательно k интерпретируется как место данного аффикса на шкале, крайними полюсами которой является явное словообразование и явное словоизменение. Понятно, что k у рассмотренных выше аффиксов a_1 и a_2 будут совершенно различны: для a_1 $k_1 = 0,9$, для a_2 $k_2 = 0$.

Следует отметить, что определение k по данной формуле предполагает текст строго определенной длины в каждом конкретном случае. Дело в том, что с каждым аффиксом используется определенное число корней. Когда длина выборки достигает некоторой критической величины, разнообразие корней, употребляемых с данным аффиксом (V), практически исчерпывается, и при дальнейшем увеличении выборки — S по-прежнему растет, V почти не увеличивается, а k постоянно уменьшается и становится непоказательным для определения грамматичности аффикса. Этот момент для разных аффиксов наступает в разное время. При определении оптимальной длины текста мы использовали определенную процедуру, описывать которую сейчас не имеем возможности. Суть ее состоит в том, что выборка признается достаточной, если при дальнейшем ее увеличении k начинает последовательно убывать.

Определив по формуле $k = \frac{V-V}{S}$ коэффициенты грамматичности для каждого аффикса, расположим аффиксы по степени убывания их коэффициентов, так чтобы крайний левый аффикс имел наибольший коэффициент, а крайний правый — наименьший. Тогда, естественно, аффиксы, расположенные слева, будут словоизменительными, а справа — словообразовательными. Но где именно между ними следует провести границу, мы пока что сказать не сможем. Для этого нужно использовать наше третье положение.

Третье положение. Для каждого аффикса мы должны определить его морфологическую позицию. Под морфологической позицией аффикса мы понимаем "порядок" в смысле Г. Глисона,⁷⁾ то есть номерной

знак того места, которое занимает данный аффикс, когда появляется в составе слова. В отличие от Г.Глисона, счет позиций мы ведем от конца к корню. Разные лексико-грамматические категории слов будут иметь разное количество морфологических позиций. Например, максимальная длина причастий на -РИ составляет 47, а финитных форм глагола - 33 морфологические позиции. При этом реальная максимальная длина слова в обоих случаях не превышает 10 аффиксов.

Теперь снова вернемся к последовательности аффиксов, расположенных по степени убывания их коэффициентов грамматичности: a_1, a_2, \dots, a_{200} . Мы не можем сказать, будет ли a_1 словообразовательным или словоизменительным. С полной уверенностью мы не можем это утверждать даже для a_2 , но уж самый левый аффикс a_1 не должен быть словообразовательным. Согласно нашему третьему положению, аффиксы, которые употребляются с тем же лексико-грамматическим типом слов, что и a_1 , и имеют равный с ним или меньший номер морфологической позиции, также не должны считаться словообразовательными. Все эти аффиксы мы отнесем к одному типу, который условно назовем I категорией словоизменительных аффиксов. Далее выделим интервал, в котором находятся коэффициенты грамматичности у этих аффиксов. Из числа оставшихся аффиксов отметим те, у которых k по своей величине входит в этот выделенный нами интервал. Данные аффиксы отнесем ко II категории словоизменения, а все остальные будем рассматривать как словообразовательные.

4. РАЗБИЕНИЕ АФФИКСОВ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНЫЕ

Объем нашего текста не во всех случаях предоставляет необходимую для вычисления k длину выборки L . Однако, для первого опыта исследования в данной области этот объем мы считаем достаточным. так как можем получить на нем L для всех наиболее употребительных аффиксов (56,6% от общего числа употреблений приходится на те аффиксы, для которых мы можем предоставить необходимое L). В остальных случаях пришлось ограничиться неполными выборками.

Из рассмотрения мы исключаем лишь небольшое число аффиксов, определенных на выборках недостаточной длины, которые по величине k резко отличаются от других аффиксов, входящих вместе с ними в одну парадигму.

СПИСОК АФФИКСОВ, ИСКЛЮЧЕННЫХ ИЗ РАССМОТРЕНИЯ

-БАДЭН, -ВА_{намер.}, -ВАСУН, -ВМАЛА, -ДЫН, -ДЯК_{прич.}, -КАРА, -КЕУН, -КСАН, -ЛИ_{вопр.}, -МАК_{прич.}, -МАКТА, -МАР, -МАТ_{др.}, -МВА, -МДА,

-НАН, -НИПТЫ, -НДА, -НТА, -НСА, -ПТЫКАКИ, -РИКТА, -САН, -СИДАМ, -СИМДА, -ЧАЛА, -ЧИНД. (в приводимом ниже списке аффиксов по величине к отмечены знаком "V").

Аффиксом с самым большим к по нашим данным оказался -МАК_{усил.} (0.722). Он употребляется с несколькими (но не со всеми) лексико-грамматическими классами слов, причем для каждого класса занимает разную по счету морфологическую позицию. Кроме того, в пределах одного слова -МАК_{усил.}, как и некоторые другие аффиксы, может употребляться в нескольких позициях. Из них в своем анализе мы учитываем позицию с наименьшим порядковым номером. У причастий типа -РИ -МАК_{усил.} занимает 29-ую позицию, у глагольно-именных форм типа -ВКИ - 19-ую, у глагольных форм типа -РАК и -ДАЦ. - 16-ую, у финитных глаголов - 15-ую, у деепричастий типа -МДАК - 12-ую, у деепричастий типа -МНАН - 19-ую, у повелительных глагольных форм - 13-ую.

Теперь выделим словоизменительные аффиксы I категории, т.е. те, которые занимают морфологическую позицию равную или меньшую, чем -МАК_{усил.} (в приведенном ниже списке аффиксов по величине к они отмечены знаком "|" слева от величины к). Анализируя полученную совокупность аффиксов, мы замечаем, что некоторые из них (такие, как -ГУ 'ли', -ВАЛ 'хоть', -КА 'же' и т.п.) традиционно не рассматриваются как словоизменительные, а считаются особыми суффиксальными частицами. При специальном рассмотрении этих аффиксов оказывается, что они употребляются со всеми лексико-грамматическими классами слов и при любом слове находятся в одной и той же морфологической позиции (в какой-либо от 1-ой до 5-ой). Естественно, что аффиксы, обладающие такими свойствами, не могут быть описаны через сложившееся к настоящему времени в лингвистике понятие "словоизменение". Мы считаем разумным выделить их, в соответствии с традицией тунгусоманьчжуроведения, в особый класс аффиксов - частицы (в списке аффиксов по величине к они отмечены дополнительным знаком "§"). Таким образом, первоначально выделенную группу условно словоизменительных аффиксов I категории мы можем разбить на две подгруппы: собственно словоизменительные аффиксы этой категории (отмечены знаком "|" без дополнительного "§") и частицы.

Перейдем к выделению словоизменительных аффиксов II категории. Интервал, в котором находятся коэффициенты грамматичности у аффиксов I категории - от 0,722 у -МАК_{усил.} до 0,218 у -ГИТ. Все нерас-

классифицированные еще аффиксы, у которых k находится в этом интервале, мы относим ко II категории, которую также называем словоизменительной. Однако в некоторых случаях такая интерпретация отдельных аффиксов противоречит традиционным взглядам. Это относится к таким аффиксам, как $-ЛА_{гл.}$, $-ЛДА$, $-КСА_{шк.}$ и т.п. (в списке они отмечены знаком ")."). Все они переводят слово в другой лексико-грамматический класс: существительное в глагол: БАГДАРИН - БАГДАРИ-ЛА - 'ехать в Багдарин', числительное в существительное: ДЮР 'два' - ДЮДЦЭ 'два дня'; одушевленное имя в неодушевленное: ГИВЧЭН 'косуля' - ГИВЧЭСЭ 'шкура косули' и т.д. Аффиксы, обладающие такими свойствами, обычно рассматриваются как словообразовательные. Чтобы избежать противоречия с традицией, кажется разумным наложить на формальное определение словоизменения еще одно содержательное ограничение: будем считать, что словоизменительный аффикс не может переводить слово в другой лексико-грамматический класс. В соответствии с этим аффиксы типа $-ЛА_{гл.}$, $-ЛДА$, $-КСА_{шк.}$ будем считать словообразовательными (отнесем их к I категории словообразования). Аффиксы без специальных отметок в списке аффиксов по величине k (см. ниже) с $k \geq 0,218$ являются словоизменительными II категории, аффиксы без специальных пометок с $k < 0,218$ - словообразовательными II категории.

Итак, разрабатывая свою методику, мы предполагали разбить аффиксы на два класса: словообразовательные и словоизменительные. Но применение этой методики к конкретному материалу с учетом уже существующих представлений привело к выделению трех классов, причем два из них получили по два подкласса:

- 1) частицы $/\xi|/$;
- 2) а) словоизменительные I категории $/|/$,
 б) словоизменительные II категории (без специального знака, причем $k \geq 0,218$) ;
- 3) а) словообразовательные I категории $/\bullet/$,
 б) словообразовательные II категории (без специального знака, причем $k < 0,218$).

Полученное разбиение аффиксов на частицы, словоизменительные и словообразовательные аффиксы практически не противоречит сложившейся в тунгусоманьчжуроведении традиции.

Ниже приводим список аффиксов по величине k .

СПИСОК АФФИКСОВ ПО ВЕЛИЧИНЕ КОЭФФИЦИЕНТА ГРАММАТИЧНОСТИ
(подчеркнутые аффиксы вычислены на полной выборке (L))

10,722 - МАК _{усил.}	10,643 - МИ _{пр.}	10,618 - <u>ВКИ</u>
10,721 - Т _{кан.}	10,642 - СУН	10,610 - Стл.мн.ч.
10,703 - ВАР	10,641 - ДЯ _{б.в.}	10,600 - ГАР
10,674 - Я _{гр.}	10,641 - ДЯЛ	10,598 - <u>ВА</u>
10,666 - ТАЙ	10,632 - ННА _{пов.}	10,597 - ВЕТ
10,657 - МАТ _{усил.}	10,628 - МАНДЭ	10,592 - ВАСИИ
10,647 - Т _{н.}	10,627 - ДА _{усил.}	10,592 - ННИ
0,645 - ВКАН	10,621 - ВДИНА	10,592 - РИ
0,591 - КУН _{кон.}	0,507 - КУН _{ув.}	10,449 - НДЫ
10,587 - ЖЭ	10,507 - НАН	10,445 - <u>КАЛДУ</u>
10,587 - <u>ЧИГИ</u>	10,507 - Стл.ед.ч.	0,444 - Внесам.
10,585 - ЛА _{усил.}	10,506 - ГЛА _{усил.}	10,444 - КТА _{пов.}
10,585 - НЮН	10,506 - НА _{д.}	10,439 - Т _{тв.}
10,581 - КАКУН	0,506 - Я _{нар.}	10,434 - <u>ДУ</u>
10,581 - МНАН	0,503 - Встр.	10,429 - П
10,573 - ТО	0,500 - ВЧА	10,423 - КНАН
10,569 - КАЛ _{усил.}	0,500 - ГЛА _{х.}	10,423 - ПТЫКИ
10,569 - КСА _{д.}	10,500 - ДАК	10,422 - <u>ТЫН</u>
10,564 - ТЫ _{н.}	10,500 - ДИ	10,416 - КСА _{усил.}
10,558 - <u>ДАЛ.</u>	10,500 - КАТ	10,416 - РАК
10,552 - КИЯ	10,500 - КТЫН	10,416 - ТКИ
10,552 - МДАК	10,500 - МАТ _{д.}	10,412 - Т _{усил.}
10,552 - <u>НАТ</u>	10,500 - НУЧА	10,411 - В _{гл.ед.ч.}
10,552 - <u>НКИ</u>	10,500 - ПТУЛА	10,408 - <u>ТЫ</u> _{усил.}
0,552 - <u>СИН</u>	0,500 - Т _{дл.}	0,403 - <u>С</u> _{вид.}
10,552 - Ю	10,500 - ЯКИ	10,400 - ДЯК _{м.}
0,546 - ЛДЫ	0,498 - Ё	0,395 - КИТ
10,544 - <u>ГУН</u>	10,490 - <u>ЛИ</u> _{п.}	0,394 - МНИ _{деят.}
0,544 - <u>НГИ</u>	0,490 - ЧИ	0,394 - НТА
10,544 - <u>ТКАКИ</u>	0,489 - <u>ТКАН</u>	0,394 - ТАЛ
10,543 - Т _{гл.мн.ч.}	10,488 - ВИ	0,390 - Л _{н.}
10,540 - <u>КАЛ</u> _{пов.}	10,487 - ДУК	10,382 - <u>М</u>
10,532 - НУН	0,483 - НА _{ид.}	10,374 - <u>Л</u> _{м.}
0,530 - ЛА _{гл.}	10,480 - ДАЛА	0,362 - ЛДА
0,530 - ЧИРА	10,477 - <u>ВАЛ</u>	10,355 - <u>НАСИ</u>
10,528 - <u>ВУН</u>	10,474 - МИ _{д.}	0,349 - ТКУ _{прев.}

0,526	-ЧА _{вид.}	§0,467	-ГУ	10,342	-ННА _{об.}
10,521	-КАН	10,462	-ЛА _{п.}	0,336	-РА _{отр.}
10,513	-КАЛДУ	10,460	-МА _{ск.}	0,335	-ЧАН
10,511	-НА _{прич.}	10,454	-Вгл.мн.ч.	§0,333	-КАНА
0,329	-ДЯ _{вид.}	•0,250	-КСА _{шк.}	VO	-КСАН
0,329	-КТА _{мног.}	0,233	-ТМАР	0	-КСИ
0,329	-НИ	0,218	-ГИТ	VO	-ЛИ _{вопр.}
10,327	-Яп.	0,197	-ДА _{гл.}	0	-МА _{уб.}
10,324	-КЛА	VO,197	-ДЯК _{прич.}	0	-МА _{люб.}
§0,319	-КА	0,197	-МАК _{х.}	VO	-МАК _{прич.}
10,318	-МАЛДН	VO,197	-МАКТА	VO	-МАР
•0,318	-РА _{раз.}	VO,197	-МАТ _{др.}	VO	-МВА
10,318	-САМДА	VO,197	-ЃТА	VO	-МДА
10,312	-ЧА _{пр.в.}	0,181	-МА _{тж.}	0	-МУ
10,296	-САЛ	0,177	-ГАН	VO	-НАН
§0,295	-БЭ	0,161	-МА _{прил.}	0	-НАНА
10,295	-ВА _{езде}	0,147	-ТКУ _{чис.}	VO	-НИПТЫ
0,295	-ДЫ _{ср.}	0,131	-ДЫ _{прил.}	VO	-ЃДА
•0,295	-И	0,084	-МНИ _{ж.}	VO	-ЃСА
10,295	-МАЛЧА	0,074	-РА _{си}	VO	-ПТЫКАКИ
0,295	-МАМА	V 0	-БАДЭН	0	-РАН
0,295	-НДА	V 0	-ВА _{намер.}	VO	-РИКТА
10,295	-НТЫ	V 0	-ВАСУН	VO	-САН
10,295	-РГУ	V 0	-ВМАЛА	VO	-СИДАМ
0,295	-СЧО	0	-ГДА	VO	-СИМДА
10,293	-ГАЧИН	0	-ГИ	0	-ТАНЭ
10,274	-РКА	0	-ДЯЛИ	0	-ТЭ
10,268	-Н	V 0	-ДЫН	VO	-ЧАЛА
10,261	-РА _{н.вр.}	V 0	-КАРА	0	-ЧИН _{пр.вр.}
0,258	-Т _{завер.}	V 0	-КВУН	VO	-ЧИН _{д.}
10,254	-ДИЃА	0	-КСА _{чис.}		

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1) В.А.Аврорин, Итоги и задачи изучения языков малых народностей сибирского севера, Сб. "Язык и фольклор народов сибирского севера", "Наука", М.-Л., 1966, стр.15.

2) См. об этом Симонов М.Д., Новые данные по лексике буантовских эвенков, (в печати).

3) Г.М.Василевич, Суффиксы и частицы. В кн. Г.М.Василевич, Эвенкийско-русский словарь, М., Гос.изд.иностр. и нац. словарей, 1958.

4) Проводимые в настоящее время автором статьи экспериментально-фонетические исследования показывают, что баунтовский говор по длительности гласных существенно отличается от других говоров, на основании которых сложилось традиционное представление о долготе в эвенкийском языке. Так как этот вопрос требует специального рассмотрения и к тому же долгота гласных в баунтовском говоре, видимо, почти не играет смыслообразительной роли, мы считаем возможным в данной статье не обозначить ее и не учитывать при анализе.

5) Вертикальной чертой мы обозначаем морфологические границы в слове.

6) Справедливость этого высказывания подтверждается экспериментальными данными, которые мы получили в последнее время.

7) Г.Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр.164-169, См. об этом И.И.Ревзин, Г.Д.Юлдашева, Грамматика порядков и ее использование, ВЯ, 1969, № 1, стр.42.

А.П.Дульзон

ПРАСАМОДИЙСКИЕ ФОРМАНТЫ ГЛАГОЛЬНОГО ЛИЦА

Изучение имеющихся вариантов личных окончаний глагола само-дийских языков и их диалектов позволяет реконструировать ту систему суффиксации прасамодийского времени, к которой восходят все эти варианты. Однако, достаточная степень надежности выводов может быть достигнута только в том случае, если будут учтены соответствующие факты языков близкого, более отдаленного и дальнего родства. Изучение родственных языков позволит отделить исконные общности от инноваций и выявить особенности ранее существовавших языковых подсистем, которые со временем перестраивались и исчезали. Языками близкого родства в данном случае являются финно-угорские, более отдаленного родства языки алтайские, а дальнего родства - енисейские.

Все многообразие личных окончаний глагола самодийских языков можно свести к двум основным сериям, выделенным впервые А. Кастреном - предикативные и possessивные.

I. Поссесивные суффиксы присоединяются к основам переходных глаголов для образования личных форм глагола и с незначительной модификацией употребляются для образования притяжательных форм имен существительных. Мы рассмотрим здесь только форманты лица глагола. Сводные данные по всем самодийским языкам содержит таблица I.

Таблица I

Личные суффиксы переходных глаголов при един. числе объекта (I), при двойств. или множ. числе объекта (2)

		Ненецк.		Энецк.		Нганас.		Селькуп.	Камас.
		I	2	I	2	I	2		
Ед.ч.	1л.	-в	-н	-б	-н	-мь	-на	-п(м)	-п(м)
	2л.	-р	-д	-р	-д	-рѣ	-та	-л	-л
	3л.	-да	-д	-да	-да	-ту	-ту	-т	-т
Дв.ч.	1л.	-ми'	-ни'	-би'	-н'	-ми	-ни	-и -ви	-бий
	2л.	-ри'	-ди'	-ри'	-ди'	-ри	-ти	-и(й)	-ий
	3л.	-ди'	-ди'	-ди'	-ди'	-ди	-ти	-ти(й)	-дий
Мн.ч.	1л.	-ва''	-на'	-ба''	-на''	-му''	-ну''	-мьт, -мьн	-бы''
	2л.	-ра''	-да''	-ра''	-да''	-ру''	-ту''	-лът, -лън	-ла''
	3л.	-ду'	-до'	-ду'	-ду'	-дун	-тун	-тът, -тън	-ден

Сравнивая эти форманты, нетрудно заметить их сходство. Но оно может быть случайным, а поэтому их тождество должно быть доказано. Форманты можно считать исторически тождественными, если они сводимы к одному архетипу фонетически при одинаковом принципе их построения.

Прежде всего надо выяснить принцип построения данной подсистемы. С этой целью нужно выбрать язык, в котором искомый принцип яснее всего выступает. В данном случае наиболее пригодными оказываются языки ненецкий или нганасанский.

Сравнивая формы глагольных окончаний по вертикали таблицы, т.е. по лицам и числам, мы замечаем, что одинаково образуются первые два лица, а третье образовано по-другому; ср. например: нган. ед.ч. -ме, -ре, -ту; множ.ч. - му'', -ру'', -тун, дун. Множ.ч. у первых двух лиц образовано посредством '', восходящего к -т, а у третье-

го лица посредством -н. Та же разница четко выступает в ненецком языке и прослеживается во всех остальных самодийских языках. Отсюда можно сделать вывод, что аффиксы лица двойного происхождения. Аффиксы первых двух лиц отместоименного происхождения; они совпадают с косвенной основой личных местоимений (ма, та), полностью сохранивших свою форму в сочетании с существительными (д есь-ма "мой отец", д есь-ра "твой отец"), а также в прошедшем времени глагола перед энклитикой с се, са, соответствующей кетскому -ес, -ас с тем же значением. Эта первая часть основы личных местоимений указывает только на лицо; вторая часть местоимений, полнее всего сохранившаяся в энецком (мо-ди "я", то-ди "ты", *са-ди *та-ди) определяет его класс (первоначально: "одушевленный, женский"). Двойственное число первых двух лиц образовано посредством ', входящего к н, которое сохранилось в окончании прошедшего времени ненецкого языка: мин, рин, дин.

При объяснении суффикса 3-го лица мы исходим из допущения, что он построен по тому же принципу, как и суффиксы первых двух лиц: он имеет общий источник с первой частью кетского указательного местоимения ту-ди "этот, тот" (кет. местоимение 3-го л. бу, буд, буда представлено только энецком бу и ненецком пуда). Согласный этого аффикса в сам. языках входит в ряд т д д, который можно возвести к т. Этот согласный, как и согласный элемент аффикса ы, у, у, делает вероятным его возведение к прото-енис. ту "этот по-дальше, тот" (ср. с этим кет. ки-д "этот по-ближе"). Отметим попутно, что аффикс 3-го лица имеет во множ.ч. в ненецком, селькупском, энецком и камасинском языках показатель н, совпадающий с кетским; ср. кет. ту, туди "этот, тот", мн.ч. ту-не; нган. имеет показатель н (ту-н), совпадающий с кетским бу-н "они".

Сравним теперь формы суффиксов по горизонтали таблицы, употребляемые в зависимости от наличия объекта - одного, двух, многих - или же отсутствия его при переходном значении глагола; в ненецком мы имеем: 1л. ва-с, на-с, ва-т-с; 2л. ра-с, да-с, на-с; 3 л. да-с, да-с, -т-с. В настоящее время эти суффиксы фузионные; они противоречат основному принципу построения самодийских языков (агглютинации). Это различие в звуковом оформлении аффиксов с одинаковым значением должно было возникнуть из слияния двух первоначально различных аффиксов - лица и класса объекта. Для ед.числа объекта можно предположить бывшее наличие аффикса б (сохранившегося в виде м в вин.падеже), для двойст.чис-

ла показателя н и для мн.ч. показателя т.

Легче всего объясняется окончание I-го лица ед. числа для ед, числа объекта: -ва -б-ба, в котором после перехода б в в произошло сокращение долгого в (-вва -ва). Сложнее обстоит с объяснением аффикса н при двойст. или множ. числе объекта. Он должен был содержать указание на лицо обладателя, т.е. аффикс б, и указание на класс объекта, т.е. аффикс н (дв.ч.) или аффикс т (мн.ч.). Иначе говоря, ненецкое н в окончании I-го л. ед.ч. при двойственном и множественном числах объекта восходит либо к нб бн, либо к тб бт. Второе допущение (тб бт) отпадает, так как из него без больших натяжек нельзя объяснить возникновение н. Преобладание прогрессивной ассимиляции в этом языке и аналогия с формой для единичного объекта делает наиболее вероятным следующий ход развития: нб нн н. Таким образом, показатель дв.числа н стал совмещать функцию показателя лица глагольного действия. Кроме того, н совмещает функцию показателя объекта множ.числа.

Согласный окончания 2-го лица входит в ряд чередования т д д р л лр, который можно возвести к т; судя по форме множественного и двойственного чисел, в ед. числе суффикс кончался на гласный (он сохранен в нганасанском). Этот суффикс га- представляет собой первый элемент личного местоимения 2-го лица; ср. энецк. то-ди "ты". В ряде отдаленно родственных языков это т представлено звуком к х р с.

II. Предикативные суффиксы присоединяются к основам непереходных глаголов для образования личных форм и к основам имен, когда они выступают в предложении в функции предикатива. Форманты лица глагола приведены в сводной таблице 2:

У предикативных аффиксов, как и у possessивных, четко отличается образование первых двух лиц от третьего. 3-е лицо особого показателя не имеет. В селькупском, как и в камасинском, суффикс 3-го л. множ. числа перешел сюда из possessивной серии.

Суффиксы первых двух лиц отместоименного происхождения, но в отличие от possessивных суффиксов, содержащих только показатель лица, предикативные суффиксы сохранили кроме этого следы бывших показателей класса. В отношении формы I-го лица ед. числа это утверждение кажется очевидным. Это окончание (за исключением селькупского) можно свести к одному архетипу. Яснее всего его **бл**ой состав выступает в нганасанском, где его форма -дм' или -м'

Личные суффиксы аориста непереходных глаголов

	Ненецк.	Энецк.	Нганас.	Селькуп.	Камас.
Ед.ч.	Ил. -м', -дм'	-д'	-м	-к, -н,	-м
	2л. -н	-д	-н	-нты	-т
	3л. -	-	-	-	-
Дв.ч.	Ил. -ни'	-б'', и' ви'	-ми	-и ви	-вей
	2л. -ди'	-ри'	-ри	-ли(й)	-лей
	3л. -х	-хи'	-гъй	-ки(й)	-гей
Мн.ч.	Ил. -ва''	-ба''	-му''	-мыт, -мын	-ва''
	2л. -да''	-ра''	-ру''	-лыт, -лын	-ла''
	3л. -''	-''	-''	-тыт, -тын	-ден

должна быть возведена к -(д)мын, что подтверждается окончанием того же лица в прошедшем времени (-ман-с), где первоначальный конечный согласный под защитой энклитики (с), сохранился. Это н можно идентифицировать с енис. классным показателем д, назализация которого привела также к назализации начального б (т.е. мын *ба-д). Так как при переходном значении глагола звук м в окончании I-го лица может появиться только вследствие ассимиляции, то регулярное м у непереходных глаголов самодийских языков указывает на былое наличие звука н.

Интересен компонент д, который в ненецком встречается только в I-м лице ед. числа и с чисто формальной точки зрения может рассматриваться как компонент окончания этого лица. И. Шебештьен правильно устанавливает, что это д восходит к т и с понятием лица первоначально не связывалось. Однако данное положение можно считать установленным только в том случае, если будет доказано, что этот компонент появляется также и в других лицах. Как нам кажется, для ненецкого языка это можно доказать следующим образом.

Окончание -вац I-го л. ед.ч. прош. времени безобъектного спряжения следует членить как -ват-с, а отсюда выходит, что окончание того же лица в ед. числе настоящего времени -в'' восходит к *ват *ван-т. Это окончание идентично окончанию I-го лица аориста непереходных глаголов -дм', где м б перед н ('), т.е. это

окончание восходит к -д-бан. Отсюда видно также, что дм' равно в" и '' равно компоненту д т. Но кроме I-го лица этот компонент окончания первого лица в безоъектном спряжении встречается также и в 3-м лице (-"). Можно думать, что во 2-ом лице он исчез в соседстве с н. Исходя из сказанного, энецкое окончание I-го лица ед. числа -д' можно возвести к *тун, которое возникло из *тмн твн, т.е. полностью идентично ненецкому -дм'. В нганасанском компонент т д входит в форму всех лиц, ср. спряжение глагола "живу".

нганас.	ненецк. (Ямал.)	селькуп.
Iл. н илытым	илем'	илан, иллан, илак, елак
2л. н илытын	илен	илант, иллиандъ, еланд, ил'ет
3л. н илыты	иле	илын, иллын, ела:, иллын, еііа:
Iл. н илытыми	илени''	иллай, иллон, илло, ило, елай
2л. н илытыр'и	иледи''	иллыл'и, иллал'и
3л. н илытигай	илена а	илак, илагъ, ила:ди, иллади
Iл. н илытымы''	илева''	иллут, иллаутъ, илывот, илот, илафте, ил'омын
2л. н илытыры	иледа''	илалте, ил'олын, илалът
3л. н илыты''	иле''	иллат, иллатъ, илладът, иллатъ, ил'оты, ил'отын

Как видно из таблицы, в селькупском языке компонент основы л часто удваивается; возможно, что это рефлекс былого наличия звука т.

Окончание I-го лица селькупского языка (к, н) асимметрично: из формы мн.ч. (мы-т), как и из формы дв.числа (и ви ми), в I-м лице ед. числа следовало бы ожидать окончание м.

Окончание 2-го лица ед. числа можно возвести к -нты, фактически имеющемуся в селькупском языке. Исходя из указанных выше межъязыковых соответствий это окончание возводимо к прото-енис. -дты ты-д или та-д, в котором д - классный показатель, а та - показатель 2-го лица. Неясным остается окончание н в нганасанском. Оно может восходить к варианту прото-енис. показателя 2-го лица *ки-д (нк кн ка-д, ки-д). Отметим еще, что соседство с н помешало переходу т р в нганасанском и энецком.

Среди личных окончаний двойственного числа из системы выпада-

ет I лицо в ненецком -ни', вместо которого следовало бы ожидать ми'. Скорее всего эту форму надо объяснить ассимиляцией с конечным н, т.е. *нин *мин. Сохранение о в селькупском -ви, в энецком -би и камас, - бий можно объяснить ранним исчезновением показателя дв.числа н, предположительно через следующие ступени: би-н би-јби-й би.

Любопытен показатель 3-го лица к в двойственном числе. Исходя из того, что суффикс н выражал в одних урало-алтайских языках ограничение по количеству, а в других ограничение по охвату пространства (имеются в виду эксклюзивные формы на н и инклюзивные на т), можно думать, что это окончание восходит к прото-енис. *ки-д "Этот, близкий", наличному в кетском в виде кид.

Самодийские языки, в особенности ненецкий и нганасанский, обладают чрезвычайно сложной системой формообразующей аффиксации глагола, которая в историческом плане может быть изложена только при монографическом исследовании. Приведенные в данной статье соображения, по мнению автора, могут быть полезными для установления пути к разрешению этой весьма интересной проблемы.

А.И.Кузьмина

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАНИИ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

(о превращении некоторых полнозначных слов
селькупского языка в суффиксы)

Селькупский язык, относящийся наряду с вымирающим камасинским к южной группе самодийских языков, является фактически языком бесписьменным, хотя некоторые ученые относят его к младописьменным языкам СССР.¹⁾ Будучи расселенными на огромной территории Обь-енисейского междуречья и проживая изолированными, не связанными экономически и не имеющими межъязыкового контакта небольшими группами, селькупы не создали единого общенародного языка и до настоящего времени в повседневной жизни используют существенно различающиеся между собой диалекты и говоры, соответственно той исторической (племенной) группе, к которой они относились раньше. А.П.Дульзон назвал пять таких исторических групп, представляющих собой, по его предположению, остатки прежних племен, выделяющих себя из общей массы населения в соответствии с былыми родовыми подразделениями при помощи определенного самоназвания:

сö1'куп - на Тазе и Енисее, чумы1'куп - на Васюгане и Тыме, сүсү - кум - на Кети, шöшкүм, шöшкүп - на Оби выше Нарыма, т'үйкүм - на нижнем течении Чулыма.²⁾ Следует указать, что существует еще одна - шестая историческая группа, так называемые ларьякские селькупы, именующие себя ш'ö: лкүм, проживающие в настоящее время главным образом в Пуровском районе Ямало-Ненецкого национального округа (320 человек) и отчасти по р.Вах.

Ларьякские селькупы не были ранее описаны ни одним из лингвистов, занимающихся изучением самодийских языков, а между тем их язык представляет значительный интерес. Язык этой группы был исследован нами в 1968-1969 гг. В данной работе основные выводы сделаны на основе анализа записанных нами в ежегодных лингвистических экспедициях с 1962 по 1973 г.г. материалов по 22 говорам селькупского языка, в том числе также двух говоров ларьякских селькупов.

Изучение селькупского языка, сбор материалов в самых труднодоступных местах расселения селькупов диктуется в настоящее время крайней необходимостью. Состояние селькупского языка с каждым годом изменяется: постепенно уходят из языка то те, то иные архаические явления. Например, в речи молодого поколения происходит постепенная замена категории двойственного числа множественным; становится обычным явлением двойное выражение притяжательности: при помощи лично-притяжательных суффиксов (архаического способа) и лично-притяжательных местоимений в препозиции (относительно нового явления для селькупского языка); по аналогии с русским языком выражение лица и числа осуществляется при помощи дополнительных средств - употребление личных местоимений, в то время как ранее селькупы ограничивались для этой цели лишь глагольными показателями лица и числа; усложняется структура предложений за счет появления сочинительной и подчинительной связи в предложениях с использованием заимствованных из русского языка союзов; все чаще наблюдается нарушение исконного для селькупов порядка слов в предложении. Из года в год растет словарный состав селькупского языка: он обогащается за счет неологизмов, заимствования лексики и элементов других уровней из смежных языков и, в первую очередь, русского языка. Неологизмы, возникающие из составных частей родного языка, различных его диалектов, стали образовываться по новым, ранее не свойственным селькупскому языку моделям. Изменяется соотношение между существовавшими ранее способами словопроиз-

водства.

Селькупский язык не обладает такой разнообразной системой способов словообразования, как это присуще русскому языку,³⁾ однако все основные типы образования новых слов — морфологический, синтаксический, включающий в себя разные виды словосложения, семантический (распад слов на омонимы), а также ряд смешанных типов — в большей или меньшей степени представлены в селькупском языке.⁴⁾ Ряд из них возник в селькупском языке благодаря воздействию русского языка. Тем не менее следует отметить, что способы словопроизводства современного селькупского и русского языков существенно отличаются друг от друга. Если сравнить тот удельный вес, который занимает каждый из вышеперечисленных типов в русском и селькупском языках, то также можно обнаружить большие различия. Так, в русском языке слова образуются главным образом посредством особых морфем (префиксов, суффиксов), в селькупском же языке методы префиксации, а также инфиксации отсутствуют совершенно, а методу суффиксации среди всех остальных отведено незначительное место. Морфологический способ в истории селькупского языка никогда не играл ведущую роль. Потенциальные возможности расширения словообразования в селькупском языке можно было искать главным образом в словосложении и отчасти в образовании слов путем категориального перехода. Большое значение имела субстантивация.

Преимущественное использование того или иного метода при образовании новых слов зависит от того, к какой части речи они относятся. Каждая категория слов селькупского языка характеризуется своей собственной системой словообразования. Задача данной работы охарактеризовать в самых общих чертах словообразование имен существительных селькупского языка, показать, как один из ведущих типов словообразования — синтаксический — начинает в ряде говоров уступать свои позиции морфологическому типу; описать процесс превращения некоторых полнозначных слов в суффиксы.

Ведущим, основным способом словообразования имен существительных для большинства диалектов и говоров селькупского языка в настоящее время является один из синтаксических способов, а именно: словообразование имен существительных по типу подчинения первого компонента второму, причем в качестве первого компонента могут выступать прилагательные, причастия, местоимения, числительные, имена существительные в родительном падеже безличного

или лично-притяжательного склонения, глагольная основа. Приведем примеры. 1. Сложные существительные, в которых первым компонентом являются производные прилагательные: ну:л'де:л 'праздник' (дословно - 'божий дом'), там'д'е:л'е д'е:л и:бкай ну:л'д'е:л 'сегодня большой праздник'; пўйсейла, пўйсейла 'бусинки' (дословно - 'каменные глаза'); пил'ейбо:, пл'ейбо: 'вилы', где бо:, по: 'дерево', пил'ей - производное прилагательное от заимствованного из русского языка существительного. (В.Обь, Новосондрово); т'уйма:т 'карамо' (дословно - 'земляной дом'); т'абелкуп 'мужчина' ('мужской человек') (Ср. Обь, Иванкино). Первым компонентом могут быть также корневые прилагательные: кыба'мала, кыба'мыла 'дети'; варгкум, варгкум 'богач' ('богатый человек') (В.Обь, Новосондрово).

2. Сложные существительные, в которых первым компонентом является существительное в родительном падеже безличного или лично-притяжательного склонения: нункваја 'белый свет' ('бога двор') (Новосондрово), нукваја (Иванкино); пўссай 'бусинка' ('камень глаз') (сай 'глаз', пўс - из пў -т, родительный падеж от слова пў 'камень'); и:ндьма 'сноха' ('сына ее жена'), где и: 'сын', -нд- суффикс род.падежа лично-притяжательного склонения 3-го лица ед.ч.

3. Сложные слова, в которых первым компонентом является причастие: ме: содимы 'работа', где первый компонент является причастием от глагола ме:гу 'делать', мы - 'дело, вещь, штука'. ман ме:содимым коц'инг јен 'у меня дел (работы) много'; ас тан ме: содимыл 'не твое дело'; кўассодимы 'убийство', кусодимы 'смерть, умирание'; сьгетсодимы 'удавление', где первый компонент является причастием от глаголов кўатку 'убить', кугу 'умереть', сьгетку 'удавить'; ме на:ни ко зай, кай ме:зу ви кўассодимыҫыңдо, сьгетсодимыҫыңдо тау зан 'наш хозяин, который выкупил нас с тобой от смерти (от убийства и удавления).

4. Сложные слова, в которых первым компонентом является основа глагола: а:мдъко: 'царь', где амдъ - основа глагола а:мдъку 'сидеть'.

Значительный удельный вес в селькупском языке, как и в венгерском,⁵⁾ занимает морфолого-синтаксический способ словообразования, т.е. образование слов путем категориального перехода (субстантивация, адъективация, адвербиализация). Субстантивации могут подвергаться прилагательные (сомамы чьыггы 'хорошее мое отсутствует') (Таз), местоимения (кайламы и:гу 'что-то мое взять',

где кай – вопросительное местоимение, –ла – показатель множественного числа имен существительных, –мы – показатель принадлежности I-го л. ед. ч., –м – показатель винительного падежа ед. ч., числительные уккырма е:нгга 'один мой есть' (Таз), пб:не гесса ми:кунун тб:нджа, шь д'эви амджа 'колдун придет, двоих (час) съест (Тогур).

Сложных имен существительных, образованных по типу сочинения компонентов (парные имена существительные по терминологии К.Е.Майтинской)⁶ в селькупском языке, в противоположность венгерскому, чрезвычайно мало (несколько больше десятка), а в некоторых глазо-рах они вообще отсутствуют: пи д'е:л 'сутки, денек', где пи:'ночь', д'е:л 'день'; следует отметить, однако, что наряду с приведенной формой широко употребляются и варианты, образованные по типу подчинения: пил'те:л, пил' д'е:л, причем намечается тенденция к вытеснению первых вторыми. Приведем примеры: ка:лымбиди пи д'е:л ман те зе т'Алымпанг 'последний оставшийся денечек я с вами разговариваю'; ман т'енгга сатшум пил д'е:л со:ц'канг когыдилакс 'я тебе в трудный день хорошо пригожусь' (Новосондрово); пил' т'е:л'Аынто 'с тех ночей и дней' (Тибинак); апсоткей, апсоткей-мы, апсоткейпизагла 'пища' (еда и питье, напитки') (Новосондрово); поне-ма:тть 'езде', т.е. на улице и дома, на улицу и в дом'.

Некоторые из таких парных имен представляют собой непрочные соединения компонентов с возможным изменением их расположения, например, кунтимонтысанг 'по пояс' наряду с монтыкунтысанг: а ватть ку'ла кунтимонтысанг консел'д'з'и кватть 'другие люди по пояс (из воды) выскакивают' (Новосондрово).

В ряде случаев встречаются окказиональные парные слова, например, Ү:дика; такое имя дает перед смертью мальчик (герой сказки) своей матери, которая утром и вечером будет выходить на улицу, но больше никогда не увидит своего ребенка, Ү:ди – вечерний, ка – сокращенная форма от ка'ри 'утренний'.

Наиболее древним способом образования сложных слов, ныне занимающим относительно небольшой удельный вес среди других способов, но бывшим некогда ведущим в селькупском языке, является неформальное словосложение, т.е. присоединение существительного в основной форме (в именительном падеже ед. ч. без притяжательного окончания) к другому существительному.

Ряд слов, возникших по этой модели в более отдаленные времена, чрезвычайно употребительны, они относятся к терминам родства

и свойства, например: и:га и: 'внук' (по сыну), т.е. сыночек - сын; и:га - ласкательно-уменьшительная форма имени существительного и: с суффиксом -га. Здесь двумя компонентами сложного слова, связь между которыми не оформлена морфологически, выражается одно понятие 'внук, сына сын'; не:га и 'внук' (по дочери); не:- 'дочь', -га - уменьшительный суффикс, и: 'сын'; и:га н'е: 'внучка' (по сыну), дословно: 'сыночек-дочь'; не:га не: 'внучка' (по дочери), дословно: 'дочка-дочь'. ман на:н нагур не:ун не:га и:W, окыр не:га не:у и тетт и:га и:W 'у меня три внука по дочери, одна внучка по дочери и четыре внука по сыну'. Довольно часто в речи встречаются и слова типа кышкасай 'звезда', дословно 'созвездия - глаз'; чопырай 'ягодка', где чопыр - 'ягода' (Напас).

Другие же древние слова, образование по данной модели, бытуют в основном только в речи старшего поколения и далеко не во всех говорах селькупского языка; к ним относятся названия одного из двух парных слов, обозначающих органы чувств или части тела человека и животных: пелесай 'глаз', дословно: 'половина - глаз'. Это слово употребляется для обозначения одного глаза в противоположность слову сай, которое, имея грамматическую форму единственного числа, передает понятие 'глаза', точнее двух глаз, обоих глаз, так как в сознании селькупов старшего поколения, как и современных венгров, монголов и некоторых других народов, еще живо и довольно устойчиво представление о неразрывности двух компонентов, составляющих одно целое; парные существительные в селькупском языке не только по внешней форме, но и в сознании носителей этого языка существуют как неделимое единство. Сравни: венгерский szem 'глаза', felszem 'глаз' (дословно: 'половина глаза'); пелеот 'рука', дословно: 'половина руки'; пелегоп 'нога', пелеко 'ухо'.

Количество слов, созданных по этой модели в более позднее время, относительно мало, однако частотность употребления некоторых из них значительно выше слов, описанной нами группы, например, бтто:п 'берег', дословно: 'вода, край'; пар бт, парут, наряду с парити бт 'водка' (дословно: 'горечь - вода') (Ласкино); вандьмут'и: 'полотенце' (вандь - 'лицо' (Иванкино); ман тычопыр 'брусника' (чопыр 'ягода') (Тогур); то сой 'исток озера' (то 'озеро', сой 'шея, исток'); кадепо: 'елка' (по - 'дерево'); пў:аджика 'филин' (Тогур); белджьбб 'точильный камень' (столб - камень)

(Ласкино).

Данный тип словообразования был когда-то продуктивным, так как в древнеселькупском языке, как и в других самодийских языках,⁷⁾ вероятно, было вполне допустимым использование словосочетаний, состоящих из двух имен существительных, первое из которых стояло в основной форме (в им.падеже ед.ч.) и выполняло функцию определения ко второму слову. "...Такой способ образования словосочетаний был характерным и для финно-угорского языка-основы и применяется до сих пор во многих современных финно-угорских языках. Некоторые из этих языков, например, прибалтийско-финские, уже знают согласование определения с определяемым, но сложные слова до сих пор образуются по типу старых словосочетаний с неоформленным определением".⁸⁾ Аналогичную картину можно отметить и в селькупском языке, для которого использование согласованных определений является уже нормой, а не согласованного - в большинстве говоров - исключением.

В настоящее время в селькупском языке возможности использования самостоятельного существительного в основной форме в качестве определения чрезвычайно ограничены. В таких словосочетаниях они вытесняются существительными в родительном падеже. Поэтому новых слов, образованных по модели "неоформленное словосложение" в селькупском языке очень мало, а те, которые существуют, часто заменяются или сложными словами, образованными по типу подчинения первого компонента второму с именем существительным в родительном падеже или производным (относительным) прилагательным в качестве первого компонента, или словосочетаниями, образованными по аналогичной модели. Так сложные слова типа олтар 'волосы', дословно: 'голова-шерсть', т'усай (В.Обь), т'уай (Парабель) 'искра', дословно: 'огонь - глаз'; т'а'б'сай (старосондрово) 'лист', дословно: 'листва - глаз' в речи молодого поколения селькупов Средней Оби и Тьма вытесняются сложными словами: 'олыттар, где -т - показатель род.пад.ед.ч. безличного склонения; ту1'ай, т'уйсай искра'; чабынай, чабын ай, т'а':бытсай 'лист' (Напас, Мулешка, Сагандуково). Сложные слова типа ко н'артар 'шерсть овцы', дословно: 'овца - шерсть' (Старосондрово) вытесняются словосочетаниями типа ко н'арат тар 'овечья шерсть', где -т - показатель род.пад. определяющего слова.

В связи с этим можно сделать вывод, что способ неоформленного словосложения уходит на задний план; из очень распространен-

ного типа словообразования становится непродуктивным в целом ряде южных диалектов селькупского языка. В северных же говорах (сидоровском, красноселькупском, толькинском, баишенском, елогуйском, пакулиховском, ларьякских), в местах наименьших контактов с русскими, данный способ словосложения является еще живым, хотя степень его распространения по сравнению с другими способами незначительна. Вполне понятно, что новых слов, образованных по этой модели, чрезвычайно мало, особенно в южных говорах.

Словообразование в селькупском языке более сближается с лексикологией, чем с морфологией. В отличие от русского языка, где слова "образуются в основном посредством морфем",⁹⁾ селькупскому языку более древнего периода несвойственно было обогащение лексического запаса за счет образования производных слов, т.е. морфологическим способом словопроизводства; количество суффиксов, с помощью которых можно было создавать производные имена существительные, было невелико. Так, Г.Н.Прокофьев¹⁰⁾ выделяет всего два суффикса, участвующих в образовании имен существительных от именных основ: уменьшительный -ла, -ја (в южных диалектах ему соответствует -ка), и суффикс необладания -кыта, которые чрезвычайно продуктивны во всех диалектах и в настоящее время, и две группы суффиксов - от глагольных основ: -птя, -тя, -я и -пса, -са, которые, являясь продуктивными для тазовского диалекта, начинают переходить в разряд непродуктивных в целом ряде южных говоров селькупского языка, например, нижнекетского, средне- и верхнеобского диалектов. В современном селькупском языке морфологический способ словопроизводства начинает постепенно входить в систему тех или иных диалектов: одновременно с утратой былой продуктивности одних суффиксов в ходе развития языка появляются новые; так в среднеобском и кетском диалектах для определенной семантической группы слов для выражения собирательного понятия (обозначение групп деревьев одной породы, трав и т.д.) становится продуктивным суффикс -сак (-санг, -сак, -сык, -зак, -занг, -шак, -шанг, -жак, -жанг), например: ты 'дыжак 'кедровник', 'кедровая роша', шунгкшак, шунгжанг 'ракетник', у:тьпыжанг 'роша из тополей', ка: дежак, Ку:ттасанг 'еловая роша', кWe:лзак, кWe:нзанг 'березник', кWe:лзаккын 'в сосняке', н'аркызак 'тальник', н'уджсак 'трава', па:несынг 'коса (волосы женщины)'. Этот суффикс, как показатель собирательности, по всей вероятности, вторичного происхождения.

Мы полагаем, что он возник в результате переосмысления, сужения значения этого суффикса как обычного показателя множественного числа в некоторых древних самодийских языках.¹¹⁾ В камасинском языке суффикс -санг, -сѣнг, -занг, -зѣнг и в настоящее время выступает как один из показателей множественного числа.¹²⁾

Ряд суффиксов, возникающих или возникших в современном селькупском языке, возводятся к отдельным словам, которые являлись обычно вторым компонентом сложных слов или входили в какие-либо типизованные словосочетания. Одним из новых способов образования слов в селькупском языке, возникших в последние годы, является словообразование посредством полусуффиксов, т.е. словообразовательных морфем, которые наряду с этим одновременно продолжают выступать в языке как слова, имеющие самостоятельное значение. Следует отметить, однако, что такой способ словообразования наиболее распространен в северных диалектах (Тазовском, ларьякском), и почти не характерен для южных диалектов. Северные диалекты в этом отношении, по всей вероятности, сохраняют более архаичное состояние. Основой для создания полусуффиксов послужили вторые компоненты сложных слов, возникших путем неформального словосложения по типу подчинения компонентов, реже - притяжательно-оформленного словосложения, а также сложных существительных, первым компонентом которых является производное прилагательное, образованное из имени существительного посредством суффикса -і.

Процесс превращения некоторых полнозначных слов в суффиксы, который мы наблюдаем в современном селькупском языке, был отмечен еще в 30-х годах Г.Н.Прокофьевым.¹³⁾ (См. анализ слов утырмо 'волок', атырмо 'атарма', пурма 'ток глухарей, тетеревов и не н'а 'сестра', тим н'а 'брат', которые Г.Н.Прокофьев относит к древним словообразованиям, возникшим из словосочетаний).

В речи носителей тазовского диалекта селькупского языка нами зафиксирован ряд слов типа лака 'шарик, мяч, круглешок', липы 'часть, кусок', къ ш, къ ш 'половина (поперечная)', ко та 'мешок', токты 'кряж' и др., часто встречающихся, наряду с употреблением в самостоятельном значении, в качестве последних компонентов сложных слов, образованных по модели подчинения первого компонента второму (неформальное словосложение) или типизованных словосочетаний, которые начинают выполнять также функцию суффикса в производных именах существительных. Некоторые из них начинают уже выходить из употребления как самостоятельные слова, превра-

щаясь постепенно из полусуффиксов в суффиксы имен существительных.

Наиболее распространенным из них является слово лака 'шрик, мяч'.¹⁴⁴ употребляясь в предложении в сочетании с различными (существительными и прилагательными, выполняющими функцию определения, лака передает широкий диапазон значений, как правило, связанных с представлением о чем-то круглом, овальном, округленно-родо-говатом: 'ком, комок, штука, куча, кучка, пачка, кисть, гроздь, лужа, копна, клочок, кусок и др.'. Проиллюстрируем это примерами: пуллака 'большой камень', ту'пурыши' лака 'огненный факел, головешка', олы'лака, олы'лака ми 'голова, череп', лы'лака 'кость', н'ан'ил лака 'кусок хлеба', тукрыл лака 'древесные опилки', пол лака 'чурка древесная', улка' лака 'кусок льда', шуты' лака 'лопатка' w чил' лака 'кусок мяса', с'кы топрыл' лака 'кисть, гроздь черной смородины', омдырс по:л'лака 'сиденье (чурбан)'. Вследствие частого употребления с именем существительным в основной форме слова лака, выполняющее обычно функцию определяемого слова, сливается с определяющим и выступает уже в качестве суффикса производного слова с нейтральной (разговорной) стилистической характеристикой; основное ударение, которое обычно падает в слове лака на первый слог, в производном слове нередко переносится на последний, превращаясь во второстепенное, например, ча :тылака 'колотушка для сбивания орехов с дерева', ш'е:кылака 'клубок ниток', ть ттылака 'бугор земли', па :рылака 'верхушка', контылака 'корни'.

В ряде случаев лака придает слову пренебрежительный оттенок, слово получает несколько сниженную стилистическую характеристику, особенно это наблюдается при обозначении частей тела (обычно в сказках), например, кь :пынтылака 'туловище', олантылака 'голова', ннта' тылака 'нос'.

Иногда лака придает слову уничижительно-уменьшительное значение ма :талака 'домишко'. Данное слово употребляется также для обозначения собирательности для слов с определенной семантикой, например, для обозначения группы деревьев: к'аллака 'березогай роща', ч'ил' лака 'сосновая роща'. В южных говорах слово лака почти полностью вышло из употребления.

Имя существительное липы 'часть, кусок' в самостоятельном значении встречается чрезвычайно редко. В качестве второго компонента словосочетания, где определяющим служит имя существительное в род.пад. или относительное прилагательное, оно более упо-

требительно: ш'ут лыпы 'кусочек змеи', а тал' копыл' лыпы 'кусочек оленьей шкурки', съ ткыл' лыпы 'шелуха от шишек', тумыл лыпы 'части, куски от листовницы'. Чаще всего лыпы придает уменьшительное значение слову, выраженному производным отыменным прилагательным, выполняя функцию деминутивного суффикса: н'ан'ил лыпы, 'кусочек хлеба', къ нлх лыпы 'маленькие рыбешки', сурнл' лыпы 'зверьки' ть ттнл лыпы 'кусочек земли', ра: мал лыпы 'лоскуток'. При обозначении живых существ словосочетание с определяемым или приобретает уменьшительно-пренебрежительный оттенок: 'ирал лыпы 'старикашка', чуннымтил лыпы 'лошаденка', ижал лыпы 'парнишка'. Особенно ярко выраженную отрицательно-пренебрежительную характеристику слово лыпы получает при присоединении к нему суффикса -ја, -јана: лыпнја, лыпнја 'уродина, плохое, отвратительное создание'. Это производное слово может выступать в качестве полусуффикса, придавая отрицательное значение производному слову: каналл-пијана 'плохая собака', кумыллыпија 'неряшливый, неприглядный человек', сырллыпија 'плохонькая коровенка', ш'ибаллыпија 'плохая утка', и:маллыбија 'неприятная женщина'. Производные слова со словом лыпы в качестве полусуффикса приобретает сниженную стилистическую характеристику и передает значение чего-то слабого, неполноценного, плохого: т'амтылыпы 'непрочная веревка', поркылыпы 'старая шубенка'. Обычно второй компонент сложного слова не отделяется от определяющего другими словами, это свидетельствует о том, что в настоящее время происходит процесс потери самостоятельного значения словом лыпы, органического сращения его с определяющим словом и превращение в суффикс.

Для выражения старости, дряхлости, полуразрушенного состояния употребляется производное слово с полусуффиксом -кота: имакота 'старуха, очень старая женщина', иракота 'старик', ма тыкота 'старый полуразрушенный чум'.

Самую начальную стадию развития полусуффиксов из слов къ ш 'половина' (поперечная), пел'ак 'половина, часть', чонты. 'средина, половина расстояния' мы застаем как в тазовских говорах, так и в тымских. Одновременно с весьма распространенным употреблением в самостоятельном значении эти существительные могут выступать также в функции суффикса в словах типа коркыкъ ш 'полмедведя', наряду с коркыт къ ш 'половина медведя', мачипел'ак 'полтайги' наряду с мачан пел'ак 'половина тайги', въ ттыпел'ак 'полдороги' наряду с въ ттыт пел'амты 'половину дороги', че:лычонты 'полдень'

наряду с че:лт чонтыты 'дня его половина'. Вторые варианты, однако, являются более приемлемыми в речи всех возрастных групп. Первый компонент этих сочетаний может даже принимать падежную форму (н'ан'ил'ап къ ш 'кусок хлеба', корГылъ къ шты кырынгыты 'медведя (В.п.) половину его ободрав', темныты къ шыныты 'аркан его до половину (собрал)').

Для выражения собирательного понятия при обозначении двух парных предметов типа 'лыжи', части тела, а также группы предметов, относящихся к одному виду, употребляются существительные с полусуффиксом -токтн: саянтоктн 'глаза', шандытоктн 'щеки', тол'читоктн 'лыжи', унгыдсатоктн 'уши', каяуы токтн 'все нарты', мал'чал'токтн 'малица и все прочее'.

Исследуя словопроизводство имен существительных селькупского языка, мы пришли к следующему выводу: наиболее древний способ словообразования - неформленное словосложение постепенно вытесняется во всех говорах, заменяясь способом словообразования по типу подчинения первого компонента второму, где в качестве определяющего выступают имена существительные в род.пад. или относительные прилагательные. Если раньше словообразование в селькупском языке в основном было связано с синтаксисом (путем словосложения), то в последнее время намечается тенденция к образованию слов морфологическим путем (посредством суффиксов); в северных говорах морфологический тип словообразования начинает развиваться за счет превращения некоторых полнозначных слов в полусуффиксы (лака, лыы, къ'ш, токтн и др.), в южных говорах среднеобского, кетского диалектов - преимущественно за счет развития, переомысления и сужения значения некоторых древнесамодийских суффиксов (-сак, -санг и др.), а также заимствования ряда суффиксов из русского языка.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) В.И.Лыткин, Развитие литературных языков народов СССР, относящихся к уральской группе, СФУ, 1970, I, стр.2.
- 2) А.П.Дульзон, Соотношение этнического подразделения селькупов с диалектами их языка, СФУ, 1971, I, стр.35-43.
- 3) В.В.Виноградов, Вопросы русского словообразования в свете трудов И.В.Сталина по языкознанию, "Русский язык в школе", 1951, 2, стр.2.
- 4) А.И.Кузьмина, Словообразование в селькупском языке (в печати),

- 5) К.Е.Майтинская, Венгерский язык, ч.П, Изд-во АН СССР, М., 1959, стр.202.
 - 6) К.Е.Майтинская, Указ. соч., стр.151-154.
 - 7) Н.М.Терещенко, Очерк грамматики ненецкого языка, Учпедгиз, 1947, стр.54.
 - 8) К.Е.Майтинская, Указ. соч., стр.157.
 - 9) Грамматика русского языка, т.1, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр.15.
 - 10) Г.Н.Прокофьев, Селькупский (остяко-самоедский) язык, Л., 1935, стр.28.
- II) A.Schiefner, M.A.Castrén's, Grammatik der samojedischen Sprachen, St. Peterburg, 1854, s.179.
- 12) Аго Кюннап, Показатели множественного числа имен существительных в камасинском языке, СФУ, III, 1964, 4, стр.281.
 - 13) Г.Н.Прокофьев, Селькупский (остяко-самоедский) язык. Сб. "Языки и письменность народов Севера", ч.1, М.-Л., 1937, стр.122.
 - 14) Данный пример и все последующие относятся к красноселькупскому и ларьякскому говорам селькупского языка.

Н.А.Лукиянова

ЛЕКСИКА ГОВОРОВ БОЛОТНИНСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ
(Краткий обзор материалов диалектологической экспедиции 1972 г.)

Систематический сбор материалов и изучение лексического состава говоров Новосибирской области начались с 1964 г. За прошедшие 9 лет обследовано ряд районов области: Сузунский, Ордынский, Колыванский, Маслянинский, Барабинский, Кыштовский, Северный и другие. Собирают диалектные материалы студенты и аспиранты Новосибирского университета, а также аспиранты и научные сотрудники Отдела филологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. На основе этих материалов создана картотека лексики говоров Новосибирской области. Она постоянно пополняется новыми данными. Кроме того, все наши материалы дублируются и направляются в Словарный сектор Ленинградского отделения Института русского языка, а составители "Словаря русских народных говоров" отражают их в готовящихся к печати выпусках.

В 1972 году группа студентов НГУ работала в Болотнинском районе. Он расположен в восточной части области, центр его г.Болотное находится в 136 км от областного центра. Основные обследован-

ные населенные пункты: Мануйлово, Савиново и Варламово. Местные жители названных сел подразделяют себя на две категории: "старожилов" и "расейских", или "хохлов". Противопоставление "старожилов" и "расейских" ("хохлов") осуществляется не по т е р р и - т о р и а л ь н о м у признаку, как это имеет место, например, в Сузунском, Ордынском районах области, а по признаку в р е - м е н н о м у: с какого времени проживает человек в Сибири. Те, кто родился и всю жизнь прожил в Сибири, в данном селе, считают себя "старожилами", хотя родители их могли приехать сюда из северных губерний или из южных. "Я закоренная жителька-старожителька", - говорит в себе старушка, которую в детстве привезли родители из Курской губернии. К "расейским" относят тех, кто приехал в село недавно, "на нашем веку", как говорят местные жители, в 20-40-е годы. В основном это переселенцы из южных районов СССР, а также представители других национальностей: украинцы, белорусы, чуваша, немцы, зыряне и др., язык их в новых языковых условиях частично или полностью ассимилировался с языком местного (русского) населения. "Расейских" называют и "хохлами", причем не обязательно представителей украинской нации: "Хохлы - кто наехал сюда недавно", - говорят местные старики.

По характеру языковых особенностей местного населения обследованных сел говоры этого района не относятся к типу "старожильческих говоров Сибири", как его определила О.И.Блинова в статье "О термине "старожильческий говор Сибири". Наблюдения над фонетическими и морфологическими чертами речи местных жителей позволяют нам сделать вывод о том, что фонетическая и морфологическая системы говоров Болотнинского района сформировались в результате интеграции севернорусских и южнорусских языковых явлений и несомненного влияния литературного языка. Севернорусские и южнорусские элементы настолько переплетены, что невозможно только по языковым особенностям установить исходную основу этих говоров, т.е. материнский говор. Смешение этих элементов отмечаем в речи одного и того же лица: утрата интервокального *j* и стяжение гласных в формах глаголов, прилагательных и местоимений (гулят, прыгают, не понимает, кожаны, чижола, (работа) большушна, крута, така, таки и др.) и сохранение *j* в этой позиции (старая, новая, бегают, прозывает, какая и др.); твердое и мягкое *T* в окончаниях глаголов (забигают, склацают, треплют и декут', млеут', хоцит', зокут', купцуют', мнут'); глагольные формы несет и несе, ведет и

веде и под. И только заднеязычные звонкие согласные Г и , сохраняя исконную диалектную противопоставленность, реализуются в речи р а з н ы х носителей говоров.

Речь местного населения отражает явления разрушения и утраты определенных черт. Так, например, в говорах употребляются аффрикаты Ц и Ч', но очень редко произносится звук С вместо Ц и Ш' вместо Ч (прясниса, купесс, ситесс, ш'айник, ниш'енки, мальш'онка) как след былого отсутствия аффрикат. Или другой пример: вокализм I-го предударного слога формируется так и в системе литературного языка - иканье, отдельные словоформы отражают яканье, которое, видимо, было свойственно исходному говору (у састры, в сязе, пятно, нясе и др.).

В задачу нашей статьи не входит описание фонетической и морфологической систем рассматриваемых говоров, цель ее - дать краткий обзор тех лексических материалов, которые были собраны во время летней экспедиции.

Предметом нашего анализа являются диалектные слова. На уровне сбора материала, в полевых условиях, диалектные слова (и словосочетания) собиратель определяет интуитивно, основываясь на собственной речевой практике. Слушая и записывая речь местных жителей и обрабатывая свои записи, мы никогда не гарантированы от субъективной оценки языковых фактов. Проверить их и объективно оценить как диалектные можно лишь на втором этапе работы - при лабораторной обработке материалов, при наличии необходимых атласов (в идеале) и словарей: толковых, региональных, исторических, этимологических, терминологических. Но и здесь субъективная оценка не исключена (хотя доля ее будет значительно меньше), так как не всегда мы имеем такие идеальные условия: мы не располагаем атласами русских говоров, терминологическими словарями, а, как известно, границу между диалектным словом и общенародным словом-термином провести довольно трудно.

На уровне сбора материалов к диалектным мы относим такие языковые элементы, которые удовлетворяют двум критериям:

- 1) употребляются в речи местного населения,
- 2) не употребляются в речи собирателя, носителя литературного языка.

В статье речь пойдет о диалектных словах, диалектных значениях общерусских слов и словосочетаниях.

Лексика, собранная во время экспедиции, достаточно разнооб-

разна по содержанию и употреблению в речи местного населения. Чтобы дать даже самую общую, первую характеристику лексики, необходимо провести классификацию ее. Признаки, положенные в основу классификации, могут быть самые различные.

Классификация по частям речи

По объему слов, представляющих каждую часть речи, все разряды распределяются в такой последовательности: существительные, глаголы, прилагательные и причастия, наречия. Среди существительных преобладают слова с конкретным значением ("предметные" имена): куржак - "иней, образующийся в результате резкой смены холодного и теплого воздуха", поползун - "ветер, метущий снег по земле", запон - "женский фартук", р. дник - "густой молодой лес", кочет - "петух", пшеник - "пирог с начинкой из пшена", курник - "пирог с мясом", кошёвка - "обитые войлоком сани" и т.п. Диалектные существительные с отвлеченным значением ("непредметные") в этих материалах немногочисленны: казна - "государство", самосуд - "суд миром, общиной", рукобитье - "один из этапов свадебного обряда", посиденки, вечерки, девишник, испажинки - "старый праздник 14 августа (первое число последнего летнего месяца)", помочь - "денежное пособие от государства на обустройство хозяйством" и др.

Разряд глаголов представлен словами номинативными и эмоционально-экспрессивными: забижать - "обижать кого-либо", посудить - "пообещать что-либо кому-либо", робить - "заниматься физическим трудом", зробить - "получить деньги за работу", зарится - "светает", зростить - "воспитать кого-либо", пособить - 1. "оказать физическую помощь кому-либо", 2. "оказать материальную помощь кому-либо", глянуться - "нравиться", погинуть - "погибнуть", захмуриться - "покрыться тучами (о небе)", гутарить - "говорить, разговаривать, беседовать", разведрить - "проясниться (о погоде)", заненаститься - "начинаться ненастью, плохой погодой", закуржаты - 1. "начинать покрываться инеем (куржаком)", 2. "покрыться инеем (куржаком)", обкладывать - "устанавливать, взимать налог" и т.п. Мы привели примеры номинативных глаголов. Эмоционально-экспрессивные глаголы выражают одновременно определенное действие, качественно-количественную характеристику этого действия и, кроме того, положительную или отрицательную оценку действия говорящим: напёрстывать - "быстро идти, бежать, убежать от кого-либо", парусить - "ходить по деревне без определенной цели, хорошо одевшись", колдобить (отрицат.) - "идти хромя, прихрамывая, очень

медленно передвигаться", ошнёниться (отрицат.) – "очень грубо разговаривать со взрослыми, родителями", наблудить (отриц.) – "совершить нехороший проступок, напроказничать", намодиться – 1. "хорошо одеться", 2. "кричаще, вызываясь одеться", скопиться – "слечь и постель, не вставать из-за болезни", колупаться – "очень медленно делать что-либо".

Прилагательные, причастия и наречия не столь многочисленны и разнообразны по содержанию, как существительные и глаголы. Приведем несколько примеров: долгий – 1. "длинный (в пространстве)", 2. "продолжительный по времени"; падлый – "излохший, прогнивший"; песняные (песни) – то же, что весенние; закоренённый – "местный, родившийся и всю жизнь проживший в данном населенном пункте (о людях)"; изробленный – "больной от продолжительной физической работы", черемшнный – то же, что черемуховый; разговористый – "любящий говорить, беседовать, рассказывать"; годова – "в возрасте одного года", дурной (край) – "озорной, бойкий", шипко – "очень сильно", шипкие – "очень сильные" (напр., шипкие морозы), купецкие – то же, что купеческие; хмарный, морочный (день) – "пасмурный"; сызмальства – "с детства"; порозыв – "порознь"; сызвёку – "издавна"; пешеходом, пешака – то же, что пешком; убегом – "без чьего-либо разрешения" и т.п.

Лексика говоров Болотнянского района многообразна по содержанию. По этому признаку можно объединить слова в следующие тематические группы.

1. Слова, обозначающие людей по различным признакам: куборщица – "женщина, которая красила холст", грудник – "колхозник, получающий грудочку", поручитель – "человек, свидетельствующий совершеннолетие жениха при венчании", групповод – "звеньевал", хожалка – "женщина, ухаживающая за птицей", поярка – "женщина, ухаживающая за телятами", песельница – "женщина, которая любит петь песни", скоморох – то же, что гармонист, наезжие – "приезжие, те, кто недавно приехал в село; новоселье" (глагол наезжать употребляется в значении "приезжать, прибывать"), чалдон – то же, что старожил; хоход – "человек, недавно приехавший в село"; баёр – то же, что помещик; мужик – 1. "мужчина", 2. "муж"; грудовик – "трудолюбивый человек (о мужчине)" и т.п.

В данную тематическую группу входят слова, обозначающие людей, которые принимали участие в свадебном обряде. Эти слова еще сохраняются в памяти людей старшего поколения: шобарка – "подру-

га невесты на свадьбе"; бояры – "друзья жениха на свадьбе", тысяцкий – "распорядитель на свадьбе", дружка – "друг жениха", дружка – "подруга невесты", полудружье – "помощник дружки", свадебники – "приглашенные на свадьбу"; подженишник – "самый лучший друг жениха, сидевший рядом с ним за столом на свадьбе"; подневестница – "самая лучшая подруга невесты, сидевшая рядом с ней за столом"; поручитель – "человек, свидетельствующий совершеннолетие жениха при венчании"; стряпка – "женщина, которая готовила блюда для свадебного стола", и др.

Ряд слов обозначает совокупность людей (собирательные имена существительные): сарынья – то же, что дети; орда – "дети"; наезжие (от глагола наезжать – "приезжать, поселиться") – "люди, недавно приехавшие в село" и др.

В этой же группе можно выделить слова эмоционально-экспрессивные, называющие лицо и выражающие оценку его: мотыга – "горький пьяница", (буквально: "пропивающий все до нитки"), варнак – "озорной, бойкий человек"; брошенка – "женщина, от которой ушел муж"; разженя – "человек, взявший развод (о мужчине и о женщине)"; обтало – "человек, любящий много говорить пустого, болтливый"; сураз – "незаконнорожденный ребенок"; молодица – "молодая женщина, жена"; андарашница, безандарашница – обращение к детям (чаще – к девочкам); ухажер – "жених", ухажерка – "невеста". Для названия возлюбленного в болотнинских говорах употребляется ряд слов положительной оценки: матаня, сатына, мадынька.

2. Названия одежды, обуви, головных уборов; рукавиц, украшений: андарак – "шерстяная юбка", сподница – "верхняя юбка", холшовятина – "любое изделие из холста", ошейник – "воротник женский блузки или мужской рубашки", свитка – "верхняя мужская одежда типа пиджака из грубого холста", постовка – "женская нижняя рубашка", сермяга – "суконная куртка", станинка – "нижняя часть женской сорочки, аппликация", саян – "суконная или шерстяная юбка", лопоть (собират.) – "одежда", ерундия – "плохая одежда", пояска – "пояс", пониток – "осеннее женское пальто", пранцеса, пранцес – "женская блузка из тонкой красивой ткани", мохры – "тряпье", маринак – "женский жакет из плюша", запён, запан – "женский фартук"; вытяжки – "мужские резиновые сапоги с длинными голенищами", бродни – "мужские кожаные сапоги", обутки – "обувь из кожи, которую носили женщины и мужчины", поголенки – "холщовые чулки, сшитые без следа", обуза – "любая обувь", черевички – "женская празднич-

ная обувь из кожи", чибрики - "сношенная обувь, которую носят дома", пимы - то же, что валенки; хуска - "женский нарядный платок", повойник - "женский головной убор"; верхонки - "холщовые рукавицы, которые надеваются сверху других рукавиц", шубенки - "рукавицы, сшитые мехом внутрь"; дохмашки, мохнашки - "рукавицы, сшитые мехом наружу"; гагáтки, крали - "бусы"; боры, фанбары, панбóрки - "оборки на женской одежде" и т.п.

3. Бытовая лексика - самая многочисленная группа. В ней можно выделить несколько подгрупп.

а) Названия посуды: макíтра - "глиняный горшок для сметаны", це́бер - "деревянная миска", ря́жка - "деревянное ведро", корча́га - "глиняный горшок", тýес, тýесóк - "берестяной сосуд цилиндрической формы для жидкостей"; берестенка - "небольшая берестяная корзина", колыва́нка - "глиняный горшок большого объема"; кваше́нка, дежа́, де́жка - "деревянный сосуд (бочка) для теста" и т.п.

б) Названия пищи: пшени́к - "пирог с начинкой из пшенной каши", горошница - "гороховый суп"; ще́рба - то же, что уха; варьва - "квашеная капуста", дранники - "оладьи из тертого картофеля"; пегон - то же, что самогон; шаньга - "ватрушка"; солодуха - "тесто из ржаной муки"; простокíша - то же, что простокваша; стружни - "сдобное печенье"; кулага - "напиток из проросшей ржи" и т.п.

в) Названия предметов домашнего обихода: ухват, рогач, чапелá, чапельник, ёмки - все эти слова обозначают металлическую рогатину на длинной палке, которой подхватываются чугуны; пурт - "нож", ковенí - клюка - "кочерга"; свите́п - "подставка для горячей лучины", утиральник, утирка - "полотенце"; рукомойник - "умывальник", сельница - "кочерга", судомойка - "тряпка, которой моют посуду", и т.п.

г) Названия жилых и хозяйственных построек и их частей: двор-поместье - "дом с хозяйственными постройками"; кут - "место возле печи, где готовится пища и корм скоту"; горница - "комната в доме"; вышка - то же, что чердак; голбец - то же, что подполье; хата - "жилой дом"; омшанник - "утепленное помещение для зимовки пчел"; заплот - "забор"; тын - "забор из тонких стволов деревьев"; переплетка - "забор из переплетенных прутьев", стайка - "помещение для скота"; клев - клевок - "помещение для домашней птицы"; разновидности домов: круглый дом, кресто́вый дом, пясти́стник и т.п.

д) Названия домашних животных: жевлячо́к (собират.) - то же, что живность; пе́вень - кочет - "петух"; клу́шка - насе́дка - квок-ту́ха - кво́чка - "курица, сидящая на яйцах"; селёток - "теленочек"

(жеребенок) до одного года", лошак, лончик - "теленки (жеребенок) в возрасте до двух лет", стригунок - "теленки (жеребенок) после двух лет"; подтелок - "корова, которая еще не телилась"; иманка - "домашняя коза", наримка - "порода лошадей"; отъем - "поросенок, которого отняли от матки"; перволеток - "теленки по первому году" и т.п.

IV. Лексика, отражающая производственную деятельность местного населения. В этой группе наиболее полно представлена лексика обработки льна, прядения и ткачества: шеть, мялка, трепало, мотонило, волокушка, полумотки, вороб, трюк, веретено - веретно - вертешка; кросна - кросна, обряди, нитчики, навойка, пришва, подножки, набелки; сёски, охлопы, изгреб, изгребье, потрепя и т.п.

Отдельные диалектные слова обозначают реалии сельского хозяйства: залог - родник - "непаханная земля, целина"; жница - "поле, с которого убрана пшеница"; лнница - "поле, с которого убран лен"; конопница - "поле, с которого убрана конопля"; лобогрейца - "машина для косовки"; сабан, колесуха - "приспособления для вспашки земли"; оверье - "верхняя часть стога", одеье - "остатки сена от стога"; мутовка - "небольшая водяная мельница"; отвалка, мушчок, жёлка - названия деталей плуга; чекмень - "большая железная тяпка с деревянной ручкой" и т.п.

Единичны слова, обозначающие орудия рыбной ловли: морда, лава - "бревно, которое применяется для запруды на небольшой реке", шнурок - "леса" и некоторые другие. В Барабинском районе нет больших водоемов, как например, в Сузунском, Ордынском, Кольванском, в говорах которых лексика рыбной ловли очень многочисленна и разнообразна.

V. Слова, обозначающие дикие растения: названия грибов: масляники, березовики, осиповики, коровники, моховики, беляники ("волнушка"), доленки, лсички; названия ягод: брусница, земляника, костеница, боярыж; названия трав: серпуха - "трава, которой красили холст"; самородка - "естественно выросшее дерево", росолег - "ведобная трава"; в эту же группу отнесем слова, обозначающие совокупность деревьев, кустарники: рядник - "частый молодой лес", березник - "березовый лес"; шиповник - "заросли шиповника" и т.п.

VI. Названия явлений природы: атмосферные явления: ведро - "хорошая погода", погода - "ненастье", курчак - кухта - "иней", марок - "пасмурное состояние атмосферы", хмарный день - "пасмурный день", порогуз - "ветер, который метет снег", хуз - "ветер

со снегом", замороз - "ночные заморозки", трескун - "очень сильный мороз"; состояния и процессы, связанные с атмосферными явлениями: разведриться, запуржить, закуржить, выветриться - "проясниться (о небе)" и т.п.; пространственные реалии: сумёт - набои - "сугроб (сугробы) снега", чарым - "плотная корка из снега" (глагол зачарымать - "покрыться плотной коркой снега"); грива - "града, поросшая лесом"; чистина - не заросшее место в лесу", урад - "склон горы"; падун - лог - то же, что овраг; другие слова, отражающие явления природы: сарится - "светает", тинёта - "паутина", мигальгрь - "большой паук"; паут - то же, что овод; глиза - "большой кусок спрессованного снега, навоза", назёмная земля - "удобренная навозом земля", дённал вода - "вода со дна колодца" и т.п.

УП. Свадебная лексика: рукобитье, пропить невесту, заламывать ворота - "требовать выкуп за невесту от жениха", с добра венчаться - "венчаться с согласия родителей", свадьба бёгом - "свадьба без согласия родителей невесты", играть свадьбу; названия участников свадебного обряда (см. эти слова в тематической группе "слова, обозначающие людей").

Материалы, собранные студентами в Болотнинском районе, отражают устойчивые и фразеологические словосочетания: ходить в дорогу - "заниматься извозом", бить печь - "делать печь", зайти в колхоз (очень часто встречается в речи местного населения) - "заступить в колхоз", мёдовый год - "урожайный год", край находит - "конец, смерть приходит", бёгом бежать - "быстро бежать", убёгом венчаться - "венчаться без согласия родителей", заламывать ворота, горе мыкать - "испытывать нужду, лишения", татары с уздами - "спекулянты", быть в одних годах - "быть ровесником кому-либо", максим не варит (о недалёком человеке), на боку лёжа - "небрежно, без особых усилий", погода поднимается - "начинается ненастье, плохая погода", расти как на дрожжах - "расти быстро (о ребёнке и о растениях)", потерять здоровье - "лишиться здоровья, стать больным", ходом ходить - "ходить пешком", ходить курьим шагом - "ходить очень медленно, еле-еле передвигая ногу", добрые люди - "хорошие, отзывчивые люди", слыху не было - "не слышали", на лету залетать - "залетать очень быстро (о птицах)", отвести сорок дён - "устроить поминки по умершему через сорок дней после его смерти", отвести девять дён, брать алименты - "получать алименты", жить в строку, жить в строках - "нашиматься в работники к кому-либо на определённый срок", даль-далина - "очень далеко", голова уватила - "голова

заболела", горе напало - "горе случилось", зло задавило - "разозлился"), наложить на ум - "напомнить кому-либо о чем-нибудь", бить в отходе - "выехать, уйти из деревни на какое-то время, а потом снова вернуться туда", из последнего тяга - "из последних сил, на последние деньги", от тёмна до тёмна - "с раннего утра до позднего вечера", дать (давать) выдержку - "сделать перерыв в работе", мало дело - "конечно, разумеется", сбор дружина - о людях, приехавших в одно село из разных мест, и т.п.

Интересны материалы, представляющие так называемые семантические диалектизмы: слова, совпадающие со словами литературного языка в плане выражения, но имеющие в говорах иную систему значений. Такие слова могут быть предметом специального изучения. Здесь же мы ограничимся лишь отдельными примерами.

Глагол познавать в литературном языке употребляется в значениях: 1. "приобретать знания"; 2. "достигнуть что-либо"; познавать радость, счастье. В говорах Болотнинского района этот глагол имеет значения: 1. "узнавать о чем-либо" (А как вы познаете о таких деревнях?); 2. "понимать кого-либо" (Никто не познает, что она говорит). Семантическая соотносительность названных глаголов в двух системах очевидна. А вот слово, например, родник имеет не соотносительные значения. Ср. в литературном языке "источник", в болотнинских говорах "целина" (Родник перва не пахали). Видимо, подобные случаи соответствия слов литературного языка и говоров можно отнести к межсистемной омонимии.

Глагол кончиться употребляется в речи местного населения в значении "исполниться (о возрасте)": Мне шестьдесят кончилось недавно. Четыре кончится восьмого сентября. Частотно значение "вступить куда-либо" глагола зайти, которое реализуется в устойчивом словосочетании зайти в колхоз: В колхоз зашли, некогда было ткать. Прилагательное пушистый употребляется как синоним слова пышный "с множеством воланов": пушистое платье, пушистые рукава.

Глагол наезжать в литературном языке имеет значение "приезжать в большом количестве", в говорах он употребляется без оттенка "в большом количестве", синонимичен глаголу приезжать: Наезжали сюда из Расаи, здесь и жить оставались.

Слово обзывать в системе литературного языка функционирует как эмоционально-экспрессивный синоним слова назвать - "дать кому-либо обидное название". В наших говорах оно употребляется и как эмоционально-экспрессивный и как нейтральный вариант. Ср. Ре-

бятишки обзывают сына и А мы обзываем ухват чапелкой. Аналогично слово гулящая в сочетании с существительным, обозначающим лицо, употребляется с отрицательной оценкой (ср. гулящая девка), а в сочетании с неодушевленным существительным как нейтральное: Од-ной минуты гулящей нет! (здесь гулящая - "свободная, не занятая каким-либо делом").

Сравнение слов, записанных участниками экспедиции, со сло-варем русского литературного языка показывает, что в говорах актив-ное употребление имеют многие слова, которые в словаре (ССРЛЯ) в отдельных своих значениях фиксируются с пометами "устар.", "слец", "народно-поэтич.", "просторечн.". В этих значениях они и входят в активный словарь местного населения. Ср. рушить - 2. "устар." и "народно-поэтич." "разрезать (что-либо съестное)": р. хлеб, пирог (ср. производные: отрушить, нарушать - нарушить).

Судить - I. "устар." и "народно-поэтич." "обещать"; то же в говорах. Хоронить - I. "устар." и "просторечн." "хранить, беречь, охранять"; 2. "устар." и "просторечн." "укрывать, прятать кого-нибудь". Подобные слова являются подтверждением известного вывода, что говоры сохраняют на более или менее длительное время те сло-ва и значения, которые выходят из активного употребления в лите-ратурном языке.

По своему употреблению в речи местного населения диалектная лексика неоднородна. Выделяются слова активного состава: они упо-требляются в повседневной речи всех носителей говоров независи-мо от их возраста; в материалах экспедиции такие слова иллюстри-руются несколькими контекстами. Слова активного словаря отмечены в тематических группах "жилые и хозяйственные постройки", "явле-ния природы", "домашние животные", "человек" и т.п.: запогодить - "стать плохой (о погоде)", заненаститься, зариться, хиуз, папара, куржак, глыза, хмара, вёдро, разведрить, робить, вышка, заплот, двор, ботало, вдovuxa, молодуха, иманка, лончак, разжеля и др. Второй разряд составляют слова пассивного состава: они не упот-ребляются в повседневной речи носителей говоров, но сохраняются в их памяти и употребляются при воспоминаниях о прошлом. Такие слова представлены в тематических группах "одежда", "быт", "пи-ща", "свадьба", "посуда", "прядение и ткачество", "обработка льна", "человек" и т.п.; баер - "помещик", дружка, тысяцкий, приданница, макитра, кварта, маринак, тепломат, пониток, поголёнки, гагатки, вытяжки, чибрики, бродни, курник, пустышки, затируха, каравай.

чубарка, корчага и т.п.

При составлении региональных словарей необходимо учитывать оба эти разряда диалектных слов.

В материалах экспедиции представлены слова, имеющие преимущественно севернорусские или южнорусские ареалы на территории европейской части СССР. Причем количество слов южнорусских ареалов в болотнинских говорах значительно больше, чем, например, в обследованных нами ранее говорах Сузунского и Ордынского районов Новосибирской области. Объяснение этому - состав населения Болотнинского района (преобладание выходцев из южных губерний). Ср. южнорусские слова, которые употребляются местным населением: макитра, кварта - "кружка", дониток, рогач, ёмки, чепела, чапельнде, дежа, дежник, андарак - "женская юбка", повойник, постовка, хуска, сподвица, весёлка, кочет, хата, жбан, ковеня - "кочерга", чибрики, гутарить-гуторить, дже, бульба - "картофель" и др. Противопоставленные лексические соответствия отмечены в речи одного и того же лица: шибко - дже, петух - кочет, язба - хата, ухват-рогач, мутовка - весёлка и др. По существу противопоставленность (территориальная) этих слов в речи местного населения уже снята, она может выражаться лишь в большей или меньшей употребительности членов этих рядов.

Подводя общий итог краткого обзора диалектных материалов нашей экспедиции, можно констатировать, что говоры Болотнинского района Новосибирской области являются смешанными. Смешение языковых особенностей севернорусских и южнорусских ареалов прослеживается и на уровне фонетики, и на уровне лексики. Это, так сказать, первичный, как бы "видимый" вывод. Более тщательное и глубокое изучение материалов даст возможность выявить тенденции развития фонетики и лексики этих говоров в сопоставлении с другими, уже изученными, говорами Новосибирской области.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
К. А. Тимофеев, Заметки об устройстве языка (о месте словообразования в структуре языка)	3
М. Н. Янценецкая, Семантическая соотносительность глаголов на -еть и мотивирующих прилагательных.	8
Г. И. Климовская, О синлексическом слое словарного состава русской народно-разговорной речи ХУП - начала ХУШ века	18
Н. Д. Голев, Об описании значений слов-денотативов	26
Ф. А. Литвин, О нейтрализации языковых оппозиций при речевом совмещении значений слова (на материале английского языка)	34
Е. Б. Шерешевская, Особенности стилизации и пародирования в прозе И.А.Крылова	45
М. И. Черемисина, Н. С. Соппа, К вопросу о семантике зоохарактеристик. (На материале русского образа "петух")	55
А. В. Захарова, М. И. Черемисина, Зоохарактеристика "петух" по данным опроса информантов	69
В. Ф. Мейеров, Компаративные устойчивые фразы (семантика, позиция, функция)	73
С. Б. Берлизон, Эмоциональность слова (фразеологической единицы) в плане дихотомии "язык - речь" (на материале современного английского языка)	89
Ю. Ю. Авалиани, К контекстуальным связям слова и фразеологизма	98
О. П. Фролова, К вопросу о фразеологообразовании в японском языке	100
В. М. Лейчик, Термины-синонимы, дублиеты, эквиваленты, варианты	103
Р. Л. Махлиновская, Многозначность терминов и контекст (на материале англо-русской экономической терминологии)	107

В. Н. П е с т у н о в а, Количественные оценки валентности русского олова	113
М. Д. С и м о н о в, Понятие "слова" в эвенкийском языке (на материале баунтовского говора).	118
А. П. Д у л ь з о н , Прасамодийские форманты глагольного лица	131
А. И. К у з ь м и н а, К вопросу о словообразовании в селькупском языке (о превращении некоторых полнзначных слов селькупского языка в суффиксы)	137
Н..А. Л у к ь я н о в а, Лексика говоров Болотнинского района Новосибирской области. (Краткий обзор материалов диалектологической экспедиции 1972 года)	149